

ISSN 0134-241X,

уральский **8**
СЛЕДОПЫТ 1992

ТАВОЛГИ

Ольга ЩЕРБИНИНА

Что за имя у этого села — певучее, протяжное, загадочное: Та-а-аволги, или, как здесь говорят: Таволги-и-и. Трава таволга растет неподалеку на реке Таволга, отсюда и название старинного села, возникшего вблизи Невьянска в 1768 году.

Дата эта значитса на щите при въезде в Нижние Таволги, а еще из фанеры сделана корова да горшок из глины. Со дня основания занимались здесь гончарным ремеслом и жили сплошь горшечники. Одна из распространенных фамилий — Горшенины, а еще Шадрины, Заворохины, Ждановы...

При одном из Демидовых вывезены были сюда из Тульской губернии так называемые приписные крестьяне, отсюда завезли они и ремесло горшечников. А красной, жирной глины по берегам реки Нейвы неисчерпаемый запас.

Об истории промысла рассказывает житель села, художник-самоучка и гончар Яков Акинтыч Жданов. Знаменитая Анастасия Яковлевна Кузнецова — мастерица по изготовлению игрушек и свистулек — была бабушкой Якова, от нее он перенял любовь к гончарному делу и художеству. Вокруг жили гончары-одиночки, имели по одному-два круга, делали посуду: бочонки, корчаги, горшки, кашапки, чашки хлебальные. С удоволь-

ствием перечисляю эти позабытые названия, воссоздающие старинный быт русского села. Из нашего быта они почти исчезли, а нынешняя фабрика «Керамик» здесь же, в Нижних Таволгах, не изготавливает дешевых, невыгодных предметов. У нее в ассортименте — напольные сервизы, декоративные тарелки...

Жили горшечники небогато: продукция-то копейная. Но было у каждого собственное крестьянское хозяйство: хлеб, овощи, свиньи, куры, кролики, овцы.

При НЭПе в Таволгах работало более 50 гончарных фабрик, процветали Костусовы, Заворохины, Чебаковы, Стадухины, Вагановы. В конце 20-х Анисифор Ефимович Заворохин создал артель «Гончар», теперь дело его восстановили на своей крохотной фабричке его сын Тимофей Анисифорович и внук Николай Тимофеевич. Выпускают отличные горшки для цветов, посуду, которой нам так не хватает в быту.

Не забыто в Таволгах старинное гончарное ремесло. Благодаря фабрике, процветает село, и молодежь держится. Вон в Верхних Таволгах нет производства, так там больше пенсионеров, чем работников. А ведь Верхние Таволги тоже славились некогда промыслами: пимокатным, овчинным, тулупным, маслобойным.

В Нижних Таволгах с успехом работало кредитное товарищество овчинников и шубников во главе с Тимофеем Ивановичем Назаровым. Братья Кузнецовы, Николай и Поликарп, искусны были в изготовлении санок-кошевок, дрожек и прочих экипажей.

В 29-м пронеслась тут, в Таволгах, коллективизация. «Напылили кругом, накопытили»... И мало того, что разорили крестьянина экономически, но унизили нравственно, отобрав волю, разорив храмы.

Вот и здесь, в Нижней Таволге, светит дырами староверческая часовая краснокирпичной архитектуры... Правда, в селе Быньги, в пяти километрах отсюда, церковь сохранилась. Старинная, с резным дубовым иконостасом, древними иконами золотого невянского письма, чугунными плитами узорчатого пола. Все здесь сделано руками уральских мастеров.

Медленно приходит в себя село, вспоминает давно забытое. Наталья Михайловна Ковалевская приехала в Таволги работать художником на «керамике», но захотела полной творческой свободы, стала «кустарем-одиночкой». Ее увлечение — глиняные игрушки. Как-то нашла на свалке свистульку — голову коника. Хранит ее бережно, как реликвию: «Мне еще до нее расти и расти. Посмотрите, какая пластика!».

Рассматриваю Наташины свистульки, пикульки, гудки в виде коней, петухов. Вот коза в фартуке, лиса, несущая петуха, Емелька на свинье... Сказочные и мифологические образы, вылепленные с юмором, выдумкой. Нет, не умерло уральское село, не забыты, не отринуты представления отцов и дедов о красоте и правде.

Фото Алексея Гордиенко



Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:
Ставнслав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виктор АСТАФЬЕВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
[заместитель главного редактора],
Сергей КАЗАНЦЕВ
[ответственный секретарь],
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Сдано в набор 12.05.92.
Подписано к печати 28.08.92.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,15.
Усл. кр.-отт. 10,08.
Тираж 105650.
С — 043
Заказ 439.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Журнал-газета «ЧЕСТНОЕ СЛОВО»

Объявляет очередной набор внештатных корреспондентов и распространителей из ребят 10—15 лет.

Информацию о себе и фото высылать по адресу: 620219, ГСП-451, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 34, комната 513, «Честное слово». Подписной индекс «ЧС» — 53803 (для жителей Свердловской области).

2

«ПАВЛЕНКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Отклики читателей на одноименный родни-коведческий поиск.

6

УСПЕНИЕ

История и обычай церковного праздника посвященного деве Марии.

А. Медведев

7

ТАИНСТВЕННЫЙ КИРША. Истори-ческий очерк.

Попытка дать разгадку мифа об авторе сборника «Древних российских стихотворений».

И. Шакинко

12

КРАЕВЕДЕЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ

14

СПИСАННАЯ. Рассказ

Ю. Иванов

22

ОТ ТЮРЬМЫ ДО КЛАДБИЩА.

Вчера и сегодня тюремного острога Екате-ринбурга.

В. Зайцев

25

«И ЖАДНОЙ МЫСЛЬЮ ПОГРУЖА-лись В ТАЙНЫ...»

Аквамарин в творчестве И. А. Ефремова.
Т. Буруковская

28

ЧТО БУДЕТ С НАМИ?

Обзор глобальных катастроф.

Б. Шарманов

29

ВОЛКИ

А. Войнаков

30

СТИХИ

Ю. Назарин

31

НОЧЬ ХОГГИ ДАРНА. Фантастическая повесть.

Р. Маккенна

52

К ЗАПАДУ ОТ СУЗЦА

Начало цикла публикаций об уральцах, выполнявших «интернациональный долг» в горячих точках планеты.

Е. Суслев

56

«ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО» НА ОКНЕ

Н. Ладов

56

ПОДНОСЫ ИРИНЫ СМЫКОВОЙ

А. Максшия

57

ИМЕННИК

уральский 1992 8
СЛЕДОПЫТ

«Павленковская библиотека»

Монастырка на Камском «море»

С осинского берега Камы, особенно в ясный солнечный день, хорошо видны ветхие домишки Монастырки и рощица старых тополей. В зимнее время связь ее с Осой осуществляется по меченой вешками «дороге жизни» (по льду). Летом — при помощи паромной переправы. По прежней Каме плавали и на лодках. Паром вначале был конный (лошади вращали лопасти колеса), затем появился весельный.

Каждую весну на Каме был ледоход — красивое зрелище! Сейчас Камское водохранилище разлилось широко, и ледохода уже нет.

Второй раз судьба забрасывает меня в «Закаму» в качестве врача. 20 минут хода парома — и мы на правом берегу, у Монастырки. Слева — устье речушки Копанца. По легенде его копали еще монахи Преображенского монастыря. В пермских памятниках слово «копанец» означает искусственно выкопанный ров.

История Монастырки уходит в конец XVI века. В 1595 году стояла за Камой часовня черного попа Ионы Прокофьева Пошехонца и старца Арсения Мезенца. Потом рядом встал монастырь и поселок при нем, названный Подмонастырской слободой. Позднее стали называть Монастырек, а затем Монастырка.

До затопления центральная часть деревни находилась справа от паромной переправы, а там, где нынешняя Монастырка, стояли лишь отдельные дома. Теперь на месте старой Монастырки плещутся волны Камского «моря».

А монастырь стоял чуть выше, где-то в районе прежнего лесничества, возле старых лип (они сохранились). И монастырь, и часовенка были деревянными. Поблизости располагалось монастырское кладбище. По словам жителей, иногда большая вода, подмыв берег, обнажает человеческие кости...

¹ Начало поиска «Павленковская библиотека» читайте в № 1 «Уральского следопыта», 1992 г.

На наш вопрос о Монастырке на Камском «море» и монастырской павленковской библиотеке («Уральский следопыт» 1992, № 3)¹ откликнулись краеведы города Осы, монастырские старожилы. Отозвались воспоминаниями, находками в архивах. Осинский врач и краевед Юрий Витальевич Соколов прислал целый альбом. В нем — фотографии, план современной Монастырки, историческая справка о ней, топонимика окрестностей, имена старожилы и даже записи местного фольклора!

Некоторые отклики мы сегодня печатаем.



Рядом, чуть правее, журчит в траве речушка, берущая начало у ключей. Место возле ключей называют Берегисиха.

А название другой речушки — Трапезихи — чуть выше по Каме, связано с монастырем. Здесь останавливались монахи-паломники и справляли трапезу, угощаясь ключевой водой.

Копанец делит нынешнюю Монастырку на две части. Раньше они назывались «Одина» (справа) и «Слободка» (слева). В Одине есть улица Луговая — ее дома привезены из затопленной деревни Луговой и из старой части Монастырки. Вокруг деревни были прекрасные луга, а рядом — богатое рыбой озеро Панское. Говорят, зимой озеро хитро продали заезжему богатею под... покос.

В Копанец впадает речушка Байрак и известный в этих краях Харин Ключ — с особо чистой и прозрачной,

как слеза, водой. Ключ вытекает прямо из горы, место истока прикрыто шалашом, рядом вкопана скамейка. Вода Харина Ключа, как утверждают жители, обладает целебной силой. Даже из Осы приезжают за ней люди. До революции на Копанце стояли две мельницы — сейчас видны только заросшие земляные насыпи.

В годы Великой Отечественной войны в Монастырке располагался детский дом для эвакуированных детей.

По словам Анны Егоровны Юргановой (1908 г. р.), в деревне насчитывалось до революции до 130 дворов. Ныне Монастырка уже не та. В 1980-м здесь было 190 жителей, на конец декабря 1991-го — всего 142, из них детей только 20. Из местных жителей в основном люди пожилого возраста (60 пенсионеров). Из 85 жилых домов 13 — используются исклю-

чительно под дачи.

От старинных монастырских фамилий остались четыре: Колеговы, Ипатовы, Коробейниковы, Ожгибесовы. Последняя — самая многочисленная, ее носят 33 жителя деревни.

Из общественных зданий имеются клуб, почта, медицинский пункт, в 1991 году построен новый магазин. Есть вертолетная площадка — в распутицу вертолет — единственная связь с «большой землей». Два раза в неделю в «Закаму» залетает почта, транспортируются в Осу больные.

Общественное производство ограничивается фермой-откормочником крупного рогатого скота, построенной в середине 60-х годов.

Есть в Монастырке пекарня — одна на всю «Закаму». В среднем за сутки она выпекает 1100 буханок белого, пышного «закамского» хлеба.

Ю. СОКОЛОВ

«Помню первую в жизни

книгу...»

(Вспоминают старожилы)

Владимиру Андреевичу Ожгибесову 80 лет. Последние двенадцать лет перед пенсией он был председателем Богомяковского сельского совета. Уроженец деревни Монастырки, а сейчас живет у дочери в Осе.

Хорошо помню библиотекаря в Монастырке — одного из первых — Агнию Михайловну Калининну. Всю жизнь она отдала просвещению, была незамужней. Строгая, требовательная. Прекрасно играла на фисгармонии, сопровождая выступления ученического хора. Жила в школьном здании. В Монастырской библиотеке имени Павленкова, помню, прочитал первую в жизни книгу — «Весна-красна». Потом стихи М. Ю. Лермонтова, басни И. А. Крылова...

Широко известен был в округе наш гуслияр Андрей Иванович Кузнецов. Он выступал по всей Пермской губернии и был своеобразным героем Монастырки. Помню, как он пел, играя на гусях:

Посеяли девки лен.
Ладо-ладо, девки лен.
Потом пололи лен.
Ладо-ладо, девки лен.
Белы ручки кололи.
Ладо-ладо, девки лен.
Как во этот во ленок
Повадилс паренек.
Ладо-ладо, девки лен.
Всё Андрюшка цеголёк.
Ладо-ладо, девки лен.
Весь ляночек испрнимял,
В Дунай-речку поборсал.
Ладо-ладо, девки лен.

Дунай-речка не примат,
К бережочку прибиват.
Ладо-ладо, девки лен.

В 1918 году Андрей Иванович был расстрелян красными вместе с братом. И напрасно — он ничего плохого Советской власти не сделал, а только имел неподходящих родственников. Монастырские товарищи торопились заступиться за Кузнецова, но, к сожалению, не успели.

Весьма интересной личностью был Егор Иванович Вострецов (не его ли брат С. И. Вострецов был первым заведующим библиотекой в Монастырке? — *Ред.*). Он демобилизовался по ранению с империалистической в 1915 году. В Монастырке завел небольшую лавчонку, а также взял в свои руки бразды правления пожарной дружиной. Ему удалось обзавестись двумя пожарными машинками, инвентарем — бочками, баграми, ведрами и даже формой для дружинников. Нередкими были учения дружины. Это был своеобразный клуб молодежи. А в десятое воскресенье после Пасхи проходило генеральное выступление дружины, которое собирало всю деревенскую молодежь.

Для пожарной практики намечался дом, с песней подъезжали к нему, раскатывали пожарные рукава, приводили в движение насос и т. д. После учения Егор Иванович приглашал пожарников к себе на чай с медом, разбирая моменты учений. В разговорах, естественно, затрагивался весьма широкий круг вопросов.

Началась гражданская война. Е. И. Вострецов объявил свою пожарную дружину боевой — со своим обмундированием и вооружением. Был получен приказ двигаться к селу Частые. Белых отогнали, и дружинники вернулись обратно. А по первому льду они переправились в Осу и были направлены под деревню Федорки в Бардымском районе. В том бою погибло 11 монастырцев. Убитые были сброшены в овраг. Только через две недели павших монастырских дружинников похоронили в Осе. Но в марте 1919 года пришли белые и приказали выкопать дружинников. Хорошо, что заступился местный священник, сказав, что убитых отгевали в церкви. Тогда могилу сровняли с землей.

Евгений Иванович Коробейников, учитель-пенсионер, уроженец Монастырки, ныне живет в Осе.

Места монастырские очень красивы. Помню, была в Монастырке вила осинского купца Осипова. В ее саду росли яблони, так как местность была защищена холмами от северо-западных ветров. Когда устанавливалось на Каме судоходство, пароходы приставали к Монастырке.

Была в деревне небольшая дере-

вянная летняя церковь-часовенка. В советское время ее переделали в избу-читальню. Школа располагалась в двухэтажном здании. Была там сцена, на которой ставились спектакли. Например, пьесы Островского «Гроза», «Бедность не порок». В годы войны здание школы было снесено.

Где первоначально находилась библиотека, мне неизвестно, но знаю, что называлась она павленковской. Я долго не знал, кто такой Павленков, но однажды в журнале «Пробуждение» прочитал о нем и в библиотеках его имени.

(В архиве Евгения Ивановича хранятся старые книги, которые вполне могли принадлежать павленковской библиотеке: Г. Флобер «Саламбо», СПб., 1904; «Теория счетоводства», сост. Ф. В. Езерский, СПб., М., 1899; отдельные номера журнала «Родина»... — *Ред.*)

После революции изба-читальня и сельсовет были в двухэтажном доме купца Кузнецова. Избачом работал крестьянин из Боголюбово, звали его «Тюрик». В бога не верид, руки и ноги были переломаны. Ездил на лошади.

«Располагается

в кооперативном

помещении...»

(Ретростатистика)

«Список населенных мест Пермской губернии», Пермь, электротипография губернского земства, 1909:

Раздел — Оханский уезд. Деревня Монастырка. Число дворов — 92, мужчин — 309, женщин — 285. Крестьяне — бывшие государственные, православные, русские.

Расстояние от Монастырки: церковь — 2 км, библиотека — 7 км, уездный город (Оханск) — 72 км, больница — 72 км, фельдшерский пункт — 25 км, ветеринарный пункт — 72 км.

«Ежегодник Оханского уездного земства и календарь на 1913 год», Пермь, электротипография Чердынцева, 1912:

Сведения о школах. Монастырская школа построена в 1912 году, здание деревянное, штат два человека. Обучается 21 мальчик и 14 девочек. Предполагаемый расход на школу в 1913 году — 716 р. 40 к.

«Журналы Оханского уездного земского собрания за 1914 год», Оханск, 1915:

Статистические данные о библиотеках-читальнях второго разряда. Монастырская библиотека имени Павленкова. Располагается в кооперативном помещении. Заведует библиотекой крестьянин С. И. Вострецов, библиотекарь тоже крестьянин Н. Н. Ож-

РОДИНОВЕДЧЕСКИЙ ПОИСК

гибесов. Читателей — 70. Из них 2 кустаря, 1 учащийся, 1 торговец, 1 чиновник, 65 крестьян (из них две женщины).

Выдано книг: религиозно-правственных — 13, беллетристических — 427, исторических — 77, по географии — 145, естествознанию — 62, медицине — 35, сельскому хозяйству — 29, политэкономии — 9, разных — 9. Всего выдано 806 книг. На каждого читателя приходится 11,5. Годовая обращаемость книги — 1,3.

На 1 января 1914 года в библиотеке было 609 названий книг в 618 томах на сумму 276 р. 93 к.

Библиотека обслуживает население на площади 49,5 верст. Это относительно высокий показатель. В некоторых местах Оханского уезда площадь достигала 516 кв. верст.

Сведения собрала
Наталья СОКОЛОВА,
учащаяся Осинского педучилища.

Юргановские рукотери

Жизни Анны Егоровны Юргановой (в девичестве Вострещевой) едва ли кто позавидует. Отца она похоронила в 1918-м — того самого Егора Ивановича Вострещова, что некогда собрал в Монастырке пожарную команду, а потом превратил ее в красногвардейский отряд.

Муж Александр Ларионович с другой войны — Отечественной — пришел с такой отметиной, что ни жив, ни мертв. Сколько перенесла, ухаживая за ним многие годы, Анна Егоровна, — вспомнить боязно.

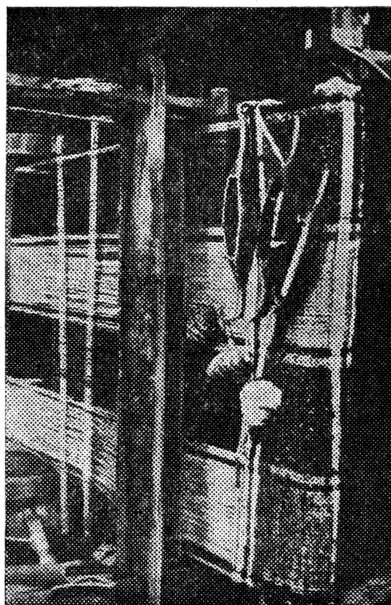
Теперь живет она в Монастырке,

обихаживает дом, ждет из Наводки вьюков, садит и убирает огород — 25 соток, держит разную живность — это в свои-то 84 года! И ткет на кроснах, что еще отец купил у какого-то частника, половики да рукотери. Получаются они у нее такой тонкой и красивой работы, что заезжие ценители купили несколько изделий для Пермского музея. И вообще от желающих иметь монастырские рукотери у Анны Егоровны отбоя нет.

Почему, спрашивается, истинная красота вызревает чаще всего под безмерной толщей бед и навастей?

Ю. СЕНТЯБРЕВ

Фото О. Капорейко



Что с Монастыркой станется?

Итак, библиотеки ныне в Монастырке нет. Приезжает два раза в месяц на автобусе передвижная — Зои Александровны Половинкиной. Клуб в деревне — древняя развалюха, которую открывают только чтобы показать кино или провести собрание. Школы тоже нет, дети ходят за два километра в Богомягковскую или Верхдавыдовскую восьмилетку. Там же, в школьных библиотеках, и книги берут.

Бывшая земская павленковская библиотека второго разряда существовала в деревне до революции, одаривая книгой не только самих монастырцев, но и жителей близлежащей округи. Наверно, какие-то книги

из нее перешли затем в деревенскую избу-читальню. А куда подевались потом — неизвестно. Могут обнаружиться на чердаках старых домов, в чуланах и сундуках старожилов. Во всяком случае, каждая такая книга — ныне уже музейный экспонат, как, впрочем, и альбом Ю. В. Соколова. Такой музейный уголок истории деревни и первого очага ее книжной культуры неплохо было бы создать в нынешнем клубе Монастырки или в ином, отведенном для того помещении. Неужто не найдется энтузиаста? Нужна будет помощь — пишите, поможем.

А что же станет с самой деревней, вернее, с остатками ее, уцелевшими от нашествия Камского «моря» и другого «моря» — наших бесцеремонных преобразований на селе? Неужели очередной крапивный остров образуется на месте живописной деревни с такой богатой историей? Неужели и остальные отеческие могилы будут затоплены — на этот раз людским забвением и небрежением?

Мы предлагали нескольким оснцам, которым знакомо сегодняшнее бытие Монастырки, высказаться по поводу ее культурного состояния, но в ответ они только руками разводили: о чем, мол, говорить, если в деревне обретаются одни пенсионеры да заезжие дачники — народ сезонный и озабоченный своими подворьями? Надо, сказали они, возродить какое-то материальное производство в деревне, а уж потом настанет момент, когда это производство потребует культуры. Тогда и приходите, поговорим. Подковали, словом, в политической экономии. Попытались мы тогда достучаться до Богомягковского сельсовета — на предмет перспектив материального производства в Монастырке. Сельсовет, увы, никак не отзывался. Тоже, наверно, посчитал, что не с того конца мы начинаем.

А как, интересно, смотрит на эту проблему наш завещатель, то бишь Флорентий Федорович Павленков? Давайте у него поинтересуемся.

Будучи в вятской ссылке, он начал внедрять небывалые у нас передвижные школы самообучения грамоте и обратился к губернскому дворянству с просьбой помочь ему в этом. Тоже предвидя наукообразные возражения, предупредил их такими словами: «Народное благосостояние — это канал, соединяющий школу с куском хлеба. Кто желает поскорее установить прочное сообщение между двумя пунктами, тот не должен тратить время на обдумывание, с какого конца начинать работу, а вести ее одновременно из обоих пунктов». За школы Павленков сразу же взялся сам, а потом вот и народные библиотеки затеял на собственные деньги, на которые сам бы



мог жить припеваючи и родные бы забот не знали.

Главный аргумент Павленкова — делать, а не рассуждать. Почему бы и не с библиотеки начать возрождение деревни? С нее да с уголка истории. Не забудем истину: культура начинается с истории культуры. Тогда мы счастливы будем сообщить читателю, что вновь открывшейся деревенской библиотеке возвращено имя издателя-подвижника.

Впрочем, деревень, подобных Монастырке, обиженных судьбой, нам в нашем поиске, наверно, встретится еще немало. Просим читателей высказать о них свое мнение и предложения свои — как им встать на ноги.

Кроме Монастырки, на территории нынешнего Осинского района Пермской области есть еще два населенных пункта, где в начале века открылись первые библиотеки на средства, завещанные Ф. Ф. Павленковым. Это села Крылово и Комарово. Этим-то библиотекам, что называется, сам Бог велел вернуть перводанное имя.

Двенадцать библиотек вокруг Тагила

А объектом нашего очередного поиска будет территория Пригородного района Свердловской области. Район этот оказался наиболее «гостеприимным» — здесь обосновались целых двенадцать библиотек имени Павленкова. Вот названия населенных пунктов: села Балакино, Башкарка, Бро-

дово, Кайгородское, Петрокаменское, Серебрянка, Шиловка, рабочие поселки Висимо-Уткинск, Лая, Черноисточинск, деревни Ослянка и Усть-Утка. Какой из них мы удостоим особым вниманием — зависит от вас, краеведы, читатели, подвижники культуры.

Отдел краеведения

«Мой малый дар...»

В связи с начавшимся поиском мы получаем сообщения и о других сельских библиотеках, возникших трудами и подвижничеством русских бессребреников — купцов, зажиточных крестьян, интеллигентов. Об одном из них рассказывает краевед из г. Халтурина Кировской обл. Александра Андреевна Смердова.

В сентябре прошлого года исполнилось 150 лет со дня рождения врача и литератора Савватия Ивановича Сычугова, уроженца села Подрелье Орловского уезда Вятской губернии. 10 лет служил он в Орловском земстве, был первым врачом Великоорецкой больницы, устроенной при его же участии.

Выходом из тяжелого положения для крестьянина он считал распространение знаний. И всячески этому способствовал. Ежегодно часть своего жалования тратил на покупку книг, которые потом бесплатно раздавал школьникам. А в 1894 году на собственные средства открыл в селе Верховском (ныне Юрьянский район Кировской области) народную библиотеку-читальню. Каждый год он выделял 30—40 рублей на ее содер-

жанье. Совмещал не только обязанности учредителя и заведующего, но и переплетчика книг, а при необходимости и столяра.

Не раз пришлось ему ездить в Москву, покупать в магазинах и лавках книги, картины, каталоги, пособия для школы. А однажды два пудовых тюка книг прислал в Верховскую библиотеку Московский комитет грамотности.

Потом библиотеке подарили проекционный «волшебный фонарь» с диапозитивами, и Сычугов начал хлопоты о разрешении ему народных чтений с «туманными картинками». В декабре 1897-го чтения были разрешены. Собирали до 300 человек одновременно. От страшной духоты лампы едва горели, изображение на экране было тусклое, но публика не расходилась.

«Библиотека стала для меня настоящей утехой, — писал Сычугов знакомому врачу. — Утомисься во время приема больных, но стоит только поболтать с моими подписчиками с полчаса, — и усталость как рукой снимет. Всех подписчиков у меня уже 246. В этом году я выписываю 4 периодических издания, которые читаются охотно».

С. И. Сычугов умер в феврале 1902 года. Единственный венок на его могиле имел надпись: «Доброму крестьянскому врачу, другу народа».

В завещании Сычугов писал: «Имею честь покорнейше просить упреку принять от меня бесплатную народную библиотеку, состоящую теперь почти из 1600 книг и брошюр... Вся моя медицинская библиотека, после моей смерти, должна быть передана в собственность Орловского земства. В настоящее время она состоит почти из 500 томов и находится в полном порядке...»

Пусть мой малый дар принесет хотя некоторую пользу небольшой части того народа, за счет которого я получал образование, и таким образом послужит хотя бы ничтожной уплатой моего ему долга».

После смерти завещателя земство расширило его библиотеку. С 1907 года она стала носить имя врача Сычугова, а в читальне висел его портрет.

Будем признательны краеведам и читателям за рассказы о таких бессребрениках.

Рисунок
Сергея Малышева



УСПЕНИЕ

Успение завершает годовой цикл православного церковного календаря. Как и первый — Рождество Богородицы — праздник Успения посвящен деве Марии.

Предание гласит, что после казни Иисуса Христа, его воскресения и вознесения Мария тихо и незаметно жила у Иоанна Богослова, что соответствовало желанию самого Христа. Евангелист Иоанн сообщает, что в момент казни Иисус обратился с последними словами к матери своей и любимому ученику Иоанну. «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. И потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

Никаких сведений о жизни Марии не сохранилось, до нас дошли лишь глухие обрывки преданий. Они гласят, что Мария, будучи уже в преклонном возрасте, совершила путешествие на о. Кипр, где епископом был Лазарь, брат Марии и Марфы. Согласно преданию, Мария общалась с Лукою, автором третьего канонического Евангелия. Может быть, этим объясняется та обстоятельность и те житейские подробности, которыми отличается это Евангелие.

За три дня до своей кончины Мария, якобы, была предугажена архангелом Гавриилом. В день ее смерти все апостолы, за исключением Фомы, чудесным образом оказались в Иерусалиме. Мария изъявила желание, чтобы в последний путь ее сопровождали ученики сына. Прощаясь с земной жизнью, она хотела видеть тех, кто продолжал дело Христа, как бы напутствовать их в последний раз.

В час кончины «необыкновенный свет осиял комнату». Сам Иисус Христос явился и принял пречистую душу Марии. Этот мотив зафиксирован на иконе Успения. В центре композиции изображается Христос, держащий в руках запеленутого младенца, что символизирует непорочность и чистоту души Богородицы. Апостолы погребли Марию в Гефсиманском саду, в пещере, где поконились тела ее родителей и Иосифа.

Через три дня прибыл Фома и изъявил желание прощиться с телом Марии. Когда апостолы пришли в пещеру, то увидели пустой гроб. Тут им явилась сама Мария и сказала: «Радуйтесь! Я всегда буду вашей молитвенницей перед Богом».

Такова в общих чертах сюжетная канва легенды о жизни и смерти Марии. Евангелия об этом ничего не сообщают, лишь в конце четвертого века появилось сочинение «Об успении Марии». Именно в это время оформляется и сам праздник. Название его — Успение — имеет не только прямой смысл, означающий смерть, кончину, но и более широкий: дева Мария не просто окончила земную жизнь, а перешла в иную, вечную. Выбор времени празднования и установление даты, видимо, были не случайны.

Еще в дохристианские времена почти у всех народов практиковалось почитание богинь плодородия. Одна из них — фригийская богиня Кибела — почиталась как Великая мать. Она была матерью богов и всего живого на земле, возрождала умершую природу и даровала плодородие. Позднее культ Кибелы слился с культом греческой богини Реи, богини-матери. Культ Кибелы оказал определенное влияние на формирование образа девы Марии. И поскольку празднования в честь Кибелы падали на конец лета, то и Успение было приурочено к этому времени.

Праздник Успения отмечается 28 августа (по новому стилю). Конец лета... Еще стоят жаркие дни, но уже чувствуется дыхание осени. С Успения начинается молодое

бабье лето (до 11 сентября). Это — самое напряженное время в жизни земледельца, заканчивается уходящий земледельческий год и закладываются основы будущего.

С языческих времен существовали поверья, обряды, праздники, связанные с окончанием жатвы, в основе которых были жертвоприношения духам — покровителям урожая.

В копне жатвы на поле оставляли небольшую часть несрезанных колосьев, перевязывали их лентой — «завязывали бороду» — и приговаривали: «Дай бог, чтобы на другое лето был хороший урожай», — надеялись вернуть земле силу, которая была потрачена на выращивание урожая. «Бороду» украшали лентой, свивали в венок, пригибали к земле, слегка присыпали землей.

Последний сноп связывали специально сделанным свитком, хозяйка присаживалась на сноп и приговаривала: «Ржица-матушка, народи на лето получше этой, а если такой, то не надо никакой». Существовал прекрасный обычай поздравлять друг друга с окончанием жатвы. Люди с радостью шли на помощь, заранее договаривались, у кого намечается «выжанка». Работали весело, единственная плата — угощение после работы. Выжанка была и своеобразной формой общения.

Успение — праздник, весьма почитаемый на Руси. Дмитрий Донской после победы на Куликовом поле заложил обетный Успенский монастырь на реке Дубне. Именно храм Успения Богородицы стал для московских князей местной святыней. Ведь Богоматерь в народе воспринималась как заступница.

Празднику предшествовал двухнедельный пост — Успенский. Как и Великий — перед Пасхой — он был наиболее чтимым. Эти посты фиксировали важные периоды в ритме сельскохозяйственного быта: возрождение природы и время сбора урожая. Причем Успенский пост воспринимался не только как воздержание от скоромной пищи, но и от зависти, брани, осуждений — то есть пост духовный.

С Успением, как и другими религиозными праздниками, связан народный календарь, зафиксированный в пословицах и поговорках, приметах:

До Успенья пахать — лишнюю копну нажать.

Сей озимь за три дня до Успенья и три дня

после Успенья.

Если молодое бабье лето вёдренное —

жди ненастья в старое.

На Успенье огурцы солить.

Вспомним, наконец, поэтические строки А. Блока из его стихотворения «Успение»:

*Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.
Уже не шумный и не ярый,
С волненьем в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.
Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.
Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада...*

ПЛАИНСТВЕННЫЙ КИРША

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Он почти так же легендарен и загадочен, как и автор «Слова о полку Игореве». Во многом сходны и странные судьбы уникальных рукописей «Слова» и «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» — под таким названием последняя вошла в мировую культуру. Почти в одно и то же время обе рукописи найдены и напечатаны «колумбами российских древностей» (так называли членов Румянцевского кружка) и обе вскоре же исчезли. Первая навсегда — в огне московского пожара, вторая через сто лет «нашлась» снова.

Ученые знатоки говорили о них как о двух вершинах русской культуры, оценивали одними и теми же восторженными словами. Уже два века и в «Слове», и в сборнике Кирши пытливо изучаются отдельные строки и даже отдельные слова, отыскиваются малейшие сведения, относящиеся к созданию этих шедевров. Но в ходе изысканий умножаются не только восклицательные, но и вопросительные знаки.

И один из «вечных» вопросов: кто же создатели сих гениальных рукописей?

«Древним российским стихотворениям» повезло несколько больше. На первом листе рукописи значилось: «Кирша Данилов». Правда, лист этот после первого издания 1804 года затерялся, но запись зафиксировали авторитетные знатоки.

Но кто же такой Кирша Данилов? Где, когда, зачем и при каких обстоятельствах создавал он свой сборник? Поисками ответов вот уже два века занимаются ученые и любители разных стран мира.

Первым, кто попытался разгадать образ Кирши, был второй издатель сборника (1818 г.) К. Ф. Калайдович, выпускник Московского университета. Он почему-то посчитал Киршу «родившимся в Киеве» и потом «ставшим казаком», ибо он «нередко воспевает подвиги сего храброго войска с особым восторгом». Калайдович же первый усмотрел в песнях Кирши скоморошьи мотивы и, похоже, посчитал его выходцем из простонародья. «Пел он не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей, посему-то он пренебрегал умеренностью и правилами благопристойности. Места в нашем издании, означенные точками, показывают, что тут певец наш, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаниями о сладострастных вакханках, терял совершенно уважение к стыдливости». И действительно, в упомянутых семи песнях Калайдович оставил только редкие слова, а в большинстве строк — только точки, точки, точки...

Не скрывал Кирша и своего пристрастия к вину. В одной из авторских песен он откровенно сообщает о себе:

*А и не жаль мне-ко битого, грабленного,
А и того ли Ивана Сутырина.
Только жаль доброго молодца похмельного,
А того ли Кирилы Даниловича.
У похмельного добра молодца
буйна голова болит...*

Поиски, а вернее гадания, продолжались. Рождались новые гипотезы, предположения, домыслы. Но проходит почти сто лет, и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона сообщает читателю: «Кто был этот Кирилл Данилович — неизвестно, и гадания Калайдовича, который считает его казаком и даже старается определить из указанного песен места его рождения и пребывания, не имеют твердой почвы». Ему вторит и «Русский биографический словарь»: «Биография его (Кирши.— И. Ш.) совершенно неизвестна. Попытки исследователей извлечь из содержания сборника какой-либо биографический материал оканчивались неудачей».

Безуспешность поисков порождает сомнения. Кирша Данилов превращается чуть ли не в мифическое существо,



АКИНОГИ НИКИТИЧЪ
ДЕМИДОВЪ

*Составитель: Иван Сутырин. Составитель: Иван Сутырин.
Составитель: Иван Сутырин. Составитель: Иван Сутырин.*

а его «сторонники» — в мистификаторов. Исследователь «Сборника Кирши Данилова» Б. Н. Путилов осторожно называет его «неизвестным создателем этой книги, за которым ученая традиция сохранила экзотическое имя Кирши Данилова». Это 1966 год. В 1977-м вышло новое академическое издание сборника, в котором учтены все новейшие исследования. И тот же Б. Н. Путилов вынужден повторить уже знакомое: «Никакими документальными данными о Кирше мы не располагаем».

Даже в литературных энциклопедиях вы не найдете статьи о Кирше или прочтаете следующее: «Кирша Данилов (18 в.), предполагаемый (выделено мной.— И. Ш.) составитель первого сборника рус. былин, ист., лирич. песен, скоморошин». Предполагаемый — это стало привычным прилагательным к Кирше. Так миф или реальность Кирша Данилов? Был ли мальчик?

Я много лет занимаюсь горнозаводчиками Демидовыми. И особенно Акинфием Никитичем — фигурой, по-моему, самой яркой в этой династии и тоже во многом загадочной. И вот, просматривая в ЦГАДА (Центральном государственном архиве древних актов) демидовские бумаги, ловя в еотнях и тысячах архивных листов «иголку в сене», я наткнулся на три (целых три!) документа, в которых рассказывалось о Кирше Данилове. Да, да — о том самом, которого давно и безуспешно разыскивали исследователи. Оказывается, жил на белом свете Кирша Данилов!

Кое-что о скоморохах

Если Кирша и не был «чистым» скоморохом, то наверняка происходил из этого веселого и неунывающего племени, что издавна потешало, смешило и будоражило русский народ. Когда-то бродяг скоморохов можно было видеть везде: на ярмарках, торжках и народных гуляниях, в кабаках, мужицких избах и боярских хоромах. Где собирался народ, там появлялись и скоморохи в смехотворных одеждах и «харях», с ручными медведями и собаками. Разыгрывали сценки, пересмеивались, пели и плясали. Разные, конечно, были скоморохи. Нередко за невинной шуткой скрывалась ядовитая сатира. Скоморошьего кривлянья побаивались и сами патриархи российские, ибо насмешки боится даже тот, кто ничего не боится. Стали косо посматривать на них вельможи и цари. Появились даже поговорки: «Бог дал попа, а черт скомороха», «Скоморошья потеха — сатане в утеху».

И вот в 1648 году появился указ царя Алексея Михайловича, свидетельствующий, что «умножилось в людях мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми; и от тех сатанинских учеников в православных христианах учинилось многое неистовство...»

Царский указ требовал искоренения скоморошества. Представления их запрещались, а «бесовские гудебные соуды» и «харь» приказано было изымать, ломать и жечь, а самих скоморохов на первый раз бить батогами, а затем ссылать подальше. Может, потому архиепископ Семион вскоре и жаловался Алексею Михайловичу, что в Сибири «умножилось скоморошества и всяких игр, и кулачного бою...»

Искоренить скоморохов оказалось не так-то просто. «Кто людей веселит, за того весь свет стоит», — говаривали в народе и укрывали скоморохов, и помогали им как могли. По народным праздникам зажигали на окнах свечи, подавая скоморохам знак, что ждут в этом доме их песен, плясок и шуток.

Но гонения все ужесточались. Одних вольных скоморохов истребили, других приручили, завлекая в царские дворцы и вельможьих хоромы. Царь Петр I завел при себе специальных шутов, которые приносили иной раз больше пользы, чем знаменитая петровская дубинка. Будучи с

царем на ассамблеях и празднествах, шуты зло, а иной раз и опасно высмеивали и вышучивали пороки самых знатных и важных вельмож. И когда те жаловались Петру на шутов, царь отвечивал: что с них возьмешь — ведь они дураки.

Но всех скоморохов приручить или уничтожить так и не удалось. Самые вольнолюбивые уходили от царского или церковного глаза куда-нибудь подальше (или их самих «уходили»). Вероятно, Кирша-скоморох для Урала не исключение. Сразу же вслед за дружиной Ермака вместе с первыми поселенцами появились здесь и скоморохи. Их ватаги не только бродили по уральским и сибирским просторам, но и оседали на них. Пахали землю или работали на горных заводах, не забывая и о своем искусстве. Кстати, в Свердловской области одна из старинных деревень носит название Скоморохова.

Роль скоморохов (так же, как и старообрядцев) в истории русской культуры в последние годы все более просвещается. Скоморохи не только потешники, веселившие народ, а хранители и продолжатели его культуры. Истоки скоморошества ученые относят к языческим временам — к волхвам, что занимались как чародейством и предсказаниями, так и языческими обрядами, где царили песни, пляски, веселье, смех. Скоморохи как бы вышли из волхвов, стали их продолжателями.

Считается (например, А. Н. Веселовским), что именно скоморохи являются создателями русских былин и их пропагандистами. Василий Никитич Татищев вспоминал: «Я прежде у скоморохов песни старинные о Князе Владимире слышал... Также о славных людях Илье Муромце, Алексии Поповиче, Соловье-Разбойнике, Долне Стефановиче и прочих...»

Вернемся, однако, к Кирше. Анализ его книги дает возможность предполагать, что он певец скоморошьего склада. И не просто певец, а певец-музыкант (об этом свидетельствует нотное изложение мелодии в сборнике не для голоса, а для музыкального инструмента). Да еще и поэт. И вот в этом-то качестве он особенно и заинтересовал многих исследователей.

Фольклор, как известно, творчество коллективное. Как писал В. Ф. Одоевский, «песню, начатую одним, продолжал другой». Но ведь сочиняли не хором, а по отдельности — одни больше и лучше, другие меньше и хуже. На сборнике Кирши, более чем на других фольклорных произведениях, лежит индивидуальный, личностный отпечаток. Кирша активно вторгался в текст былин и исторических песен и делал это талантливо. Сотворческое отношение к услышанному заметил в нем еще Виссарион Белинский: «...Удалой казак Кирша Данилов, гуляка праздный, не оставлял их (песни и былины.— И. Ш.) в том виде, как услышал от других. И он имел на это право: он был поэт в душе».

Итак, впервые стало известно имя одного из соавторов русских былин и исторических песен, имя одного из русских поэтов первой половины XVIII века, которых можно пересчитать по пальцам чуть ли не одной руки, включая сюда даже царевну (будущую императрицу) Елизавету Петровну. А потому совершенно естественен и понятен интерес к личности поэта, его биографии и т. д.

Однако собрать такую фольклорную рукопись в те времена без богатого, могущественного и культурного покровителя было практически невозможно.

Кто же был покровителем Кирши?

Многие ломали голову над вопросом: кем или чем «вдохновлялся неизвестный создатель» сборника былин и песен? Б. Н. Путилов считает, что Кирша «действовал по заказу, по чьему-то побуждению». Но кто был заказчиком?

Первый издатель А. Ф. Якубович связывал создание

сборника с Прокофием Демидовым — старшим сыном Акинфия Никитича. «Открытие сих важных для словесности старых наших памятников принадлежит к 1802 или 1803 году. Собирателем их был известный по своей странной жизни Прокофий Акинфиевич Демидов... Что касается древности сего Демидовского оригинала, который собран был большим иждивением и написан для библиотеки сего странного человека, то он не восходит старше 50-ти лет, считая до сего времени» (т.е. примерно к 1766 году. — *И. Ш.*).

В своей версии Якубович исходил из таких фактов. В сентябре 1768 года Прокофий Демидов послал академику Г. Ф. Миллеру текст песни «Никите Романовичу дано село Преображенское». И при этом пояснял, что песню «я достал от сибирских людей, понеже туды (т.е. в Сибирь. — *И. Ш.*) всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют по голосу». А от кого же именно — Демидов не пояснил. Песня, посланная Миллеру, оказалась одной из многих записанных в сборнике, который находился у Прокофия Акинфиевича. На титульном листе рукописи стояло имя Кириши Данилова.

После смерти Прокофия Демидова (1786) рукопись попала к его зятю Н. М. Хозикову, а затем к директору московского почтамта Ф. П. Ключареву, который показал ее Н. М. Карамзину. Получив одобрительный отзыв, Ключарев вместе с А. Ф. Якубовичем решили издать избранные песни Кириши Данилова. Так в 1804 году появилось первое, еще неполное, сокращенное издание сборника.

Через несколько лет рукописью заинтересовался граф Николай Петрович Румянцев — «человек большого ума и с большими познаниями». В 1816 году он приобрел рукопись у Якубовича и поручил К. Ф. Калайдовичу подготовить новое, уже более полное научное издание.

Калайдович тоже отводил Прокофию Демидову роль главного инициатора в создании сборника, хотя и переносил время записи для него песен к концу сороковых годов. И далее уже более века спор между учеными продолжался лишь о степени участия Прокофия Акинфиевича.

Первым, кто «привязал» рождение сборника Кириши не к Прокофию, а к Акинфию Демидову и его заводам, был литературовед А. А. Горелов. Он отметил уральские мотивы в песнях Кириши, а также нашел в архивных документах Нижнетагильского завода за 1742 год упоминание о Кирилле Данилове и Иване Сутырине. Причем имена их в списке мастеров стояли рядом. Но ведь и в одной из песен Кириши, как мы помним, они тоже соседствуют.

Такое совпадение едва ли могло быть случайным. И все-таки Горелов, как истинный исследователь, не навязывал категорического вывода. «Было бы опрометчиво, — пишет он, — строить на последнем факте какие-либо гипотезы. Совпадение может оказаться чистой случайностью. Но и игнорировать его при дальнейших поисках не следует. Чтобы разрешить старые и новые сомнения, нужно искать...»

И поиски, оказывается, велись. В одном из писем П. П. Бажова есть такие строки: «Еще хуже положение с профессором П. Богословским. Сидя в Караганде, он написал большую (до 2000 стр.) работу о фольклоре, где доказал уральское происхождение Кириши Данилова. И что же? Обратился с предложением издать работу в Свердловске. Там, конечно, ответили отказом...»

Труд Богословского так, кажется, и пропал. А жаль. Версию же об уральском происхождении фольклорных записей Кириши, кроме Горелова, выдвигали и некоторые другие современные исследователи. Так, В. М. Беляев предполагает: «Весьма возможно, что инициатором записи Кириши Данилова был кто-нибудь из уральских магнатов Демидовых, во владении которых сборник, вероятно, и получил свое оформление».

И таким «уральским магнатом» оказался не Прокофий Демидов, а его отец — Акинфий Никитич. Это и подтверждают случайно найденные мной архивные документы.

Один из них — письмо, вернее, записка приказчику Нижнетагильского завода:

«Григорий Сидорович,

Кирилу Даниловичу не извольте прожитьку его в вину поставить, ибо он удержан здесь был его благородием Григорием Акинфиевичем за некоторым делом,

Писал приказом его благородия Борис Сергеев».

Записка без даты, но в архивном деле она находится между документами, датированными 6 и 10 июля 1739 года.

«Ну и что? — спросит читатель. — Много ли добавляет эта записка к нашим знаниям о Кирише?» Пожалуй, не так уж и мало.

Она сообщает, что Кириша Данилов постоянно живет на Нижнетагильском заводе, приказчику которого поручено (очевидно, Акинфием Демидовым) особое над ним, Киришей, попечение. И что, уехав из Нижнего Тагила на условленное время, он не вернулся вовремя, ибо «удержан... Григорием Акинфиевичем за некоторым делом».

Поначалу я предположил, что Кириша задержался в Невьянске, так как архивное дело, в котором находилась записка, состояло в основном из писем и распоряжений Акинфия Никитича, отправленных из Невьянского завода в Нижний Тагил. Но вскоре от этой версии отказался. Дело в том, что с 1730 года средний сын Акинфия Никитича — Григорий Демидов, постоянно жил в Соликамске и управлял соляными промыслами, которые купил его отец. Управлял, кажется, неважно, ибо увлекся не предпринимательством, а разными науками и особенно ботаникой (см. «Уральский следопыт», 1992, № 1 — Н. Мезенин «Негипичный Демидов»).

Есть все основания предполагать, что Кириша вместе с Григорием Демидовым объехал почти все Прикамье, побывал не только в Соликамске, в доме у Григория Акинфиевича, но и в Новом Усолье, в Чердыни и других местах Пермского края.

Профессор П. С. Богословский еще в 1928 году, анализируя песню об Усах, пришел к выводу: «Анализ текста дает существенные показания в пользу пермского происхождения текста Кириши Данилова об Усах». Да и в самой песне говорится:

*Ах, доселева Усов и слыхом не слышать,
А слыхом их не слышать и видом не видать.
А нонеча усы проявились на Руси,
А в новом Усолье у Строганова.*

Кстати, слово «слых» — по Д. К. Зеленину — областное, и замечено им в Пермской губернии.

Фольклористы также считают, что все три песни о Ермаке Кириша Данилов записал в Прикамье и на Среднем Урале. И так, записка подсказывает такой сюжет-версию. Средний сын Акинфия Демидова — Григорий, приезжает к отцу на Невьянский завод. Здесь или в Нижнем Тагиле он знакомится с Киришей и приглашает скороморошьего певца-поэта к себе в Соликамск и, возможно, не просто в гости, а в своеобразную фольклорную экспедицию для записи былин и песен.

В то время практически единственный путь до Соликамска — водой: по Чусовой, а затем по Каме. Караваны же отправляются по Чусовой обычно в апреле (в мае река уже мелеет). Но по Чусовой плыл и Ермак со своей дружиной. И Кириша мог слышать от местных жителей предания и песни о Ермаке. Мог с помощью Григория полистать и летописи о походе Ермака, которые были у строгановских приказчиков. А с ними Григорий Акинфиевич постоянно общался (исследователи установили, что копия или оригинал «Кунгурского летописца» имелся в середине XVIII века у управляющего строгановскими именьями П. Икосова).

Литературовед А. А. Горелов, сравнивая песни Кириши и сибирские летописи о Ермаке, выявил немало аналогов и пришел к выводу, что Кириша был знаком с этими летописями. А у историка С. В. Бахрушина я нашел еще одно подтверждение этому. «Наиболее характерной чертой Кун-

гурской летописи, — отмечает Бахрушин, — является ее чисто народный стиль, проникнутый грубоватым народным юмором. Мы находили в тексте много народных словечек и прибауток... Некоторые выражения напоминают песенные, так выражение «ясак взял за саблю» встречается в одной из песен Кирши Данилова...»

А Д. Н. Мамин-Сибиряк, побывав в 1887 году в Чердыни, писал: «...В ней еще живет старина повгородская, поскольку она выразилась в языке, песнях, обычаях, обрядах и всем житейском обиходе. Конечно, первое место принадлежит здесь языку, о котором Даль говорит так: «в Чердыни живет еще старина русская... речь напоминает здесь Киршу Данилова и Посошкова». Случилось это потому, что Чердынь, после завоевания царства Казанского, осталась совершенно в стороне от главного потока колонизации, повернувшись к южному приволью и в Сибирь. Собиратели древних русских былин, сложенных в Новгороде и в Киеве, нашли их не на месте своего происхождения, а в Олонецкой губернии, куда занесло их вихрем смешавшихся исторических событий, как ветер сметает снег на край широкого поля...»

Мамин-Сибиряк почти ответил на недоумения современных фольклористов: каким образом попали в сборник Кирши не только киевские и новгородские, песни, бытовавшие не только в Прикамье и Зауралье, но и на Алтае, в Восточной Сибири и других местах. А доступными Кирше они стали благодаря покровительству Акинфия Демидова.

Судя по всему, Кирша немало разъезжал по белу свету. Это подтверждает второй документ, обнаруженный в демидовском архиве — письмо, вернее обрывок письма Акинфия Демидова новому приказчику Нижнетагильского завода.

«Получено апреля... день... 1742.

Мирону Попову.

Когда пошлют от вас работники на поплав, тогда с ними послать Киршу Даниловича с тарнобоем, и велеть тамо явитца Степану Густомесову и посему учинить тебе непременно и меня отрепорто...»

Далее текст оборван. Очевидно, последнее слово — «отрепортовать». Здесь тоже требуются некоторые пояснения. «Поплав» по Вл. Далю — это «плаванье, путь водяной». Дело в том, что каждую весну (начиная с 1726 года) отправлял Акинфий Демидов с пристани на реке Тагил караваны на свои Кольвано-Воскресенские заводы. Струги и дошаники плыли по рекам Тагил, Тура и Иртыш и везли на Алтай разные изделия демидовских заводов. Вот с одним из таких караванов и отправлял Киршу Акинфий Демидов к приказчику Кольвано-Воскресенских заводов Степану Густомесову. И отправлял с «тарнобоем». Тарноба же по Далю — «род балалайки о 8 медных струнах». Это письмо подтверждает документально, что Кирша пел былины и песни, сопровождая пение игрой на музыкальных инструментах.

Зачем отправил Акинфий Никитич Киршу на свои алтайские заводы — не совсем понятно. Впрочем, можно высказать одну версию.

В то время правительство вновь яро взялось за искоренение старообрядцев на уральских заводах. 2 августа 1740 года Сенат потребовал переписать всех раскольников на заводах Демидовых и Осокиных. Для этого послал на Урал «штаб-офицера» полковника Никифора Шишкова. Сенатская инструкция требовала: «переписать и освидетельствовать... имеюта ли где кроющиеся раскольники». Однако на Нижнетагильском заводе, как и на других демидовских заводах, Шишков встретил упорное сопротивление старообрядцев. Очевидно, какой-то конфликт произошел у него и с Киршей Даниловым. Об этом Кирша поведал в своей песне про дурня. Он переложил в ней основные сказочные эпизоды, а в конце добавил свой собственный. Вот он:

*Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он заускал,
Он загайкал,
Он заулюлюкал.
Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору
Бросили.
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.*

Ясно, что не напишется такое о человеке, которому Кирша симпатизировал. А ведь «Шишков-полковник» — реальное историческое лицо, как реальные солдаты и драгуны, которые не только переписывали староверов, но и вылавливали беглых, что тысячами скрывались на демидовских заводах. Так может быть, и Кирша — один из последних скоморохов — находится на положении беглого, и грозило ему жестокое наказание? Но финал песни не реален. Голову «дурню», т. е. Кирше, не сломили и под кокору не бросили. Иначе не написал бы Кирша этой песни. Возможно, для того, чтобы спасти Киршу от преследований «Шишкова-полковника», и отправил Акинфий Демидов певца-скомороха со своим караваном.

И не только на Алтае мог побывать Кирша. Единственный путь каравана после реки Тагил шел по Туре (через Тюмень), затем по Тоболу до Тобольска, а потом по Иртышу. В Тобольске же разгружали тяжелые колокола (об этом упоминают архивные документы), железо, чугун. Такая разгрузка и разные торговые формальности, наверняка, занимали не один день. И Кирша это время едва ли терял даром. Для собирателя легенд, преданий, песен Тобольск — благодатное место.

Мог Кирша побывать не только на Алтае, но и в Восточной Сибири — благодаря своему покровителю Акинфию Демидову. Ведь размах у этого великого предпринимателя был уникальнейший. Своим лучшим в мире металлом (и это не преувеличение) он торговал не только с европейскими странами, но и с Востоком — Китаем и Монголией. Ежегодно плыли демидовские струги с уральских заводов по Тагилу — Таре — Тоболу до Тобольска, а оттуда вниз по Иртышу до Оби и по Оби через Сургут и Нарым вверх «своею силою, шестью и бичевою», а затем по Кети и Маковским волокам до Енисейска. А с Енисея караваны добирались и до Красноярска, и до Иркутска, и до Кяхты...

Наверняка не понаслышке знал Кирша о многих сибирских острогах: Иркутском, Селенгинском, Комаровском, которые он упоминает в своих песнях. Ведь через них шли в Кяхту демидовские караваны.

Можно только предполагать, где же с помощью своего покровителя побывал Кирша. Возможно, исколесил всю Россию. Немало поездил и по Уралу. А здесь, на Урале, собралась вся Русь. Сюда стекались из Поморья, из Подмосковья, с Волги, с Украины... Бежали сюда самые сильные телом и отважные духом, те, которым невыносим стал гнетущий режим «регулярного» государства. Сюда же ссылали и «разумных дураков» (к которым принадлежал и Кирша), отторгнутых неразумной системой.

Многим из них, людям талантливым, и покровительствовал горный владыка Акинфий Демидов, давал возможность реализовать свои таланты. Зачем ему это нужно

было? — одна из загадок парадоксального Акинфия Никитича. Попытаемся хотя бы приблизительно разобратся.

Парадоксы Акинфия Демидова

Конечно, Акинфий Демидов — трезвый и расчетливый предприниматель. Но это только одна из граней его противоречивой натуры. С расчетливостью дельца в нем прекрасно уживается и азарт авантюриста. Даже сегодня поражает грандиозность его замыслов. Объяснить их одной только страстью к наживе — значит, не объяснить ничего. И не потому, что такой страсти у него не было. Акинфий Никитич по своей натуре еще и одержимый творец. Он дерзок и смел в своих замыслах. Ему нравится рисковать. С азартным наслаждением ходит он по краю пропасти, рискуя свалиться вниз на острые камни.

Подолгу безвыездно сидит Акинфий Демидов в своей горной столице — Невьянском заводе, как бы изолированный от всего мира, сокрытый от нескромных взоров соперников и врагов. Но видит все, что ему нужно. У него всюду свои люди. Он не вмешивается ни в какие распри, не примыкает ни к одной из политических группировок — политика вне сферы его деятельности. Но для решения своих горных дел и очередного авантюрного замысла он всегда угадывает удачный момент, когда нужно появиться в столице, и знает, к кому нужно обратиться и на кого опереться. Он умеет находить общий язык с сильными мира сего, ибо знает и их слабости.

Акинфий Демидов — самый удачливый и богатый предприниматель из всех промышленников России того времени. Словом, выглядит вполне верноподанным конформистом, благополучным человеком, довольным собой и своей судьбой.

И все-таки в нем угадывается какой-то тайный протест, скрытое противостояние высшим российским властям и тогдашним порядкам. Даже вражда, если хотите. Это, скорее всего, неосознанный протест. Ведь как удалось Акинфию Демидову добиться разных льгот и привилегий? Ему, талантливому предпринимателю, приходилось льстить, угодничать, унижаться перед бездарными, но самодовольными временщиками — фаворитом императрицы Анны Иоанновны Бироном, генерал-берг-директором саксонцем Шембергем... И это не могло не оскорблять Акинфия Демидова. Можно только предполагать, какие коллизии и драмы бушевали в его душе.

Противостояние Акинфия Демидова высшим российским властям можно разглядеть хотя бы в покровительстве Кирше Данилову и в содружестве со старообрядцами.

О том, что демидовская столица Невьянск при Никите и Акинфии стала «раскольничьим гнездом», известно давно. Но долгое время мне казалось, что раскол и горная империя Акинфия Демидова — это два разных дерева, что растут рядом и почти не соприкасаются. Но вновь выявленные архивные материалы показали, что горное дело Акинфия Демидова очень тесно переплелось со старообрядчеством. Но это было тайное сотрудничество, раскрыть которое оказалось не так-то просто.

Тысячи и тысячи старообрядцев из Поморья и с Волги бежали на заводы Акинфия Демидова и работали у него рудознатцами, мастерами и подмастерьями. Все (буквально все!) приказчики и управляющие демидовскими заводами были раскольниками. А ведь действовал грозный указ Петра I, чтобы раскольникам «ни у каких дел начальники не быть, а быть токмо в подчиненных»...

Старообрядчество — до сих пор не всем и не во всем понятное русское движение. Явление это сложное, и намешано в нем всякое. При желании в нем можно найти и коммунистические утопии. И консервативные позиции...

Понять старообрядцев не смог даже самый умный марк-

сист Георгий Плеханов. Он писал: «Страшно узок был умственный кругозор старообрядчества». И еще: раскол «является в то же время органом народного застоя, а во все не прогресса...» Плеханов искал у старообрядцев развернутой программы, наподобие той, что разрабатывали разные течения социал-демократов. И не нашел. И не мог найти, ибо, как мне кажется, не было такой программы. Но старообрядцы понимали, а вернее, интуитивно чувствовали свои программные желания. Вот одно из них: «...Повелено от бога человеку самовластно быть...» То есть стояли раскольники за самостоятельную, самобытную личность, протестуя против жестоких попыток Петра I и его преемников превратить подданных лишь в покорных исполнителей. Ведь целый цикл петровских законов ограничивал свободное передвижение по стране, свободу выбора занятий и многое другое, жестко регламентировал не только общественную, но и личную жизнь.

Но, пожалуй, самое главное, что скорее бессознательно, чем сознательно поняли старообрядцы, это то, что нельзя грубым насилием нарушать естественное развитие народной жизни. И сколько бы не восторгались мы «прогрессивностью» петровских реформ, но исторический опыт в конце концов показал, что за истинный прогресс стояли старообрядцы, а не «великий реформатор».

При внимательном рассмотрении исторических документов оказывается, что Акинфий Демидов, которого уверенно причисляют к «птенцам гнезда Петрова», более близок к старообрядцам, чем к идеям первого императора. И он же, Акинфий Демидов, покровительствует последнему скомоуху Кирше Данилову и укрывает его от преследований официальных властей.

Странный этот, внешний верноподанный, Акинфий Демидов. В описи его библиотеки я неожиданно встретил книгу французского писателя и философа Бернара де Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», переведенную и изданную Антоном Кантемиром в Петербурге в 1740 году.

Почему заинтересовался Акинфий Демидов этой еретической книгой, предназначенной для интеллектуальной элиты того времени и вскоре запрещенной императрицей Елизаветой Петровной, не совсем понятно. Но появление такой книги в библиотеке горнозаводчика кое-что проясняет в его характере. Акинфий Никитич не только читал запретные книги, но и слушал запретные скоморошьи песни и многое другое. Это подтверждает третий документ, который мне попался в демидовском фонде, — совершенно деловое письмо Акинфия Демидова приказчикам Нижнетагильского завода. Приказчики не выполнили вовремя какое-то распоряжение хозяина, за что он упрекает нерадивцев довольно своеобразно:

«...Я слышал в истории у Кириллы Даниловича: звал зятья теуца к себе в гости ко Христову дню, а она к нему приехала к Петрову дню. А между тем все збиралась да наряжалась. А ныне приличествует к тому и ваше здоровье к часовой колокольне: наряжались копоть ямы после Семёнова дня, а я вам о том наряд отдал прежде Христова дня...»

*Акинфий Демидов. Майя
7 дня 1741.»*

Вполне вероятно, что Акинфий Никитич немало наслаждался от Кирши разных «историй», песен и были. Наверняка гораздо больше, чем записано в известном нам рукописном сборнике.

Поиск сведений о таинственном Кирше Данилове, конечно, не закончен. Впереди возможны новые находки.

Читатель дополняет

Архивы КГБ — о вятском книгопечатнике

Заметка В. Семибратова «Типография Луки Гребнева» («Уральский следопыт», 1991, № 2) побудила нас поднять из архива и просмотреть все материалы о Гребневе и его сыне, относящиеся к тридцатым годам. При этом мы нашли новые сведения о вятском самородке-книгопечатнике.

Прежде хотелось бы уточнить некоторые биографические данные о Луке Арефьевиче. В заметке ошибочно указана дата его рождения — 1864 год. В архиве имеется запись, сделанная со слов Гребнева, о том, что родился он в октябре 1868 года в дер. Дергачи Уржумского района Кировской области. Причем дата эта повторяется неоднократно.

Представляют интерес и личные показания Луки Арефьевича, имеющиеся в его уголовном деле. Они свидетельствуют, что перед нами действительно неординарный, самобытный человек, и что село Старая Тушка было в нашем крае очагом культуры и духовности.

Приведу документ полностью. «Происхожу я из дер. Дергачи Уржумского района, где жил до 1907 г., занимался иконописанием. С 1907 по 1908 год работал в старообрядческой типографии в Москве при Преображенском кладбище. В 1909 г. приехал в дер. Тушка Малмыжского района, где была иконописня, типография и словолитня с применением рабочих от 3 до 6 человек. Типография прекратила работу в 1915 году, а изъята 18 октября 1918 года. С 1920 по 1929 год там было меднолитнейное производство по изготовлению крестов и икон с применением одного сезонного рабочего. В 1930 году окончательно раскулачен. Из дер. Тушки я выбыл в с. Турек и два месяца жил при молельне. Весной в марте 1931 года переехал в дер. Б. Пальники Немского района, где жил у своего знакомого Бабкина Монтяя Филипповича. С октября 1931 года стал служителем культа в поморской общине старообрядцев».

Лука Гребнев был глубоко религиозным человеком. В пору жизни в Малмыжском районе он в течение 17 лет был старостой православной общины, имел среди односельчан большой авторитет. Дважды (в 1917 и в 1924 годах) избирался делегатом на Всероссийские съезды общин по-

морцев, проходившие в Москве. В сохранившейся анкете Луки Арефьевича указано его социальное положение (предприниматель) и сведения об образовании (грамотный, самоучка).

Найдены и сведения о последних годах жизни талантливого земляка. 14 мая 1932 года он был осужден по стандартному тогда обвинению «за проведение контрреволюционной агитации» (фактически был против насильственной коллективизации) и приговорен к ссылке в северный край сроком на три года.

Из сохранившихся в деле воспоминаний его сына Фомы (датированы 1937-м годом) ясно, что умер Лука Арефьевич во второй половине 1932 года. Вот какая запись сохранилась об этом в архиве НКВД: «Мой отец после раскулачивания (1930 г.) уехал в Нолинский район, где был осужден и сослан в северный край. По пути следования умер в г. Котласе».

Сам Фома Лукич 9 октября 1937 года по аналогичному обвинению осужден к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Сейчас отец и сын Гребневы реабилитированы.

В краеведческом музее г. Малмыжа нет пока экспозиции, посвященной книгопечатнику Луке Гребневу. В то же время, по словам его директора А. В. Трухиной, в фондах сохранились некоторые материалы и экспонаты, касающиеся типографии в Старой Тушке. Пока живы очевидцы тех лет, надо позаботиться о сохранении памяти о нем для потомков.

Анатолий МИКЛИН,
сотрудник управления КГБ
по Кировской области

Читатель спрашивает —
отвечаем

Медные копейки

А. Трифонов из Кыштыма Челябинской области просит помочь разобраться с двумя старинными медными монетами из его коллекции.

Первая — это 1 копейка 1756 года с так называемым «орлом на облаках». Она выпускалась при императрице Елизавете Петровне в 1755—1757 годах. Монета 1756 года (та, что в коллекции читателя) выпускалась пяти разновидностей:

- 1) СПБ (Санкт-Петербургский монетный двор) с сетчатым гуртом.
- 2) ММД (Московский монетный двор) с сетчатым гуртом.
- 3) Без обозначения монетного двора с гуртовой надписью Екатеринбургского двора.
- 4) Без обозначения монетного дво-

ра с гуртовой надписью Московского монетного двора.

5) Без обозначения монетного двора с сетчатым гуртом.

Разновидности 4 и 5 наиболее редки.

А. Трифонов скорее всего обладает монетой третьего варианта, т. е. отчеканенной на Екатеринбургском монетном дворе.

Вторая монета А. Трифонова — сибирская 1 копейка 1775 года из раздела областных и национальных выпусков. Она чеканилась Кольвановским монетным двором на Кольвановском же медеплавильном заводе до 1780 года в царствование императрицы Екатерины II и была в обращении преимущественно на территории Сибири.

Монета Королевства Черногория

Читатель Юрий Андреевич Политов из Коми республики просит узнать, монету какой страны обнаружил он в своем огороде.

По карандашной прорисовке узнается никелевая монета 10 пара 1914 года княжества, а затем Королевства Черногория.

Основной денежной единицей Черногории был перпер — 100 пара, чеканившийся из серебра. В 1910 году были выпущены юбилейные золотые монеты достоинством 100, 20 и 10 перпер. Чеканила свои монеты Черногория, как правило, в Вене.

В 1918 году было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое в 1929-м получило официальное название Югославия, куда и вошла Черногория.

Ворошиловский стрелок

Александр Макаров из Ленинградской области интересуется историей значка «Ворошиловский стрелок».

Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства («Осоавиахим СССР») был образован в январе 1927 года. За время своего существования он выпустил много значков, но «Ворошиловский стрелок», конечно, наиболее массовый и известный из всех.

Значок — I ступень — утвержден 29 октября 1932 года в честь тогдаш-

него Наркомвоенмора СССР К. Е. Ворошилова, говорят, отлично стрелявшего из всех видов оружия.

Известно не менее десяти значков «Ворошиловский стрелок», отличающихся размерами, надписями, наличием номера на обороте. II ступень значка утверждена в 1934 году. Для получения значка второй ступени надо было выполнить целый ряд требований: ударно работать, владеть теорией и техникой стрельбы из винтовки, знать материальную часть оружия и т. д.

На значках II ступени внизу на фоне мишени помещалась цифра II. Первоначально значки выпускались с номерами на оборотной стороне, позднее — без номеров.

Стоит сказать, что по нашему примеру в Монгольской Народной Республике чуть позднее был введен значок «Чойболсановский стрелок» — в честь премьер-министра МНР Хорлогийна Чойболсана.

В. Бойко,
Екатеринбург

Поиск «Надежда»

Соединять разбитые войной семьи, помогать людям вновь обрести родных — такую цель поставила перед собой детская любительская студия кинохроники села Новоогорьевское Алтайского края, которой руководит писатель Владимир Борисович Марченко. По просьбе студийцев печатаем список под названием «Надежда». Просим всех, кто найдет в нем своих родных, кому что-либо известно о потерявшихся в годы войны людях, написать по адресу: 658260, Алтайский край, Егорьевский район, Новоогорьевское, а/я № 3, «Поиск».

Отзовитесь!

Дрыгина Галина Ивановна или ее брат — жили в Уссурийске на улице Шестой, работала почтальоном, уехала во Владивосток, потом на целину. Вас ищет родственница.

Мама — Ирина Васильевна (папа — Петр Зиновьевич — погиб в Крыму), старшая сестра **Нина** — ее дети: **Люба** и **Толя**, брат **Александр** и младшая сестра **Тамара**. В 1948 г. ехали из Якутии в Омскую область к бабушке. Нас высадили из поезда на станции Нижнеудинской — украли деньги. Мама продавала вещи, а я и дети просили милостыню. Я потерялась и оказалась в детдоме. Фамилия **Драч** или **Грачева**. Родилась в г. Мирный. Раиса.

Отец — Герасимов Василий Кузьмич, 1905 г. р., мама — **Лукерья Матвеевна**, 1906 г. р. По документам родилась в г. Красноярске. В 1942 г. двухмесячной попала в детдом. Кто помнит нашу семью? **Лариса**.

Пивень Михаил Иванович, 1945 г. р. Вас ищет брат **Борис**. Были в детдоме с. Будыши Вишанского района Киевской обл.

Отца звали Кирилл, дети: Петр, Екатерина, Николай. Жили в станице **Ессентуки** Ставропольского края. Меня (**Василия Кирилловича Зенцова**) определили в больницу. В 1943 г. оказался в «трахомном детдоме».

Лариса Евгеньевна Зимина, 1947 г. р., Вас ищет сестра **Валентина**. Отец — **Зимин Евгений Николаевич**, 1923 г. р., мама — **Анна Степановна**. Жили в Московской обл., Подольском районе, с. Яковлевское. Воспитывалась в детдоме г. Ломоносова.

Отец — Гузенков Василий Васильевич, мать — **Василиса Власовна**, дети: **Мария** и **Владимир**. Разыскивает сестра **Зинаида**. Была в детдоме сел **Малая Камала**, **Комарово** Канского района Красноярского края. Жили в г. **Заозерный** Красноярского края.

Отец — Подданнов Василий Ефимович, мама — **Анна Степановна**. Жили в с. **Дубровка** Всеволожского района Ленинградской обл. Ищет родных дочь **Нина** (род. 2 января 1938 г.), была эвакуирована в Свердловскую область.

Моя фамилия Сергеева-Петрова, **Зоя** или **Зина**. Была эвакуирована из Ленинграда (**Ждановский район**) в **Бийск** 8 августа 1942 г. с диагнозом «костный туберкулез». Кто меня помнит?

Медников Виктор Андреевич, 1936 г. р., воспитывался в детдоме № 75 пос. **Ягодный** Кондинского района Тюменской обл. Вас ищет сестра **Валентина**.

Цоберябый Иван Афанасьевич, 1930 г. р., воспитывался в детдоме с. **Ключи** Алтайского края, на левой щеке родимое пятно с горошину. Вас ищут сестры **Александра** и **Евдокия**.

Мой отец, Белых Пимен Павлович, 1895 г. р. (**Курская обл.**). Жил в **Харькове** по ул. **Чугуевской**, 21—3. Был эвакуирован с заводом в **Барнаул**. В **Харькове** осталась его сестра с дочерьми. Кто помнит нашу семью? **Владимир**.

Беккер Альберт Александрович, 1930 г. р., эвакуирован на Алтай, учился в ФЗО и работал в **Рубцовске** каменщиком. Ищет сестра **Эмма**.

Иван Михайлович и **Владимир Михайлович Тараненко** (воспитывались в детдоме г. **Славгорода**). Отец — **Михаил Иванович**, мать — **Анна Лаврухина**. Жили в с. **Ново-Плотава**, Алтайский край. Вас ищет сестра **Прасковья**.

Егорова Лидия Ивановна, 1941 г. р., воспитывалась в детдоме г. **Донецка**. Помнит, что родители были смуглолицы, папа — без ноги. Были братья.

Однажды упала на печь, обожгла ногу и руку. Кто меня помнит?

Петренко Лидия Васильевна ищет сестру **Нину** и родных. Жили в городе **Николаеве**, была бабушка **Фея**. Воспитывалась в детдоме с. **Снегиревка**, лечилась в больнице № 28 г. **Николаева**.

Виноградов Иван Петрович воспитывался в детдоме г. **Чашники** Витебской обл., год рождения записан примерно — 1943. Кто помнит его семью?

Тихонову Елену Степановну, 1924 г. р., ищет брат **Иван**. Жила у **Белощапких** на ст. **Ададым** Красноярского края, **Назаровский район**.

Николаев Геннадий Иванович, 1939 г. р., ищет Вас сестра **Мария**. Жил на ст. **Чидерты** Павлодарской обл., ул. **Степная**, 7—8.

Родственники Михаила Валерияновича Богословского, вас ищет сестра **Галина**. Жил в **Кемеровской обл.**

Горелов Владимир Владимирович, родственники **Богомоловой Елены Осиповны**, Вас ищет **Анастасия Владимировна Горелова**. Была в 1938 г. в **Сестрорецком** костно-туберкулезном диспансере, потом в **Петергофском** детском инвалидном доме.

Гусева Людмила Михайловна, Вас ищет дочь **Елена**. Жили в с. **Просково** Юргинского района **Кемеровской обл.**

Жилин Виктор Иванович, 1937 г. р., Вас ищет сын **Олег**. Жили в **Душанбе**. Работал в **Южно-Таджикской геологической экспедиции** взрывником.

Миллер Иван Яковлевич, род. 5 марта 1928 г. Ищет сестра **Альвина**. Учился в ФЗО г. **Усть-Каменогорска**, работал шофером в с. **Топольное** на **Алтае**.

Мережо Виктор Иванович, 1925 г. р., Вас ищет сестра **Валентина**. Был в детдоме **Мыс-Хако**, во время войны перевезли в **Краснодар**.

Федор и **Василий Силивончик**, Вас ищет сестра **Полина Ильинична**. Жили в с. **Марьяновка** **Костопольского** района **Иркутской обл.**

Насырова Галина Ивановна, Вас ищет дочь **Людмила**. Жили в пос. **Давенда** **Могочинского** района **Читинской обл.**

Родственники Каренина Николая Николаевича, 1932 г. р., **Москва**. В возрасте четырех лет попал в детдом № 6, **Ленинские горы**, **Сокольники**. Эвакуирован в **Оханск**. Кто помнит эту семью?

Паули Вальдемар Филиппович, Вас ищет сестра **Кремгильда**. Жили в пос. **Чагода** **Вологодской обл.**

Кондратьева-Косогорова Татьяна Васильевна, Вас ищет сестра **Люба**. Жили до войны в с. **Топольное** Алтайского края. Мама умерла, папа погиб, я оказалась в детдоме, ты жила у тети в **Семипалатинске**, потом работала кассиром на ст. **Чарской**.

Стиссанная

Рассказ

Рисунки
Арсения Сергеева



Пурга лютовала уже пятые сутки. Казалось, стылое море прорвало небесную твердь, хлынуло на казахстанскую степь и затопило ее. Огромные валы из ледяного крошева бесновались в беспомощном свете фар. Они сшибались друг с другом, взрывались тысячами смерчей. Чудовищные воронки готовы были всосать затерянный в пространстве, надрывно кричащий мотором многотонный бензовоз с двумя перепуганными солдатами: сидящим за рулем «стариком» и напарником-«салагой».

Очередной вал с грохотом прокатился по длинному узкорылому капоту «сто пятьдесят седьмого» ЗИЛа и сорвал с правого ветрового стекла дворник. На щитке приборов погасла лампочка. Двигатель вскрикнул раз-другой и заглох. В тускнеющем свете фар неторопливо проступала сплошная белая стена. Она поднималась от земли, охватывая машину со всех сторон.

— Хана-а... — «Старик» инстинктивно продолжал нащупывать ногой стартер и никак не мог попасть на самодельный стержень с круглой шляпкой на конце. Пронеслась мысль, что старенькие «комбайновские» аккумуляторы высохли без электролиза, который не заливался в них

с осени. В углу кабины пощечьями заскулил «салага». Жалкая фигура его, сжатая страхом в тугую серозеленый комок, торчала из продавленного сидения незрелой сливовой. Покорность «салаги» и собственная беспомощность пробудили в «старике» чувство злости. До теплого, растворенного в бесконечном пространстве желтого пятна под названием Капустин Яр было двести с лишним километров. До Баскунчака — сотня. А до «пупка», на который они торопились, не меньше тридцати. Если, конечно, не съехали с бетонной трассы, проложенной через степь прямо по верблюжьей колючке и перекачиполу безо всякой насыпи. «Старик» согнул ногу в колене, остервенело бросил ее вперед. Каблук сапога попал на стержень, вдавил венчающую его шляпку до самого упора. И в этот момент стена снега обрушилась. В кабине резко запахло пещерным холодом. Вскрикнул «салага». И все погрузилось в ночь...

«Старик» пошевелил пальцами на руках, зашарил по передней панели. Подумал о том, что окончательно посадил аккумуляторы. Но ключ зажигания с пластмассовым брелоком на кольце торчал из замка в положении «выключено». Облегченно вздохнув, «старик» откинулся на спинку сидения.

— Павел, — окликнул он.

Из угла донесся тихий сдавленный стон. Затем такой же тихий голос проплакал:

— У м-мея н-но-о-ги...

«Старик» поморщился. Сняв в гармошку голенище правого сапога, помассировал голень. Пурга со злой настойчивостью выдувала остатки тепла через щели.

— Где м-мы?..

— В аду. Прорве-емя, падла. У нас почти пять тонн солярки. Такой фейерверк устроим — в Кап-Яре увидят.

«Старик» повернул ключ в замке зажигания. Щиток приборов по-прежнему был темным. Не отозвался зудением и стартер. Хлопнув ладонью по регулятору света, «старик» с досадой выдернул ключ. Он понял, что подсоединенные к аккумулятору в обход замка фары забирали последний ток. Нашунав пристроенный прямо сбоку сидения объемистый деревянный ящик, попросил:

— А ну-ка посвети. Я в аккумуляторы помочусь.

— Я н-не...

— Я тебе сейчас шею сверну,— вкладывая коробок спичек в безвольную руку «салаги», резко сказал «старик». — Подъем, салажонок. Подыхать тут из-за тебя...

Напарник завозился в своем углу. Спички в его руках ломались, гасли.

— Еще одну угробишь, я твоей башкой чиркну по своей подметке,— с тревогой наблюдая за скованными движениями напарника, пригрозил «старик».

Неровное пламя наконец-то осветило кабину дрожащим светом. Сунув в этот крохотный огонек свернутое трубой письмо, «старик» направил пенную струю в горловину банок. Закрутив на ощупь пробки, напарил на полу заводную ручку и попытался открыть дверцу. Она подалась, но тут же звонко захлопнулась.

— Пронесло,— вздохнул он.— Лишь бы вода в радиаторе и головке блока не замерзла. Тогда кранты. Никакая соларка при таком ветре...

Он сплюнул на пол и зло выругался. Подумал о том, что и без ветра соларка не спасет. Сама по себе она не загорится. Для этого нужно скрутить факел. А кроме одежды жечь нечего: старые сидения были обтянуты порванным во многих местах дерматином, под которым не было даже ватной подкладки. Сунув сигарету в рот, «старик» отобрал у напарника спички. Погремев ими, спрятал сигарету обратно.

— С-сука... Даже теплые рукавицы не выдал.— Рывком подняв воротник бушлата, он взялся за ручку дверцы.— Садись на мое место. Да подкачай сначала.

Длинный кнут из ледяного крошева хлестанул по лицу. Второй удар пришелся в грудь. Порывом ветра «старика» бросило под машину. Едва не задев затылком угол железного ящика сбоку цистерны, он судорожно ухватился за горловину бензобака. Сквозь тонкие дырявые рукавицы ладони обожгло металлом. Удары ветра сыпались со всех сторон. И когда он добрался до бампера, во всем теле сохранился единственный кусочек тепла — под сердцем. Этот очаг жизни заставлял шевелить одеревеневшими руками и ногами. Конец заводной рукоятки воткнулся в храповик. Просунув кисть между утеплителем и решеткой облицовки, «старик» потрогал радиатор. Но пальцы ничего не чувствовали. И тогда он, замирая от мысли, что вода и масло уже замерзли, собрал все силы и дернул рукоятку на себя. Маховик повернулся. Это придало уверенности, вызвало слабую волну тепла, которая прокатилась по всему телу. «Старик» вытоптал небольшой пяточок в неглубоком и сухом, как сода, снегу и снова взялся за рукоятку. После нескольких кругов двигатель чихнул. Сильная отдача едва не вышибла руку из плечевого сустава.

— Подкачай, подкачай,— морщась от боли, крикнул в ветер «старик».

Минут через десять двигатель чихнул еще раз и надолго замолчал. «Старик» проделал обратное расстояние до кабины, рванул дверцу на себя:

— Я тебе говорю, подкачай! Оглох... твою мать?

— Я ка-качаю...

«Старик» содрал налпешие на брови сосульки, скользнул взглядом вниз. Сапог «салаги» упирался в выступ в полу кабины.

— Ты что, сволочь, делаешь? Где педаль, а?

— Я н-ничего не ч-чувствую,— пролепетал напарник.

— Шевелись... Заведем машину — отогреемся, не заведем — хана.

«Старик» снял сапог «салаги» с выступа, поставил

его на педаль акселератора. Горячей от рукоятки ладонью ощутил, что кирза превратилась в замороженную насквозь жестянку.

— Нажимай, брат. Дави. Мне полгода до дембеля.

— Я н-нажи...

Скрипнув зубами, «старик» захлопнул кабину и снова окунулся в снежную круговерть. Казалось, машина упала на дно глубокого омута, в котором и сверху, и снизу, со всех сторон били ключи. Они ворочали массами тугого, как вода, воздуха, бросая попавшее в него из стороны в сторону, вверх и вниз. Не давая ни всплыть, ни утонуть. С каждой минутой непроглядная тьма сгущалась все сильнее.

Двигатель ахнул громким выхлопом. Затем еще раз. И, набирая обороты, заработал, сотрясая машину крупной нервной дрожью.

— Отпусти чуть! Отпусти! — выдергивая рукоятку, крикнул «старик».

Но двигатель, как запущенная турбина в реактивном самолете, продолжал наращивать мощность, словно решил пойти вразнос. «Старик» бросился к кабине. Отшвырнув «салагу» в угол, прыгнул на сидение, торопливо поймал ногой педаль акселератора.

— Живе-ем,— чувствуя, как из печки вырвались первые струи теплого воздуха, зло оскалился он.— Не в таких кабаках бывали.

— А к-куда ехать? — промычал «салага».

— Эге-е. Не весна, когда грязь по яйца. Зимой в степи — как на Красной площади по брусчатке.

— А с-солончаки?

— Солончаки только дураков да пьяных с концами затягивают. Мы же не по казашкам шастаем.

«Старик» нахмурился. Закурив, щелкнул тумблером на щитке приборов. Под потолок кабины загорелся матовый плафон. Покосившись на «салагу», бросил красные руки на руль. Включил дворники. Не услышав обычного шороха, понял, что на стеклах образовался толстый пласт льда.

— Сейчас ледок сколем и — до первого фонаря,— вытаскивая из бардачка отвертку, успокоил он.— А ну покажи, что там у тебя?

«Салага» отозвался долгим стоном. «Старик» поднял его ноги на сидение, с трудом снял один из сапогов. С треском размотал промерзшую насквозь портянку, словно отодрал широкий кусок изоляционной ленты. Ступня и пиколотка были белыми, гипсовыми. «Салага» промычал что-то сквозь зубы и закрыл глаза. По пухлым, почти детским щекам, по синим губам пробежали гримасы боли. «Старик» с силой надавил пальцем на кожу. Она была твердой. Небольшое углубление не затянулось. Взяв горсть наметенного в кабину снега, он начал растирать ступню.

— Терпи, дорогой. Сейчас будет легче.

Напарник никак не отреагировал на это действие. Выдержав долгую паузу, он заговорил, помыкивая, подергивая подбородком:

— Мне мать шерстяные носки положила. «Покупатели» на призывном не отобрали, после бани все цело осталось. Уже присягу приняли, направление в техбат получили, и то сержанты при шмоне отдали,— он перевел дыхание и с обидой в голосе закончил: — А в роте старшина конфисковал. Сказал, что гражданские вещи носить не положено.

— Да с-сука он, этот старшина. Насквозь гнилой,— едва сдерживая ярость, погонял по скудам желваки «старик». — Откопал в каптерке два левых валенка пятьдесят

растоптанного размера. Доберетесь, мол. Больше никаких нету.

«Салага» неожиданно вскрикнул, дернулся назад. На подъеме ступни неторопливо начало расползаться розовое пятно.

— Скрипи зубами, кореш. Матерись, но терпи.— Захватив новую горсть сухого жгучего снега, рассыпал его по ноге «старик».— Иначе костыли обеспечены.

— Ы-ын-н-х... Как пилой по живому. А до этого деревянная была. Только в середку будто кто железный штырь вбил.

— Значит, отходить начала. А вторая как?

— О-о-о-х! — закрываясь руками, задохнулся от боли «салага».— Вторая нога получше. Но я больше не...

— Вы- удержишь. Куда бедному крестьянину деваться...

Через дыру в углу проник очередной седой завиток, посыпался снежной пылью на пол, на сидение, на приборную доску. Но печка продолжала исправно выбрасывать струи тепло, теперь уже почти горячего воздуха. Они настойчиво выгоняли холод из кабины. На стеклах, на передней панели скопились крупные капли влаги.

«Старик» замочал растертую до пожарного цвета ногу «салаги» в свою сухую портянку, натянул на нее свой просторный сапог. Принялся было за вторую ногу напарника, которая не была такой костяно-белой, но вдруг почувствовал в пропитанном железом и маслами воздухе запах горячего пара. Взгляд невольно перекинулся на приборную доску. По циферблату температурного датчика, почти не задерживаясь на делениях, ползла белая стрелка. Он сразу все понял. Убрал ручной газ, сбавил обороты двигателя почти наполовину. Потом втиснулся в еще не разшошенные кирзачи напарника, отверткой распорол подкладку бушлата. Выдернув приличный кусок ваты, отыскал под сидением проволоку и скрутил факел. Подумал о том, что, если вату пропитать бензином, она вспыхнет сразу, но пламя будет слабым. И сгорит такой факел быстрее. А если облить соляркой, то хватит ли спичек запалить горячее, которое и летом воспламенялось с трудом. Времени на размышления уже нет. Стрелка датчика трепетала на отметке сто градусов. Из печки вместо горячего сухого воздуха вырвались первые клубы пара.

— Что это? Вода закипела?..— Испуганно потянув носом, приподнялся на локтях «салага».

— Радиатор прихватило. Когда заводил, утеплитель, наверное, сбил в сторону, — признался «старик». Выключив зажигание, он с тревогой прислушался к неровному стуку поршней двигателя. Наконец тот заглох.— Я пойду за соляркой, а ты пока руки отогрей. А то я с мороза не то что спичку — хрен не удержу.

— Ха-ана-а... — длинно выдохнул в темноте «салага». По стеклам кабины резко хлестанула очередная метла из ледяного крошева. Под полом что-то с гулом перекачилось. В лицо пахнуло стылгой изморозью, словно под машиной шевельнул волной полярный океан.— Приплы-ы-ил-и...

«Старик» нашарил под сидением банку из-под тушенки, сунул ее в карман бушлата — и навалился плечом на дверцу. Каблук нового сапога скользнул по обледенелой подножке, и «старик», не успев ухватиться за ручку дверцы, полетел на твердый наст. По лицу потекла кровь. Две-три мокрые дорожки моментально застыли, стянув еще теплую щеку жесткими узкими ремнями. «Старик» перевалился на грудь и увидел, что лежит сбоку обнажившихся бетонных плит. С облегчением подумал, что по дороге когда-нибудь

должны поехать. Или стройбатовцы, или ракетчики, или связисты с огромного, в центре степи, шарообразного докатора. А может, особисты на патрульном «бобике»... Ведь если прикинуть пройденное ими расстояние, то где-то здесь рядом полигон. Не раз и не два за службу он с ребятами мотался на этот полигон за запчастями. Удивлялся тому, что вылизанные до блеска автомашины, бульдозеры и тягачи вместо того, чтобы отдать на предприятия, в колхозы и совхозы, свозили на бескрайний кусок степи, обозначенный едва выглядывающими из житняка, костра и верблюжьей колючки красными предупредительными фонарями. И с примерным усердием отвинчивал, откручивал, отдирав все, что попадалось под руку и что под силу уволочь, потому что в техбате с запчастями было так же, как в самом захудалом гражданском колхозе. И не раз они едва успевали унести ноги. Занятые раскурочиванием, всё как-то пропускали тот момент, когда загорались зловещие фонари. И спохватывались только тогда, когда с неба обрушивался жуткий вой входящих в штыпор беспилотных истребителей. Наученные горьким опытом прежних призывов, они не забирались в середину полигона, а копались с краю. И поэтому успевали пересечь опасную черту. Хотя Сашку Морозова из Краснодара осколок догнал далеко за фонарями... А километрах в десяти от полигона должна быть летняя кошара Дарханбаева. Казах со своим многочисленным семейством, наверное, в Урде. Но в саманной халупе есть печурка, в которой он накалял причудливое железное тавро для клеймения своих овец.

«Старик» поднялся на ноги. Нагнув голову, сделал несколько хромых шагов к бензовозу и уцепился за буксирный крюк. Весь зад машины, казалось, зарос желтой, густой ледяной травой. Горловину сливного крана покрыла толстая ледяная пробка. «Старик» вытащил кувалду из инструментального ящика, обстучал ею сливной кран. Подергал самодельный вентиль в разные стороны. Сильный порыв ветра едва не сбил с ног. С верха цистерны упало что-то похожее на деревянный чурбачок. «Старик» оглянулся и увидел под ногами смахивающий на кусок промерзлой грязи трустик сарыча-зимняка. Чертыхнувшись, в который раз подавил в себе чувство тревоги и снова взялся за кувалду. Солярка хлынула неожиданно. Широким потоком. Он не успел отскочить. И почувствовал себя так, будто прямо в одежде окунулся вдруг по пояс в прорубь. В груди возникло ощущение чего-то сладко ноющего, безнадёжного. «Старик» не помнил, как закрутил кран, как, громыхая доспехами, донес до кабины банку с соляркой. Повернув ключ в замке зажигания, он включил плафон под потолком. И тут только увидел огромные глаза «салаги». Почувствовал, что и у самого под шапкой шевельнулись волосы. И засмеялся гавкающим смехом, не в силах справиться с частыми спазмами горла:

— Меня до... не вес... ждет. Но я ус-пел... Один раз. Ах-ха-ха. Один...

Сорвав с головы шапку, он швырнул ее на пол, всхлипнул, посмотрел на свои «железные» брюки, на «стальные» сапоги. Меж плотно сжатых губ протиснулся длинный грудной стон, протяжный, как погребальная песня степняка. Вегер продолжал выворачивать из-под машины колеса. Пурга секла крупной картечью по жести облицовки. Казалось, еще немного — и она просечет кабину насквозь. В своем углу тихо скулил «салага». Покорность разгладила безусое лицо, не оставив на нем ни единой твердой складки или черточки, которые только начали портить молочно-розовый глянec. И лишь в глазах продолжал плескаться ужас.

Но и ужас этот был каким-то покорным. Бараньим.

— Но я тебя довезу, — отчетливо сказал «старик». — Ты должен понюхать, чем пахнет... баба. А она сла-адкая...

Его безвольно опущенные вдоль туловища руки неожиданно взметнулись вверх. Пальцы рванули полы бушлата в разные стороны. Затрещал ворот гимнастерки.

— Довезу-у... А н-ну, раскрывай бардачок.

«Салага» втянул голову в плечи, поджал под сидение ноги. А «старик» уже сдирал с себя бушлат:

— Меня взять?! Меня-а-а?.. Внука Георгиевского кавалера? Вынимай дембельскую заначку.

Лязгая зубами, «салага» открыл бардачок. Извлек оттуда пузырь одеколона «Цветочный» и небольшой флакончик женских духов. «Старик» повертел духи и швырнул их обратно: — Пей!

«Старик» сунул проволоку напарнику, отобрал у него коробок. Вывернув карманы, сложил на сидении небольшую кучу бумажек. Сверху бросил пустую пачку из-под сигарет, спрятав сами сигареты в бардачок. Не дожидаясь окрика, «салага» проделал то же самое.

Неустойчивое пламя от спички робко лизнуло угол свернутого в трубку конверта, будто снимало с него пробу. И через секунду с жадностью принялось пожирать яркий букет из садовых цветов. Занялись исписанные мелким и крупным детским почерком листы. Но прежде, чем костерок превратился в горсть пепла, затрещала смоченная соляркой вата. Кабину заполнил черный удушливый дым. «Старик» быстро разорвал подкладку бушлата. Когда жарко запылал и второй факел, он приспустил боковое стекло. В кабине уже нечем было дышать. Ветер гонял из угла в угол гу-



Открыв пробку на объемистой склянке, он запрокинул голову. Тоненькой струйкой одеколон полился прямо в глотку. Когда выкатилась последняя капля, «старик» сделал гулкий глоток. «Салага» снял анодированный колпачок, отвинтил розовую пробочку и тоже присосался к ребристому пузатому флакончику. Он задохнулся от проникшей в легкие ароматной волны, закашлялся.

— Занюхай рукавом, — сдергивая сапоги, рывкнул «старик». По его смугловатому лицу уже растекался сочный клоунский румянец. — Всю службу, гад, на эту «Шанель» копил. Кап-Яр вверх дном перевернул. А он еще выпендривается, салаж-жонок...

Он выполз из гремящих царскими доспехами брюк. Одна из фланелевых портянок оказалась сухой. Растерев ею лоснящиеся ляжки, он воткнул ноги в рукава бушлата. Затем поднял факел, смочил его в банке.

— Запаливай.

Но вата не загоралась. Она таяла крупными каплями солярки, которые заливали беспомощный огонек на спич-

стые клубы дыма, скручивал их в тугие узлы, которые сырой резиной забивали рот и ноздри. В голове промелькнула мысль, что все эти приготовления ни к чему. Вряд ли при такой круговерти можно будет отогреть радиатор. Если ветер и не сорвет пламя с факела, то будет трепать его из стороны в сторону, не давая возможности направить на прихваченный морозом участок.

«Старик» посмотрел на приборную доску. Стрелка на температурном датчике лежала почти на нуле. Он подумал, что негрол во всех трех ведущих мостах, наверное, застыл, и стронуть с места заправленную под завязку машину сразу не удастся. Если вообще не поврутца шестерни на полуосях и крестовины на карданах. Подергав рукоятку переключения скоростей, он понял, что опасения не напрасны. Вторая скорость включилась с трудом. Но лампочки на щитке приборов горели устойчиво — в аккумуляторах забродил какой-то ток. Стараясь не выдавать волнения, «старик» отобрал у напарника факел и попросил:

— Павел, иди открой кран.

— Какой кран? — сквозь кашель просипел «салага».
 — В цистерне. Не будет открываться — мочи кувалдой. Оставим литров двести-триста. Если останется... — И когда тот уже встал на подножку, приказал: — Но чтобы ни одна капля не упала на тебя. Работай только сбоку. «Салаги» не было долго. Наконец, дверца кабины открылась. В проеме замаячило круглое кирпичное лицо с черной дырой широко раззявленного рта:

— Хлещет.

«Старик» протянул один из факелов напарнику, подтолкнул к нему заводную ручку:

— Попробуем завести, Павел. Температура на нуле.

— У меня н-ноги...

— Топчись, Паша. Прыгай. Иначе мы не выберемся, — почти крикнул «старик». — Как заведется, сунь факел за утеплитель. Надо отогреть радиатор.

— Там... Там фонарь.

— Какой фонарь? — замер «старик». — Где ты видел фонарь?

— Там. Далеко.

Рывком открыл дверцу, «старик» высунулся из кабины. Ветер по-прежнему сдирал с головы шапку. Но ледяная крупа уже не села лицо. Наступило какое-то тревожное затишье.

— Где фонарь?

Степь была покрыта тысячами снежных костров. Дым от них поднимался вверх, образуя плотный серый купол, который готов был обрушиться в любую минуту. Две-три веши обозначали края пропадавшей в этом дыму бетонки. И вдруг далеко впереди что-то блеснуло. И через короткий промежуток времени снова подало сигнал. Радость вытеснила из груди чувство холода. Захлопнув дверцу, «старик» отбросил бушлат и суматошно принялся натягивать хрустящие брюки. Затем навернул портянки, сунул ноги в ледяные сапоги.

— Крути, Пашка, пока не накрыло.

— А может, это пэвээшники запустили? — прохрипел «салага».

— Какие, к черту, пэвээшники. Мертвая зона... Это маяк над дарханбаевской халупой.

Клеща зубами, «старик» выжал сцепление, чтобы колесвал крутился легче, и подкачал бензина в карбюратор. Ступни ног быстро схватывались холодом, немели. Пропустив сквозь непослушные губы добрую порцию мага в адрес старшины, он ударил кулаком по эбонитовому покрытию руля. Если бы у них были валенки, они бы смогли переобуться. Тогда все, что произошло, не казалось бы таким безнадежным. Фонарь, замеченный салагой, мог исходить от мощных тягачей, от «Бурана» или «Вихря», которые через минуту пропадут в степи. Он мог принадлежать и присевшему на вынужденную вертолету, или незнакомому летательному аппарату, которые своим внезапным появлением и таинственным исчезновением будоражили иногда умы солдат и офицеров. В конце концов, этот маяк мог быть просто миражом, возникшим в переутомленном разуме. А если это все-таки реальность, то расстояние до нее могло измеряться десятками километров.

«Старик» не услышал, а скорее почувствовал всем напряженным существом, что двигатель громко кашлянул. Торопливо потеряв носком сапога педаль акселератора, он потянул на себя круглую головку регулятора ручного газа. Машина дернулась, лихорадочно забила от неровной работы поршней. «Ну, ну, еще немного, хорошая ты моя. Ты все можешь, — как большое доброе животное,

мысленно умолял ее «старик». — Помоги нам, прошу тебя. Ты не в первый раз выручаешь». Стрелка на температурном датчике дрогнула и неторопливо поползла по короткой шкале. Осторожно отпустив педаль сцепления, «старик» зашарил вокруг в поисках отвертки. В кабину ввалился напарник. Бросив чадающий факел на пол, он откинулся на спинку сидения, глотая воздух дырой рта.

— Я не... Я не смог отогреть. Ветер.

— А фонарь? — косясь на водяной датчик, быстро спросил «старик».

— Мигает. У меня ноги... как деревянные.

«Старик» встал на подножку и короткими ударами отвертки пробил небольшую лунку в центре ветрового стекла. Оглянувшись назад, увидел, что соларка затопила диски на задних колесах. Густая темная масса неторопливо расплзалась под машиной, грозя приковать ее к земле намертво. Чертыхнувшись, он захлопнул дверцу. Подумал, что нужно было бы добавить банку-две дизельного топлива в радиатор и оставить горловину открытой. Где-то он слышал про такой прием. Шоферы пользовались им, когда не было антифриза. Может, соларка разъезла бы лед на стенках трубок. Но страх перед новой «прорубью» не позволил спрыгнуть с подножки. Включив первую скорость, он прибавил газу и медленно отпустил педаль сцепления. Облегченный бензовоз со скрежетом стронулся с места. Далеко впереди вспыхнул маячок. И погас. И снова блеснул. И пропал в снежном дыму. Стрелка на датчике перевалила середину шкалы. И тогда, отбросив предосторожности, «старик» начал разгонять машину. Он понял, что больше выхода нет, что никто не поможет. На факелах они продержатся день, от силы два, если не угорят, не задохнутся в дыму. Если мороз и ветер, проникающие в кабину во все щели, не сделают свое дело раньше. В части спохватятся не скоро, подумают, что они решили переждать непогоду в какой-нибудь точке. А пурге конца не видно. Она только вошла во вкус.

Стрелка датчика резко прыгнула по циферблату и, как гончая, помчалась к финишу. Спидометр не работал, но «старик» определил, что бензовоз идет со скоростью семьдесят — восемьдесят километров в час. Бетонку лишь в некоторых местах перекрывали тонкие пласты наносного снега. Ветер вылизывал их, как и всю степь, до тушлого блеска, унося миллиарды тонн ледяной крупы в центральные области России, где она превращалась в пушистые белые хлопья. На открытых участках «старик» выключал скорость, давая машине возможность пробежать несколько десятков метров своим ходом. Он заклинал двигатель не спешить показывать «братскую руку».

Из печки вновь вырывались тугие клубы пара. В горло лезли куски черного резинового дыма от угасающего в руках «салаги» факела. Давление масла поднялось до предела. А «старик» давил и давил на акселератор, не замечая, что кровь из раны на лице капает на темные от соларки, оттаявшие брюки, что в правом колене и в правом плече усиливается боль и что «салага» перестал стонать. Голова напарника безвольно моталась из стороны в сторону по верху спинки сидения. Колени выхлялись, будто ноги принадлежали не ему, а кому-то другому. Но «старик» видел перед собой только редкие сигналы маяка, шкалу на температурном датчике и на датчике давления масла. Остальное для него перестало существовать. В голове, вопреки желанию поскорее достичь цели, возникла трезвая мысль, что испытывать двигатель на прочность больше нельзя. Что ему нужно дать отдохнуть, чтобы он

мог накопить силы для второго рывка. Не совсем понимая, что делает, «старик» на полном ходу выбил рукоятку переключения передач в нейтральное положение, выключил зажигание. Машина прокатилась с согну метров и замерла возле полосатой дорожной веши, последней, видимой впереди. Двигатель продолжал сотрясать бензовоз в эпиплетическом припадке. «Старик» врубил пятую скорость. Его с силой отшвырнуло назад, будто машина совершила предсмертный прыжок. И все стихло. Только из печки с беркутовым клекотом вырывался нар.

Напарник тихо застонал. «Старик» открыл глаза, с усилием разомкнул пальцы на руле. В кабине было темно и душно. Таяло, на глазах приобретая синеватый оттенок, пламя на факеле. «Старик» забрал факел из неживых рук «салаги», опрокинул на него пустую банку из-под тушенки. На чадающую вату тоненькой струйкой пролились остатки соларки. Но этого оказалось недостаточным, чтобы возродить пламя к жизни. Потрещав воробьями, несколько торопливых язычков снова начали умирать. «Старик» протер рукавицей запотевшее лобовое стекло, с тревогой заглянул в лунку. Маяк по-прежнему подавал короткие распльвчатые сигналы. Но таким далеким он показался, что от холода свело живот. «Старик» пошевелил пальцами ног. И ничего не почувствовал. Голени до самых коленей превратились в гранитные бруски. Только бедра и низ живота еще ощущали, как прет снизу мороз, как ворочает он ледяными своими щупальцами, высасывая тепло из новых и новых участков тела. И «старик» закричал. Дико, по-звериному. Как никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не кричал.

Когда первая волна ярости и страха иссякла, он направил второй вал бешенства на дерцу. Выбив ее, он вывалился из кабины и покотился по твердому колющему насту, раздирая лицо в кровь, кусая и царапая этот наст, будто пытался добраться до горла врага. Он не видел, что языки белого пламени над степными кострами взметнулись еще выше, словно в них подбросили новую порцию сухого топлива, что там, вдали, заворочались гигантские клубы серого дыма. Он не знал, что это очередной снежный заряд готовился поглотить последнюю надежду — пульсирующий свет крохотного маяка. Его растаскивала на части ярость от собственного бессилия, от мысли о нелепом конце, от того, что в кабине сидело жалкое подобие человека, покорно ждущее своей участи. От взрыва внутренней энергии по спине заструились обильные ручейки пота. Пот скапливался под коленями, он оросил даже ступни. «Старик» вдруг почувствовал острые складки на смерзшихся портянках. И он вскочил на онемелые культы, бросился к кабине. От нее метнулся к бензобаку. Горловину закрывала сетчатая колба. Он вырвал ее с мясом. И когда наконец-то просунул банку в широкое отверстие, то вскрикнул от боли. Показалось, что вместо бензина в баке колыхался ледяной жидкий кислород. И все-таки он донес полную посудину до кабины. Наскреб снега, ледяной икры, снятым с рамы ведром, нацепил его дужкой на выдернутый до упора стержень ручного газа и, подпалив оба факела, укрепил их под дном. И только после этого зло развернул «салагу» к себе. На его прозрачном лице не было никаких теней, кроме пугающей отрешенности. И «старик» не выдержал. Ударил кулаком по синим губам, по длинным неживым ресницам. Захлестал ладонями по утрагившим краску щекам.

— Подъем... Подъем... — впиваясь пальцами в воротник бушлата, захрипел он. Тряпичное тело «салаги» с

размаху вмялось в стенку кабины. Отлетело и снова мягко вцепилось в железо. — Подъем... Убью, гад...

«Салага» открыл глаза. На губах запузырилась кровавая слюна, потянулась к округлому подбородку густой па-токой. В затуманенных зрачках вспыхнул огонек. Напарник с ужасом уставился на «старика».

— Где мы? — едва слышно выдохнул он. Черты лица слемались от внезапной судороги: — Больно... Бо-ольно-о...

— Обувайся, сука. За-дав-лю...

Отшвырнув от себя напарника, «старик» обессиленно откинулся на спинку сидения. Вой за кабиной начал стихать. Пламя от факелов жадно облизывало цинковые бока порнутого ведра, заполненного дымящейся водой наполювину. Оно не металось из стороны в сторону, а было устойчивым. Не кучерявился под ногами и маленький сугробик нанесенного через щели сухого снега. Откуда-то издали прилетел звонкий хлопок, отдаленно похожий на взрыв боевой гранаты или зенитной ракеты, когда ее уничтожают в воздухе, высоко над землей. «Старик» попытался приподнять носки сапог. Нужно было идти заливать воду в радиатор, пока двигатель не остыл совсем. Этой капли влаги должно хватить еще на несколько километров. Но пальцы по-прежнему ничего не чувствовали. Вместо берцовых костей будто кто-то вставил толстые, покрытые шершавым инеем птыри. Кожа на икрах до самых щиколоток болезненно отзывалась на каждую грубую складку в портянках и в солдатских шароварах, укрывающих ляжки металлическими пластинами. Издалека снова прилетел звонкий хлопок. Теперь он прозвучал громче и раскатистей. «Старик» наклонился вперед, прильнул козырьком шапки к лобовому стеклу.

Когда-то, в самом начале службы, он вез на «джипе» замполита части майора Черняка на одну из отдаленных точек. Они уже проскочили площадку пэвзашников с установленными на наклонном старте длинными, тонкими, хвостатыми «сигаретами» — стосемидесятипятками. Было лето, на «джипе» не было тента. Впереди, слева от дороги, паслось большое стадо коров. И вдруг майор побледнел, согнулся в три погибели, пряча голову под передней панелью.

— Заворачивай... Вправо, вправо! — по-заячьи закричал он. — Гони...

«Старик», тогда еще желторотый салажонек, для которого весь этот начиненный грозным оружием полигон был восьмым чудом света, с недоумением завертел головой в разные стороны. И увидел, как сверху, кувыркаясь и мотая огненным хвостом, прямо на них падает ракета. Под ногами рычал и верещал замполит, а он, не отрывая взгляда от «сигареты», продолжал ехать по дороге. Тогда все обошлось благополучно, если не считать перевода с новенького «джипа» на собранный на заре советской власти бензовоз, десятка нарядов в батальонный туалет и пожизненно закрепленного звания «рядовой». Ракета упала в самый центр стада. Коровы прыснули от нее кто куда. И через несколько мгновений раздался звонкий хлопок, очень похожий на тот, который донесся издали.

«Старик» нервно сморгнул набежавшую от едкого дыма слезу. За стеклом ничего не изменилось. Посылал короткие сигналы маяк, покачивалась сбоку дороги полосатая палка, бесчисленные костры взрывались кверху языками белого пламени. Покосившись на веку, «старик» снова уставился в пространство, напряженно ощупывая каждую неровность, каждый едва различимый непонятный контур. Но полосатая отметина не давала покоя. Полтора года ходил он этой

бетонкой на «дальняк» и ни разу ее не видел. Дальше, когда трасса кончалась и начиналась грунтовая дорога, вежи ставили, чтобы обозначать редкие, как пирожные в солдатском буфете, крутые повороты. А бетонку метить было незачем...

В этот момент один из широких белых языков, простыней закрывающих пространство, опал. «Старик» отчетливо разглядел крышу какого-то строения. До него было так близко, что перехватило дыхание. Показалось даже, что из печной трубы вьется дымок. Но ветер поднял простыню, надул ее парусом. И строение исчезло, не успев удовлетворить животного любопытства. Над землей, будто привязанный к ней за ниточку, висел один маячок. Далек, как звезда. И все-таки: увиденного хватило для того, чтобы надежда вспыхнула с новой силой. Кинув на «салагу», со стонами натягивающего второй сапог, неприязненный взгляд, «старик» снял ведро со штыря ручного тормоза. Дверца открылась легко, словно степные буйволы, которые упирались в нее рогами, унеслись вслед за ветром. «Старик» поднял длинную правую боковину капота, взобрался на бампер. Когда последняя капля выкатилась из ведра в горловину радиатора, он всей спиной почувствовал какую-то опасность. Резко обернулся. Но все было по-прежнему. Только маяк словно окутался легким туманом или дымчатой вуалью, да в почти стоячем воздухе заискрилась колкая, как стекловата, снежная пыльца. Закрепив на раме ведро, «старик» открыл дверцу кабины, зашарил по полу в поисках заводной ручки. Наружу хлынули клубы черного дыма, в нос ударил едкий запах тлеющей ваты и горелой резины. Почудилось, что пламя от факелов подпало электропроводку.

— Садись за руль, — боясь разглядеть под приборной доской огонь, прохрипел через кашель «старик». — Тут ничего не загорелось?

— Нет. Тут только факелы, — откликнулся напарник.

«Старик» снова пошарил по полу. Заводной ручки нигде не было. Он похолодел от мысли, что «салага» забыл ее вытащить из отверстия в кожухе радиатора и она по дороге выскочила.

— Где ручка?

— Какая ручка-ка?..

— З-заводная. К-кривой стартер...

«Салага» перевалился с боку на бок. Долго ощупывал собственные ноги. И наконец подтолкнул глухо звякнувшую железку к дверце.

Двигатель завелся после того, как «старик» окончательно выбился из сил. Казалось, поршни расплавились и накрепко впаялись в цилиндры. Но он все-таки сорвал их с места. Добравшись до кабины, потянул на себя набалдашник переключателя скоростей. Он понял, что завести машину больше не удастся, что это последний рыбок. Перед носом бензовоза уже вспыхнули пеной первые волны очередного снежного заряда, уже затягивалось мглой и без того ограниченное кострами пространство. И все реже пробивались через эту мглу сигналы маяка.

«Старик» выбил скорость, торопливо нагазовал двигатель. Тот не заглох. Он снова разогрелся до такой температуры, когда горячее воспламенялось самостоятельно, без искры от свечей. В любую минуту один из шатунов мог оторваться от своего поршня и пробить блок. Медлить было нельзя. И как только новый вал с грохотом и воем промчался над кабиной, «старик» врубил скорость. Свет фар застрял в месиве из ледяной крупы, распался на тысячи светящихся точек. Казалось, машина ехала по объ-

той пламенем степи, поднимая перед собой тучи искр. А откуда-то из небытия продолжал подавать едва различимые точки маяк. «Старик» больше не косился на приборную доску, по которой прыгали обезумевшие стрелки, не смотрел и в сторону затихшего в углу «салаги». Он знал, что если им овладеет страх, то это будет конец. Он давил и давил каменным сапогом на педаль газа, словно пытался растереть ее в пыль.

Бензовоз подпрыгнул и, как подстреленный на бегу лось, сунулся всей своей тяжестью на передние колеса. «Салага» без звука свалился с сидения на пол. Завозился, залопотал что-то, пытаясь найти точку опоры. В кабину влетело ядро из раскаленного пара, взорвалось на зарешеченном окне заднего вида и превратилось в рыхлое горячее облако. «Старик» с трудом отжался от баранки, выключил фары. Машину облепила вязкая серая мгла. Маяка больше не было. Он перестал существовать еще до того, как двигатель показал «братскую руку». Кабину бледно-синим светом слабо освещал плафон под крышей. «Старик» отрешенно посмотрел на все еще несопкойный брелок на ключе зажигания и глубоко вздохнул. «Салага» наконец-то уцепился за приваренную в низу бардачка скобу. Задев, как тащит он за собой будто перебитые ноги, «старик» невольно поморщился. На полу продолжал чадить факел. Языки бордового пламени то шустрыми гусеницами перебегали с края на край обугленных кусков ваты, то прятались под плотными пластинами чада. «Старик» потянулся было к банке с бензином. И увидел ее, пустую, под сапогами «салаги». Через дыры с полу кто-то с упорством протягивал бесполезные оренбургские пуховые платки и, встряхнув, укрывал ими пол. «Старик» уставился в темную промоину в лобовом стекле. В прорубь заглянула звезда. Она была такой далекой, что, казалось, светила со дна омота. «Старик» вяло приподнял одно плечо, чуть наклонил голову набок. И вздохнул. В омуте отражался плафон. Ноги снова были тяжелыми и ненужными. Теперь окаменели и ляжки. Но это обстоятельство не вызывало особого беспокойства. В углу посыпывал белым, будто измазанным известкой носом «салага». Где-то совсем рядом попал в цель ПТУРС. Показалось, что снаряд разнес зад у бензовоза, что жарко вспыхнула солярка. «Давно бы так. А то мимо да мимо, — подумал «старик». — Это хорошо. Пока огонь доберется до кабины, мы успеем отогреться. До кошары, кажется, рукой подать...» Он еще раз заглянул в промоину в лобовом стекле. Темная вода поглотила мгlistый день. В ней растворилось и отражение плафона. «Старик» закрыл глаза...

...Он стоял на пороге дарханбаевской кошары и метелкой из духовитого чабреца отбивал насевшую на сапоги землю. Казах сидел возле костра, разведенного в центре саманной мазанки, прямо на глиняном полу. Разливая противный казахский чай в пиалы, он поглядывал на «старика» и улыбался:

— Второй год пошел, да? Из «чернаков» «старик» стал, да? Вижу, какой нарядный. На гимнастерке стрелка, на брюке стрелка. Сапог яловый.

«Старик» улыбался, горделиво поправлял на левой стороне гимнастерки незаслуженный иконостас из армейских значков.

— Чуть больше полугода осталось. Могу и расслабиться.

— Э-э. Это много. Настоящий «старик» еще только собрался на дембель.

— Какие «старика»! Из осеннего призыва у нас на всю роту три человека. Теперь хозяин я.

— Досрочно, да? А старшина? Значки снять, швы распороть, а сапоги себе забрать. Нет?

— Обижаешь, Дарханбай. Старшина сам предложил новые. Ему «салаг» в руках надо держать.

— Да-а. Старшина в техбат хороший, — согласился казах. — Когда Капустин Яр приходил, он шуба сто пятьдесят сом продал. Сказал, списанный. И валенки он, — сом пара. Десятка.

Жена Дарханбая нахмурилась и что-то резко сказала на тартаргакающем, твердожакающем и глубококающем казахском языке. Чабан равнодушно пожал плечами, снова повернул плоское лицо к «старик»:

— В степи все так живут. Кальсоны лавка не продают, ватные штаны, теплый рукавица нету. — Он подбросил в костер несколько кизячных, похожих на картофелины, катухов. — Мне новый комолатор для «Жигуля» продал.

«Старик» покосился на стоявшие в загоне для овец, обросшие грязью «Жигули», с сомнением покачал головой:

— У Гуркина запчастей нет. У него вещевого склад. Это у Мамедова. Из гаража.

— У Мамеда, у Мамеда, — обрадованно хлопнул ладонями по стеганым штанам Дарханбай. — Бензин, керосин, запчасти, масло — все гараж. Гуркин — валенки, бушлат, кальсоны... Такой теплый шуба.

Казах поцокал языком и посмотрел на стену, на которой висела длиннополая овчинная шуба. Их обычно выдавали ракетчикам или солдатам караульной службы, когда те заступали на пост по охране военных складов и других важных объектов. И снова «старик» засомневался. За всю службу в техбате он ни разу не видел таких шуб. Ребята уходили на дежурство в бушлатах. В крайних случаях, когда мороз переваливал за сорок градусов, им выдавали короткие тулупы.

Казах взял палку и постучал ею по подвешенному над костром котелку. Выдержав паузу, постучал еще раз. «Старик» с удивлением воззрился на него.

— Открывай!.. Эй, почему молчишь... — каким-то придушенным голосом закричал Дарханбай. — Эй, солдат, почему не едешь?..

От костра вдруг потянуло ледяным холодом. «Старик» хотел закрыться ладонями. И не смог. Руки были, словно свинцовые. Казах зверем бросился к нему, уцепился пальцами за плечо:

— Эй, солдат, проснись! Солдат!

«Старик» разлепил веки и повернул голову. По лицу больно стегнула мелкая дробь, порыв ветра проник за воротник, прополз по спине холодной скользкой змеей. В свете электрического фонаря маячило какое-то белое расплывчатое пятно. «Старик» напрягся и попытался отцепить пальцы от бушлата.

— Дарханбай... Ты что, Дарханбай?

— Какой Дарханбай, сынок? Джаныбек-я, Джаныбек...

— А где Дарханбай? Где ко-

шара?..

— Моя кошара ты проехал. Я стрелял, стрелял... — Казах вдруг потянулся руками к лицу. — Дарханбаев?! А-я-а... Это муж моей сестры. Ты куда ехал?

— На «кип» капитана Устинова... — «Старик» загнулся. Он почти пришел в себя и теперь с удивлением разглядывал пожилого казаха, закутанного в длинную шубу, такую же, какая висела на стене саманной халупы Дарханбая. Из-за спины выглядывали сизые стволы охотничьего ружья. — На «пупок» капитана... Между Сайхиным и Урдой...

— Ай-я-а... Дом Дарханбаева там. Много километров. Его кошара никого нету, сынок. Эта дорога на «сборка»...

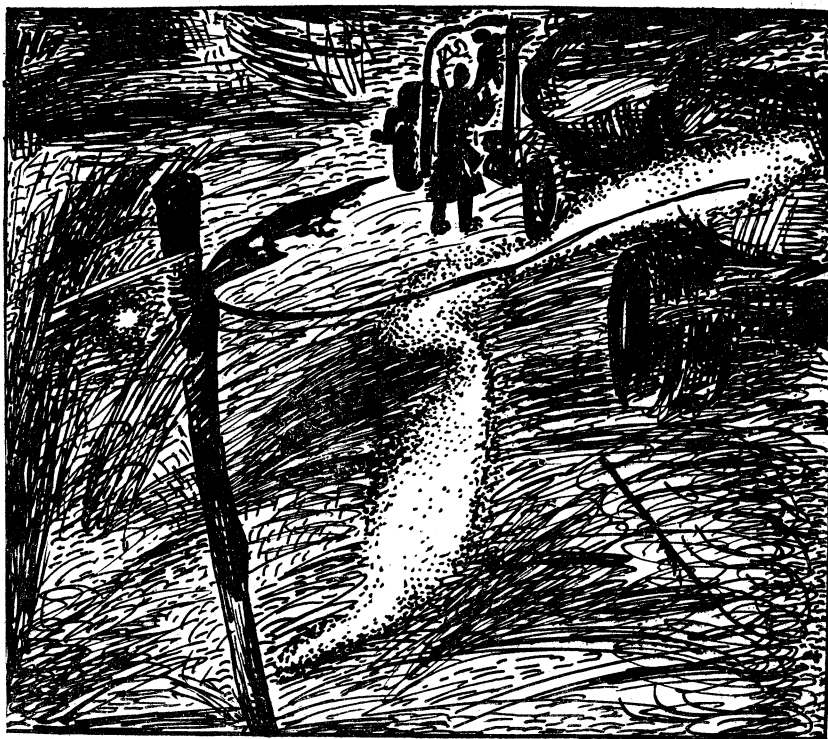
«Старик» почувствовал, как лоб покрылся испариной. Он знал про эту дорогу, которая вела в запретную зону. Изредка мощные тягачи протаскивали по ней укрытые стальной скорлупой от любопытных глаз даже здесь, в степи, огромные ракетные установки. Никто не знал, где кончалась эта дорога. Но начиналась она сразу за «межконтиненталкой», отделяясь от бетонки едва заметным отворотом в сторону.

— Вставай, сынок. Нельзя, сынок, спать.

«Старик» перевел дыхание. Проглотив ободравший горло ком, попытался шевельнуть ногами. Ноги были чужими. Каменными. Он снова откинулся на спинку сидения.

— Сначала Пашку, батя. Я подожду...

Он не узнал своего голоса. Не расслышал и того, что сказал казах. Краем глаза поймал целый ворох овечьей шерсти на поднятом воротнике огромной теплой шубы. В голове пронеслась мысль, что и она, эта шуба, тоже спи-санная...



От тюрьмы

Первый тюремный острог нашего города располагался на задах двухэтажной Горной канцелярии (Обербергамта), там, где ныне перестроенное здание консерватории. В земской конторе допрашивали подозрительных, порой с пристрастием, а затем переправляли «в тыл» для отсидки и ожидания приговора. Сейчас на этих стенах, выходящих по-прежнему на главный проспект, есть мемориальные доски по разному поводу, в том числе и о посещении «железного Феликса» — Ф. Дзержинского. Но, право, стоило бы сюда повесить еще одну, связанную с видным участником знаменитой крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. А именно — «полковником» Хлопушей, наладившим на Урале литье пушек. Весной далекого 1768 года беглого крепостного Афанасия Соколова, заделавшегося «разбойником», доставили сюда, вели сыск и дознание. Ну, а приговор, как и другим бунтовщикам, был суров: кнут, вырезание ноздрей и вечная ссылка на каторжные работы в Нерчинские заводы, плавящие «драгой металл». Осужденный с этапа бежал...

Что ж, традиционный путь в Сибирь под звон кандалынь, как видим, издавна пролегал через Екатеринбург. Здесь кандалыньки делали остановку, и частенько к ним добавлялись местные узники. И для тех и других нужно было постоянное пристанище, этаким дом родной. И в начале следующего, 19-го века он, с решетками и крепкими запорами, весьма основательный, со стенами из камня и... чугуна, поднялся на левом берегу Исети за нынешней улицей Челюскинцев. Вела тогда к нему с «удобного» Московского — Сибирского тракта земляная, грязная, немощеная дорога. Но арестантов все прибавлялось, и их обитателям скоро стало тесно в старых одежках. Так что в 1832 году явилась миру новая тюрьма, по существу, прямо на Великом каторжном пути в матушку-Сибирь, неподалеку от западной городской заставы со знаменитыми столбами, увенчанными царскими орлами. Ее мы можем и ныне лицезреть, проезжая, проходя мимо на стадион или Ивановское кладбище. Когда-то там с «комфортом» (достаточно привольно) размещались не только заключенные, этапники, но и охраняющие, сопровождающие их по этапам солдаты. Ныне сей тюремный замок, выходящий сразу на несколько улиц, продолжает расширяться. Увы, он, по объяснению начальника учреждения 63/1 (так официально называется сие заведение) полковника Владимира Полякова, не справляется с притоком осужденных и подследственных. Впрочем, обо всем этом чуть позднее. А пока перелистаем еще несколько страничек прошлого.

В пору первой русской революции тут сидели видные большевики.

Яков Свердлов считался даже старостой камеры № 7, где, кроме весьма серьезных дел — дискуссий, чтения политической литературы, на досуге топили в специальной бочке крыс. Рядом с ним был И. Теодорович, будущий член ВЦИКа, оставивший журналу «Пролетарская революция» любопытные воспоминания. С этими двумя большевиками связана почти что детективная история проникновения в Екатеринбург философского ленинского труда «Материализм и эмпириокритицизм». Похоже, его в город завезла летом 1909-го старшая сестра Ленина — Анна. И сумела в расшитом виде передать в тюрьму. А там, по свидетельству Клавдии Новгородцевой, книга у нее из-за пазухи яли из-под платка перекочевала в камеру. Было и

сопроводительное письмо от самого автора, которое отобрали у Свердлова, выходявшего на свободу.

Сохранился потрясающий архивный документ о поведении перед смертью большевистского боевика Ивана Бобошина, обвиненного в четырех нападениях. 17 ноября 1907 года, уже стоя на тюремном эшафоте с петлей на шее, он успел заявить, пока ему не зажали рот, следующее: «Надеюсь, что мои дети будут воспитаны в духе любви к людям. Вообще, проснется народ и завоюет себе свободу. Тогда он вам не простит, и вы станете последними кандидатами на наше место». Вслед там же был казнен и режевской рабочий Вячеслав Кругликов, тоже за терроризм. Но поражает его предсмертная акция. Движимый чувством солидарности к бурям, воюющим за тридевять земель за свою свободу и независимость, он сперва решил отправиться в Южную Африку, чтобы помочь справедливой борьбе. Правда, в Севастополе его буквально в последний момент сняли с иностранного отходящего корабля и передали в полицию.

Новая трагическая страница в истории «казенного дома» была перевернута в эпоху строительства социализма. С ума сойти, о таком строе мечтали и иные из казенных царским режимом. А он начал упрытывать за решетку совершенно невинных. Многие находили здесь свой конец, хотя самых известных палачи сразу же после форсированных заседаний пресловутых «троек», «двоек», выездных военных коллегий расстреливали в самом центре города, на улице Ленина, 17, в подвале, куда из зала заседаний издевательски вела ковровая дорожка.

Известно, что Свердловск помогал разгружать переполненную Лубянку, давая временный приют «политическим». Иные, как известный тогда директор Уралмашзавода Л. С. Владимиров, дождались своих девяти граммов, поторопившись на допросах с применением самых изощренных пыточных средств «признаться», то есть возвести на себя всяческую напраслину и нелепицу. Другие, счастливы, их, увы, было меньшинство, подобно П. М. Афанасьеву, сумели избежать «вышки». Впечатляющую тягостную картину напомнила А. М. Ларина, вдова ленинского друга Бухарина: «Свердловская пересылка... Люди даже в коридоре... Сумасшедшая ленинградка кричит, что убили, убили Сергея Мироновича Кирова, все убили, изверги, все на одного, спасайте... И выводит на окнах вензель «С. М. К.». А ночью достает вшей из головы и рассыпает — у нас коммуна — всем поровну. Рядом 110-летняя старушка (лепком дал ей аспирином), получила пять лет лагерей за то, что читала Евангелие, а там, мол, о Ленине было сказано плохо...»

Впрочем, самые верные ленинцы мучились так же. Легендарного Председателя Центробалта Павла Дыбенко, в 1938-м назначенного вдруг наркомом... лесной промышленности, специально отправили сперва из Москвы в командировку на Урал, где и арестовали. Предварительное следствие шло в Свердловске. И то ли тут в спецкорпусе, то ли уже снова в первопрестольной, в страшном Лефортово, его, моряка-здоровяка, косяя сажень в плечах, помещали в тесный ящик, размером этак в один кубометр, да еще изнутри утыканный острыми гвоздями. Говорят, то было изобретение финской охранки! Так что, видимо, смертельный свинец, пущенный ему в затылок 29 июня 1938 года, стал поистине избавлением от железно-тернового тюремного венца.

ДО КЛАДБИЩА

В застойную брежневщину частыми гостями здешнего узлища стали так называемые диссиденты. Поскольку это уже не столь отдаленное время, и новые местные политпроцессы проходили в скромных народных райсудах, что называется, на слуху, то ограничимся лишь одним примером. «Громкий» правозащитник, хотя и простой рабочий Анатолий Марченко, о котором не раз писал академик Сахаров, оставил миру (его режим впоследствии все же добил) воспоминания о нетленной свердловской пересылке, а конкретно о камере № 11 площадью 120 квадратных метров. Любопытно, что ему, похоже, удалось раскрыть и жгучую тайну общей численности обитателей нашего «казенного дома». Тогда там «проживало» 25—30 тысяч человек. Порядочно. А интересно, сколько там сейчас? Давайте-ка заглянем в наши дни под мрачные и печальные своды.

Итак, на улице Репина нажимаю кнопку у наглухо закрытой двери, да еще с предупреждением «Больше двух не входить!». Она открывается, и контролер тщательно проверяет мои документы, затем передает в руки представителю администрации. Через несколько минут я в кабинете начальника следственного изолятора, седоватого подполковника. Он коротко рассказывает о новых проблемах. В частности, о том, что в духе гуманного времени требуется заменить работающих здесь женщин на мужчин. А ведь «слабого полу» порядочно — привлекает зарплата, хотя, конечно, работенка далеко не женская.

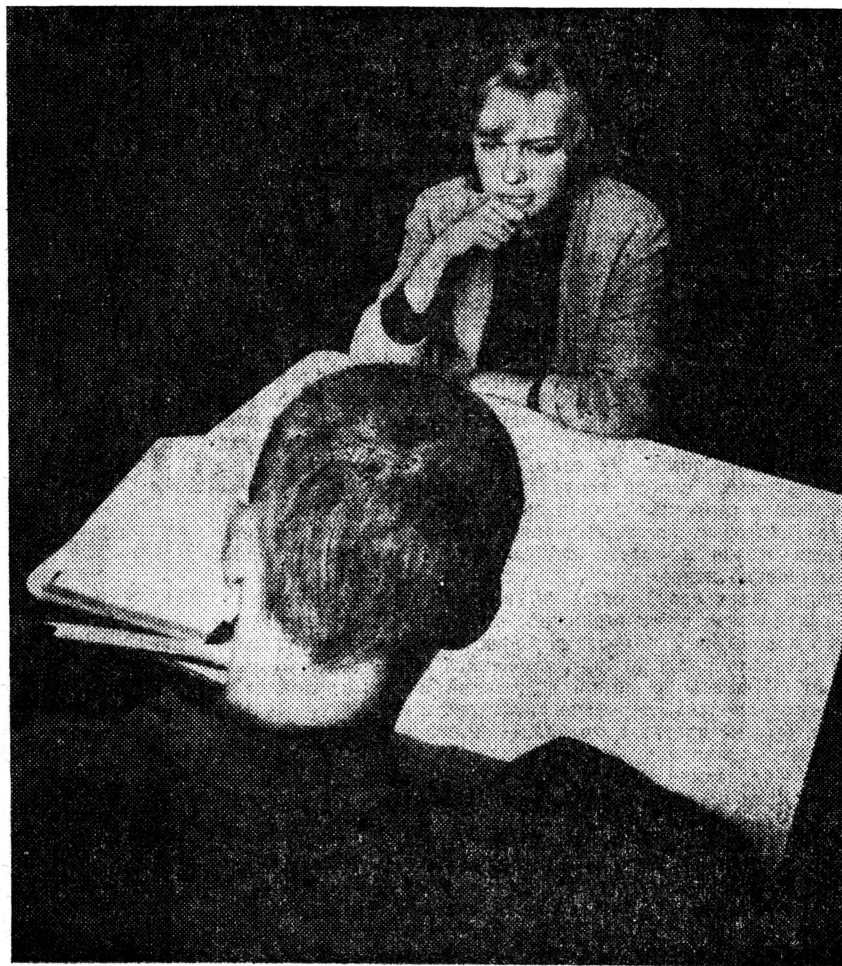
Меня сопровождает опытный заместитель — черноволосяый майор со специальным ключом. И, как аккомпанемент, скрежет тщательно отпираемых и замыкаемых дверей, манипуляции с бесчисленными электрозамками, срабатывающими при негромкой сигнальной сирене. Следственный блок — комната с решетками на узеньком оконце, с намертво привинченными к полу столом, табуретками и лампочкой без абажура, свисающей с потолка. Право, как-то совершенно не вписывается в эту суровую обстановку миловидная молодая женщина-следователь И. В. Короткова и симпатичный семнадцатилетний паренек с по-детски оттопыренными ушами, тем не менее уже... рецидивист.

Ну, а в камере уже парни приговоренные, ждущие своей колонии. Разговариваю с Вячеславом, осужденным за квартирные кражи. Считает, что не только он один виноват, а какой-то подвернувшийся главарь. Но я-то знаю, что у него самого за плечами не первая судимость. И, кажется, не выдерживает

даже мой невозмутимый спутник в погонах: «Жалуетесь на строгость законов... Но ведь мы, работники МВД, сами были за смягчение многих наказаний, прислушиваясь к мнению специалистов, да и народа. А вы ответили увеличением преступности...» Потом майор признается: «Все-таки иных папанов лучше было бы не лишать свободы за сравнительно малые нарушения, а то озлобляются за решеткой, проходят уголовный университет». И впрямь, небо в решетку — далеко не лучший фон для юности, хотя здешние работники пытаются хоть что-то оставить из нормальной среды угодившим сюда мальчишкам и девчонкам (попались, с ума сойти, и девичьи камеры с бердящими душу детскими амулетами — забавными куклами или обезьянками). Смотрят они в классной комнате телевизор, занимаются с учителями, чтобы «казбуку не забыть», как выразился с добродушной усмешкой строгий на вид эмвэдэвский чин; есть рядом неплохая библиотека (3000 книг), дают бумагу, ручки — только, упаси бог, не цветные, чтобы карты не рисовали...

Ну, а мне надо дальше спускаться по кругам тюремного ада...

Позади остались, казалось бы, бесчисленные лязгающие двери. В особом блоке на посту № 22 дежурный с двумя



просветами на погонах (тут только старшие офицеры) ответствен за подопечных, против фамилий которых в списке-ориентировке тревожно значилось: «склонен к побегу, к нападению». Последовал отсюда звонок по телефону на центральный пульт, и с него по автоматическому сигналу электроника разблокировала подход к двум последним преградам — сплошь стальной и решетчатой двери с маленькими окошечками-глазками.

Я сделал шаг вперед и оказался в самой ближней к охране камере смертников. Жизненное пространство равнялось здесь каким-то шести шагам в длину и четырем в ширину. Правда, вместо традиционной «параши» имелся самый настоящий унитаз с крышкой. Сбоку пристроен умывальник с краном-фильтром и полочкой с куском хозяйственного мыла для постирушек. Двухэтажная койка. Впритык к ней — привинченный к полу табурет и некое подобие двух шкафчиков. Дневной свет сюда не проникал. Зато горел «вечный», никогда не отключающийся электрический, от которого можно заслониться лишь одеялом. Проникся в этом печальном пределе чувством: отсюда уходят в небытие...

Здесь дюжина мрачных, хоть и постоянно освещенных, как говорилось, одиночек. Впрочем, по желанию обитателей возможно «подселение», в чем я убедился своими глазами. Видимо, вдвоем, вместе с любым живым существом все-таки легче переносить невыносимую муку ожидаемого возмездия (приведения приговора в исполнение). Я старался быть тихим, незаметным, прошел вдоль одинаковых мощных, будто броневые плиты, дверей, заглядывая в глазки. Две камеры на сегодняшний день пустовали. В одной, «заселенной», навстречу бросился ее хозяин с тревожным хриплым окриком: «Кто там?» В других что-то читали или тяжело раздумывали, обхватив голову руками. У большинства в изголовье покоились толстенные тома собственных судебных дел. Иные просили выдать Уголовный кодекс. Эх, если бы интересовались им раньше! В 6-й, почувствовав присутствие моего сопровождающего, арестант захотел поговорить, попросив хотя бы приоткрыть одну дверь. Взору предстала недоодевшаяся сеledка и пустая бутылка из-под молока (проситель болел туберкулезом). Сначала он попросил сводить к врачу, правда, зубному, а затем, махнув рукой, обреченно заявил: «Раз Сидорова уже увели, начальник, чую, что подошла моя очередь в поджоговую яму...»

Да, Владимир Швецов, здоровенный детина с татуировкой во всю грудь, расправившийся с несколькими ни в чем не повинными людьми, как в воду глядел. Именно в этот день, надо же случиться такому совпадению, поступил отказ на его ходатайство о помиловании от Президиума Верховного Совета. Заметим, что все прошения отныне рассматривает особая депутатская комиссия. Она на днях высказала серьезные претензии Прокуратуре и Верховному Суду, которые должны давать свои заключения, касающиеся жизни и смерти осужденного, в месячный срок. Совершенно ненормально, если те, как, скажем, Александр Зыков, ждут своей, пусть и ужасной участи третий год. В связи с тем, что совершенное им кровавое тройное убийство в ночь на 7 ноября на Сиреневом бульваре буквально потрясло Екатеринбург, я решил вызвать его на разговор. Щуплый 25-летний вчерашний шофер грузовика в мягких тапочках, скрадывающих шаги, остриженный наголо, был не против потолковать. Ради журналиста с него временно сняли наручники.

- Справедлив ли приговор, на ваш взгляд?
- Если по-человечески, то да. Но...
- Что за «но»?!
- Был пьян и мало что помнил.
- Считаете, что если начать жизнь с начала, то порядились ею иначе?
- Наверное... Я ведь рабочий человек, вот мои руки...
- Чего еще осталось ждать, какой милости?
- Одной, наверное... Ответа от Президента...

Думается, нормально для правового государства соблюдать все нормы даже для злодея, который без раздумья расправился со своими жертвами за считанные минуты ради несчастных, как выяснилось на суде, тридцати рублей, обнаруженных в их карманах.

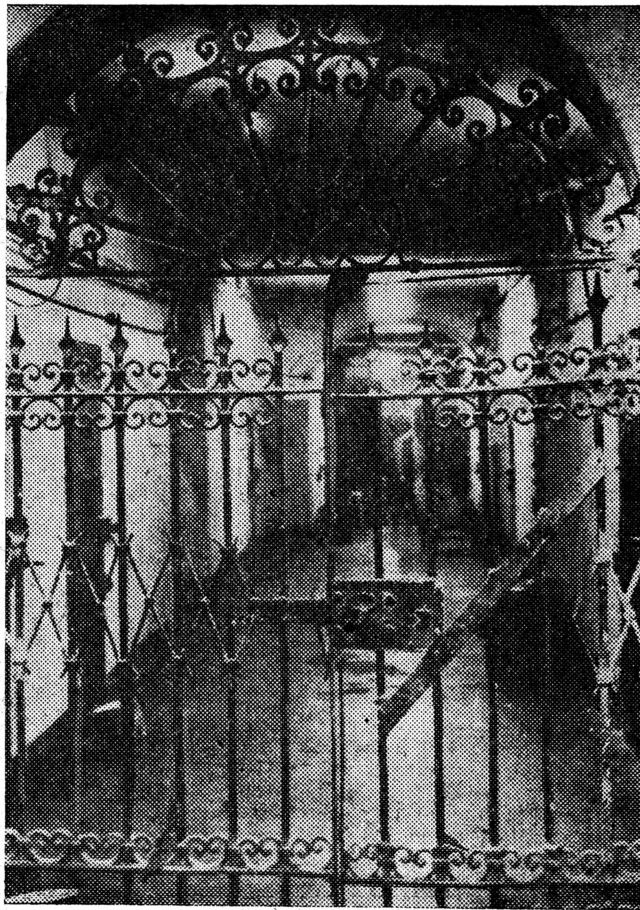
На прощанье от души поразился и возмутился инструкцией, утвержденной МВД много лет назад. Согласно ей казненных хоронят действительно тайно и без гробов, как правило, глубокой ночью спецподразделением. А родственникам никогда не говорят о местонахождении «могил», лишь выдают на руки справку о совершении казни.

К сожалению, ни красные, ни белые, ни политические, ни уголовные не стали последними повешенными и расстрелянными по закону и в конце космического века. Встрешенные новой волюй преступности, многие уральцы потребовали закручивать гайки. В то же время развернулась кампания за полную отмену смертной казни. (Увы, по количеству случаев ее применения СНГ вошло в первую десятку стран мира.) Поистине, где же ты в вечном вопросе жизни и смерти, бытия и потусторонности, жаждаемая «золотая середина»?!

Оглушенный увиденным, я пошел за глухой тюремной стеной по тихой кладбищенской аллее и увидел обезображенное надгробие чекиста Петра Ермакова, стрелявшего в царскую семью. Памятник перечеркивала надпись, сделанная алой краской — «убийца»...

На снимках: в следственном изоляторе на допросе; вход в бывшую камеру Якова Свердлова за коваными решетками.

Фото автора и Льва Баранова





«Найденыш с погибшей «Цинтии» — так называется один из малоизвестных романов Жюль Верна. Знаменитый фантаст писал его не один, а в соавторстве с Андре Лори. Кто был этот загадочный человек и какова история создания романа? Об этом рассказывается в очерке Александра Никитина»

«ТАЙНА АРХИВА
«ЭТЦЕЛЬ И К°».

Друза аквамарина



Сросток кристаллов аквамарина



фото Николая МАРКОВА

Кристалл аквамарина



«И жадной мыслью погружались в тайны...»

Больше всего на свете тогда, еще в детстве, я не хотела учиться игре на музыкальных инструментах. Поэтому родители решили во что бы то ни стало купить мне пианино. Да не просто купить, а подарить его на очень важный праздник, связать меня, таким образом, не только чувством долга перед семьей, но и определенным обязательством перед мировой общественностью. Вернее, ее женской половиной, ибо презент был ехидно приурочен к Дню 8 Марта. В семье к событию готовились торжественно и нудно: передвигали мебель, делали ремонт, куда-то звонили, ездили в поисках именно такого пианино, каким его рисовало изысканное мамино воображение.

— Ах, без подсвечников... Нам не подходит.

— Клавиатура? Конечно, из слоновой кости!

— Нет-нет, цвет — только черный. И чтоб медали.

Я слушала эти бесчисленные, но мне, непросвещенной, ничего не говорящие приметы, и два чувства овладевали мною. Во-первых, надежда на то, что в одном-единственном пианино никогда не сойдутся все нужные маме свойства, а посему мне подарят нечто другое, на чем не надо учиться играть. Во-вторых, — отчаянное любопытство, ибо мне страсть как захотелось увидеть мамину мечту с подсвечниками и в медалях. И даже немножко ее, эту мечту, потрогать.

Наконец, родители мне объявили:

— Собирайся, поедem за пианино!

Конечно, я ответила им:

— Не хочу. — И быстренько надела выходное платье.

Вскоре мы входили в темные сени старинного, осевшего на угол бревенчатого дома, в первом этаже которого была двухкомнатная коммуналка. Тусклая лампочка без абажура висела над массивной дверью. Она отворилась как бы сама собой. Тихий голос произнес:

— Входите, гутн та!

И мы вошли в крохотную, чистенькую, всю в салфеточках, кружавчиках, бантиках комнатку из немецкой сказки.

Столь же чистенькая сказочная старушка подала папе сухонькую, в коричневых пятнышках, руку и представилась:

— Фрау Визер.

Папа молча коснулся губами тонкой кожи чуть повыше длинных, плохо гнущихся пальцев.

— О! — кокетливо потрянула прозрачными кудряшками фрау Визер и перевела взгляд на меня. — Ви, майн кинд, хотите играть на этот инструмент? — она повела рукой в сторону крахмальной расшитой занавеси и, не ожидая ответа, быстро отдернула ее.

В нише стояло нечто величественно-черное, блестящее, украшенное резьбой и двумя парными бронзовыми подсвечниками-бра, какие бывают в театре или музее,

Фрау Визер откинула крышку, и я увидела два ряда клавиш: черные — глянцевые сверху, матовые по бокам и белые, но не как снег, а как сгущенное молоко. На крышке, под ажурной откидной полочкой-пюпитром, между парами золотистых медалей, что-то было написано красивыми латинскими буквами.

— Мамочка, это — твоя мечта, на которой надо играть? — восхищенно спросила я.

Фрау Визер подвела меня к пианино, выдвинула круглый, на курьей лапе, винтовой стульчик, села на него, аккуратно огладив юбку, потерла, словно разогревая, руки и опустила их на клавиатуру. Сказочная комнатка наполнилась протяжными, чуть глуховатыми звуками. Они вползали в меня и делали что-то такое, от чего становилось тепло и немножко страшно.

— А теперь ви хотите? — оборвал эти звуки легкий голос фрау Визер. — Майн кинд, я вас это спросьил.

— Да. Но я не умею. — А рука моя так и тянулась туда, к белым, с углублениями посередине, клавишам. Я нажала на одну из них. Но звука не получилось.

— О, это надо сильно стучать! — улыбнулась фрау Визер. — Это надо учиться музик. Много учиться. И любить.

— Она будет учиться, — заверила мама.

— Не буду, — мрачно сказала я и погладила клавиатуру ладонью.

Вечером пианино вместе с вертящимся стульчиком, резной, как пюпитр, этажеркой для ног и самими нотами переехало из комнатки вологодской ссыльной фрау Визер в нашу квартиру.

И меня стали учить музыке. Первым не выдержало пианино. Пришлось вызывать настройщика.

Он снял хрустальную вазу с верхней крышки, откинул ее, чем-то щелкнул, выдвинул переднюю стенку — и я увидела то, что давно хотела увидеть. Потому что в пианино меня интересовал не сам звук, а то, как он получается.

Чтобы это лучше понять, я забралась на стул и заглянула вниз. Там было совсем темно, только на перекладине, обитой зеленым сукном, что-то поблескивало. Я сунула руку туда и почувствовала прохладную тяжесть того, что оказалось в моих пальцах. А потом и увидела это. Оно было голубовато-зеленого цвета и показалось осколком стекла. Только почему-то слишком тяжелым и блестящим.

— Что это? — спросил настройщик.

Я показала ему свою находку.

— Красиво. Как будто осколок моря, — задумчиво сказал он.

— Какого моря?

— Вырастешь — узнаешь.

Я узнала через много лет. Но до сих пор для меня остается загадкой, почему был положен туда, в пианино,

к серебряным, напряженным в ожидании музыки струнам этот голубовато-зеленый, словно сгусток прибоя, этот странный, прохладный, похожий и не похожий на стекло осколок.

Я часто брала его, рассматривала. И однажды, сквозь лупу, увидела ритмичные параллельные рубцы и бороздки — штриховку, какая бывает на природных кристаллах. Тогда-то предчувствие необычности — нестеклянности — таинственного осколка перешло в догадку: передо мною камень, минерал. Но какой? На следующий день я отправилась в библиотеку, надеясь отыскать там определитель минералов.

Трогательно деликатная немолодая библиотекарша, которую все называли тетей Лялей, относилась ко мне с особым доверием, а посему допускала к полкам с книгами. Вот когда я себя чувствовала абсолютно счастливой.

И на этот раз, только завидев меня, тетя Ляля сказала свое обычное:

— Деточка, вы можете пройти к стеллажам и выбрать все, что пожелаете. Но — не амурные романы, для которых ваш возраст слишком нежен.

Конечно, я направилась к секции «Геология», а ноги привычно привели меня к «Фантастике». Все книги там стояли аккуратно, в ряд, и лишь одна, совсем новенькая, лежала сверху. И я ее взяла. Раскрыла на случайной странице, уткнулась взглядом в случайные строчки...

«Баурджед порылся в складках одежды и извлек оттуда плоский обломок камня величиной с наконечник копья... Камень был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, и его голубовато-зеленый цвет был неопишимо радостен, светел и глубок...»

— Это же про мой камень!

— Что вы сказали, деточка? — удивленно спросила тетя Ляля.

— Тут... в книге... Можно, я возьму ее домой?

— «Великая Дуга»? Боюсь, вы ее не поймете. Впрочем...

Тетя Ляля оказалась права: тогда меня увлек лишь сюжет, густо замешанный на приключениях. И все же мысль, казалось, прочно прикованная к повествованию, то и дело срывалась к моему осколку кристалла цвета утреннего южного моря.

Много позже я поняла, что именно в этом возвращении — нет, обращении к камню — магия книги И. Ефремова. Для меня.

Чем же камень был для него — писателя с ученой степенью доктора биологических наук, профессора палеонтологии, удостоенного Государственной премии СССР 2-й степени за монографию «Тафономия и геологическая летопись»?

Или так: мог ли не обратиться к камню писатель, экстерном окончивший Ленинградский горный институт, «где для горного инженера считается необходимым превосходное знание трех основ практической работы геолога: минералогии, горного искусства и химии»? (И. Ефремов «Лезвие бритвы»). Но камень камню рознь: в природе — у каждого свой облик, нрав, судьба; в культуре — своя история, свое предназначение.

В рассказах, повестях, романах И. Ефремова все это учтено, усилено самим повествованием, где камень — образ, аллегория, суть, ядро, вокруг которого и благодаря ему кристаллизуется идея, сверхзадача. И камень камню — рознь...

«— Его доставил Уахенб,— продолжал Баурджед, протягивая сверкающий камень жрецу,— с берегов большой южной реки. Такие камни добывают далеко на юге те, кому удается пройти мимо свирепых племен. Для меня он олицетворяет сияющую даль Великой Дуги, увидев которую хоть раз, забыть уже нельзя...»

Здесь откровенный дар Баурджеда — образ пространства, «прекрасная память далекого мира», которую путешественник сохранил «для себя во всех испытаниях» на многолетнем пути к родным землям от берегов далекой

реки Замбези и неведомой страны Пунт. Легенды ходили в Египте о ее несметных сокровищах. Не одно поколение фараонов мечтало те богатства заполучить. И не одно поколение отчаянных смельчаков отправлялось туда по воле фараонов. Но возвратиться довелось не всем: ведь их пути проходили через неоднозначную стихию моря. А оно имеет удивительное свойство: разбедняя земли, служить мостом, соединяющим народы. И времена.

Прошло две тысячи лет от путешествия Баурджеда — знатного египтянина. И в многотрудное плавание из Эфиопии, что в Северной Греции, на остров Крит отправляется юный скульптор Пандион.

Познание мира, проникновение в суть культур древних и современных ему народов, тайн их искусства, мастерства — такова цель этого непредвиденно долгого, полного невзгод путешествия. И все — ради великой мечты Пандиона «воплотить живую красоту человеческого тела», а через красоту внешнюю выразить духовность, внутреннюю свободу человека, его эмоциональную жизнь.

Но далеко, безмерно далеко до исполнения желаний скульптору, захваченному в плен слугами фараона.

И все же — есть надежда на спасение у раба, если его душа не стала рабской. А еще — если судьба послала ему второго. Друга. Единомышленника.

Фортуна даровала Пандиону нескольких друзей: негра Кидого, этруска Кави, египтянина Яхмоса. В союзе с ними был задуман и осуществлен побег из неволи. Лишь Яхмос не успел: накануне его сослали «на золотые рудники в пустыню». Перед разлукой он «положил в руку Пандиона гладкий и холодный предмет». Это был камень, найденный Яхмосом в подземельях старого египетского храма. Тот самый камень, привезенный Баурджедом из путешествия к Великой Дуге.

«Пандиону предстоял великий путь на родину, и Яхмос надеялся, что камень, с которым Баурджед добрался домой из неслыханных далей, поможет и эллину».

Камень? Поможет? Ох уж эти древние люди с их наивностью! Впрочем... Именно из тех стародавних времен пришло поверье, будто некоторые камни обладают магической силой и оберегают своих обладателей от всяческих напастей, безответной любви, меланхолии... Был даже камень-талисман для странствующих и путешествующих. Таких, как Баурджед и Пандион.

«Натур аз — божественный камень: так называл его несчастный Яхмос».

Аквамарин — вода моря: так называется этот драгоценный камень на языке минералогии.

«Плоский обломок камня с округленными краями был величиной с наконечник копья. Он был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен. Цвет его казался серо-голубым в пред-рассветной печальной мгле».

Пандион выставил камень на раскрытой ладони в отверстии входа, и в это мгновение вспыхнуло поднимающееся солнце. Камень преобразился — на ладони Пандиона лежал он, полный блеска, и его голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым отливом прозрачного золотистого вина. Зеркальная поверхность была отполирована, видимо, рукой человека.

...Молодой эллин погрузился взглядом в прозрачную глубину камня, из которой всплывали волны у родных берегов...

Снова здесь самоцвет — образ пространства. Но не чуждального, как для Баурджеда. «Пандион поверил, что камень послужит залогом его возвращения к морю. Морю, которое не обманет, вернет ему свободу и родину». Значит, аквамарин — образ моря родной Пандиону Эллады, моря-моста, соединившего с ней Черную Землю, Африку. Да и сам камень — мост через море времени, что пролегло между Баурджедом и Пандионом, принесся свои волны и к нашим дням.

Почти через сорок веков аквамарин Баурджеда оказал-

ся в музейной витрине, по воле Ефремова проделав путь из Южной Африки к берегам Невы.

«Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило ятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что, казалось, оно излучало свой собственный свет... На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо, отполированной рукой человека верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером с мизинец... С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос дожились на намеченную четкой дугой округлость плеча.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры...

Стройные мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тела были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше двух, стоящих по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была выражена с необычайной силой».

Значит, смог Пандион, сумел! И теперь в музейной витрине оказался не просто камень, а произведение искусства, символ воплощенной мечты скульптора из Эллады, задолго до ее расцвета предвосхитившего эстетические принципы, ее представления о красоте живого; о гармонии внешнего, физического совершенства и внутреннего — духовной сути человека.

«Глубина прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном, и материалом, усиливала красоту произведения».

В который раз читаю эти строки... В который раз возникающее при этом огорчение разрастается в протест. Не мог, не мог создавший эту гемму Пандион увидеть в аквамарине только материал, субстанцию для воплощения мечты!

Да что я, право?! Разве Ефремов еще не убедил меня в том, что голубовато-зеленый камень — многогранный образ, и талисман, и символ? Символ... Только ли мечты художника, творца? И только ли по прихоти сюжета для ее воплощения был взят аквамарин?

Ведь скульптору — сыну Эллады — было бы куда проще работать с податливым и мягким местным статуарным мрамором, чем с камнем, который поддается лишь алмазу.

Стоп! Красота и твердость — не в этом ли гармония аквамарина... Да, но — лишь как материала, вещества.

Он был для Пандиона большим — грустком памяти о пережитом, о мужественных Кави и Кидого, о Тессе — возлюбленной и ждущей.

Вот, у края геммы, девичья фигурка Тессы. «Далее, из трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — элина, а левая... — может быть, критянин или этруск». Здесь-то все ясно: негр — Кидого, элин — Пандион, этруск — Кави, в дружбе которых «было братство единых помыслов и стремлений, спаянное крепче камня верностью и мужеством... Сердца их сплелись тугими жилами, сотни раз проверенные в общих невзгодах, и как мало значило теперь различие их стран, лиц, тел и верований!»

«Крепче камня»... — вот оно что! Значит, все-таки не просто материал, а вновь образ.

Символ единения сыновей разных народов, разных цивилизаций.

Знак достоинства и свободы.

Послание к потомкам.

Как много вместил в аквамарин И. Ефремов! Чем дорог был этот камень ему — путешественнику, мореплавателю? Легендой об охранительной силе?

А может быть, нечто более материальное в аквамарине поразило воображение Ивана Антоновича? Например, найденный им когда-то необычный кристалл? Не тот ли, длиной 125 см, который с 1930 года хранится в музее Ленинградского горного института? Во время блокады Ленинграда кристалл из-за огромного веса невозможно было убрать в безопасное место, и он всю войну простоял в зале музея. Два снаряда, разорвавшиеся рядом с кристаллом, ранили его. Уникальный образец аквамарина выжил и по-прежнему украшает экспозицию музея, несмотря на заметные следы ранения и лежащие рядом осколки камня.

А в Оружейной палате Московского кремля есть обрамленный золотом скипетр Станислава, последнего польского короля. Этот изысканный символ власти выточен из целого прозрачного кристалла аквамарина длиной почти 30 см. Не покажется слишком смелым предположение о том, что И. Ефремову была знакома Эрмитажная коллекция античных и более поздних гемм, и среди них — выполненные на аквамарине.

Или все много проще: фантазию писателя питало само название камня от латинских слов «аква» — вода и «маринус» — морской?

Как много у них — камня и моря — оттенков!

Вот каким увидел их К. Г. Паустовский: «Все своеобразие аквамарина заключается в том, что он ярко освещен изнутри совершенно серебряным (именно серебряным, а не белым) огнем».

Кажется, что если взглянуть в аквамарин, то увидишь тихое море с водой цвета звезд».

А это — В. С. Уткин: «Посмотришь на камень — сияет, переливается он, как синее море под безоблачным летним небом».

Реми Белло (1528—1577) посвятил семейству бериллов¹, в которое входит и аквамарин, такие строки:

Бериллу песнь моя. Сей самоцвет хорош,
Окраской на волну морскую он похож.
В тот нежный час, когда уходит аквилон²
И дышит вновь зефир, весною пробужденный.

И. А. Ефремов разглядел в голубовато-зеленом аквамарине «золотистую веселость солнечного света». Ее нет в осколке кристалла, найденном мною в стареньком пиаиино. Зато, когда я поворачиваю к солнцу свой камешек, в нем появляется синяя глубина. Почти бездна. Непознанность.

Сколько лет я пытаюсь проникнуть в нее, но лишь раздвигаю границы. Ибо аквамарин — первый камень моей коллекции минералов — все зовет и зовет на поиск.

И я следую зову его.

И на дивном пути познаний ощущаю свой аквамарин талисманом. И знаком памяти, связующим судьбы и времена.

¹ Берилл — минерал группы алюмосиликатов. Твердость 7,5—8 (для сравнения: твердость алмаза — 10).

² Аквилон — холодный северный ветер.

Что будет с нами?

Историческая геология, другие науки о Земле убедительно свидетельствуют: каждая смена геологических эпох и периодов является следствием глобальных катастроф и последующих «великих вымираний» растительного и животного миров. В истории Земли их установлено, по крайней мере, более двадцати. Наиболее впечатляющие события — гибель в «одночасье» гигантских рептилий в конце мелового периода, 66 млн. лет назад, и аналогичная гибель мамонтов всего 10 тысяч лет тому назад. Не репетиция ли глобальной катастрофы — взрыв на острове-вулкане Кракатау в 1883 году, в результате которого исчез сам эгров и все живое в радиусе 200 миль?..

А что же человечество? Оно легкомысленно относится к своему будущему. А, например, энергетическая катастрофа уже угрожает следующему поколению. Если мы хотим выжить, нужно знать о катастрофе всю правду, чтобы уменьшить эффект внезапности и паники.

Все катастрофы, происходившие на Земле, можно разделить на три группы: а) космогенные, б) эндогенные, в) смешанные.

Космогенные неприятности связаны с эволюцией Солнца. Угасание Солнца, превращение его в нейтронную звезду произойдет через 4—5 млрд. лет. Землю ожидает судьба Марса через 1,6 млрд. лет. Доживать до ситуации, когда тепло, вода и воздух станут хроническим дефицитом — не дело, поэтому у человечества чуть больше одного миллиарда лет для решения проблемы сохранения и продления земной цивилизации. Намечаются следующие варианты самосохранения:

1. Поиски комфортабельных планет возле других звезд. На этом пути велика вероятность гибели экипажей-разведчиков.

2. Обживание соседних планет, в частности, Венеры, на которой сейчас обстановка, сходная с земной в начале протерозоя. Когда ее эволюция войдет в стадию палеозоя, можно будет начинать целенаправленную подготовку к обживанию планеты путем заброса туда для начала простейших растений и организмов.

3. Существуют экзотические проекты: например, перебазировка Земли к другой звезде вместе с Солнцем с помощью паруса и солнечного ветра; воздействие на орбиту планеты и на ее ось вращения для более полного использования солнечной энергии.

Времени для осуществления этих или подобных проектов достаточно, но самоуспокаиваться нельзя, поскольку эти неприятности — не единственные.

Другая часть космогенных бед относится к случайным. Отметим из них следующие:

— столкновение с другим космическим объектом. Обычно они происходят без особых последствий для Земли. Но если масса встречного объекта будет порядка 1/100 и более от земной? Тогда произойдет практически полная ликвидация жизни на Земле. Существует гипотеза, что с Луны случилось именно такое.

В истории Земли не было мегаимпакта, следовательно, исчезающе мала его вероятность в будущем. В Космосе гораздо больше порядка, чем это кажется;

— залповое рентгеновское облучение. Вспышки его, как эхо гремящих во Вселенной взрывов, фиксируются довольно часто. Поэтому можно ожидать вспышки с интенсивностью, которую не выдержит подношенный озоновый слой Земли. Площадь поражения может быть значительной, последствия зависят от дозы, прогноз возможен на основе слежения за вспышками сверхновых и на Солнце;

— железо-силикатный дождь. Предположение о возможности такой катастрофы основано на наличии в теле Земли глобальных полос железистых кварцитов, происхождение которых явно космическое. Возможно, что этот дождь образуется при взрывах на Солнце, направленных в сторону Земли. В этой связи можно вспомнить пожар в Чикаго в 1871 году, когда возгорания, по свидетельствам очевидцев, происходили от раскаленных железных шариков, падающих с неба. Максимально возможный размер катастрофы такого типа соизмерим с известными полосами кварцитов, например, от Кривого Рога до Череповца. Магнитное поле Земли развернет железо-силикатную тучу вдоль силовых линий, т. е. с севера на юг. Прогноз выживания в пределах полосы зависит от интенсивности дождя, и в целом — неблагоприятный. Покинуть полосу интенсивного выпадения дождя, очевидно, будет возможно;

— агрессия со стороны инопланетян. Такой поворот событий не исключается, хотя хочется верить в дружелюбие и доброжелательность иных цивилизаций и даже рассчитывать на помощь в экстремальной ситуации. Для этого надо уже сейчас активизировать попытки вхождения в контакт с НЛО.

Из эндогенных бед главные — вулканические. Вулканы могут быть ответственными за смену геологических эпох, поскольку их пора-

жающими факторами, кроме очевидных, могут быть: частичное или глобальное отравление атмосферы, а также похолодание и оледенение. Губительный эффект может быть усилен цунами, что и может привести к существенной смене всего живого.

К эндогенным катастрофам относятся также землетрясения. Те из них, которые произошли на памяти человечества, классифицированы, ожидаемые последствия и способы защиты, в основном, изучены. Однако могут быть неожиданности.

К смешанным неприятностям, природа и последствия которых не совсем ясны, можно отнести следующие: изменение режимов осевого и орбитального вращения Земли, угла наклона ее оси вращения, инверсия магнитных полюсов, а также: засухи, потопы, ураганы, смерчи, оползни, лавины, сели, обвалы, пандемии и т. п.

Кое-что из перечисленного удается даже предсказывать. Но при этом есть весьма существенный нюанс: любая катастрофа будет многократно усилена, если в зоне ее воздействия окажутся радиоактивные или токсичные вещества.

Итак, для того, чтобы выжить, необходимо:

— прекратить войны и национальные распри, мышиную возню с различными «измами»;

— научиться регулировать численность населения, учитывая при ее определении количество пищи, воды, материалов, отходов и площади земли, приходящихся на одну душу, не забывая, что звери дикие и домашние тоже должны где-то жить;

— развивать альтернативные АЭС источники энергии — солнечные и внутриземельные;

— выполнять все технологические процессы только в замкнутом цикле, без каких-либо отходов. Если отходы все-таки возникнут, их необходимо отправлять в контейнерах в сторону Солнца;

— развивать космонавтику, ибо проблема выживания с ней связана непосредственно.



Арсения Сергеева

Анатолий ВОЙНАКОВ

ВОЛКИ

О том, что в стае волков живет человек, рассказали местные жители. Его поймали сетью с вертолета. Волки пытались освободить его, рвали сеть зубами и падали под выстрелами.

- Тебя любил кто-нибудь?
- Да. Мама волчица.

(Таджикский Маугли)

Еще совсем недавно он ходил в школу, мама кормила его завтраками, ругала за двойки. Совсем недавно он, да и все ребята их учебного взвода, готовы были разорвать старлея со шрамом через все лицо, бывшего недавно на должность ротного из Афганистана. Он гонял их по сопкам с вещмешками, полными кирпичей, учил стрелять навскидку и без промаха, а они считали, что и без того готовы воевать хоть с «зелеными беретками».

Его учили многому, сначала в школе, потом в армии. Не учили только жестокости, а здесь, в Афгане, он встретился с ней глаза в глаза. То, о чем иногда рассказывал командир в учебке, здесь стало явью. Он видел смерть товарищей, разрывы ракет в жилых кварталах, культы вместо рук у афганской девочки, поднявшей возле дома мину-куклу. Его многому научила война, но она не смогла ожесточить его сердце, вытравить из него добро и готовность помочь человеку в беде.

Он погиб, когда до дембеля оставалось полгода, в летний день, не в бою даже, а во время обычного патрулирования.

Товарищи бежали к нему, а он, лежа на боку, пытался захватить под куртку серо-сизые, как будто покрытые перламутром кишки и, наверное, так и не понял, почему его отбросило от детской коляски, которую он хотел убрать. Яркая коляска европейского производства с пеной кружев внутри стояла в арыке, в двух шагах от жилых домов, и вдруг полыхнула взрывом от одного легкого толчка.

Его увез «черный тюльпан». Туда, к маме, но он никогда не скажет ей: «Здравствуй, мама! Я вернулся». Похоронили его на сельском кладбище. Отделение солдат из соседней части отстреляло положенные для такого случая патроны. Приехавший из города военком сказал речь. Могилу закопали, поставив скромный обелиск, а мать так и не узнала, что оружием против ее сына была использована не мина под колесами БТРа, не пуля душмана, не граната, брошенная из-за ду-

вала, а обыкновенная детская коляска.

Да она и не поверила бы, эта женщина, мать солдата из далекого русского села: в то время еще не было Ферганы и Баку, Степанакерта и Ходжалы...

Ночной поезд остановился у вокзала южного города. Пассажиры прощались друг с другом, покидали вагоны. Кто шел к стоянке такси, кто в здание вокзала. Под пальмами на вокзальной площади стояли группы горячих южных парней, ожидающих, пока на его машину положит глаз одна из таких же горячих северных красавиц, сошедших с поезда.

На перроне собралась другая группа. По одному, по два подходили молодые парни из разных вагонов. Во время следования поезда никто из них не подавал вида, что они знакомы, сейчас же с их стороны слышались приветствия, хлопки ладоней. Ребята из одной компании... Последними подошли двое с тяжелыми спортивными сумками. Щелкнули замки, к сумкам потянулись руки. Быстро разобрали кастеты, велосипедные цепи, нунчаки. Пропал смех, резче стала речь. В руках у парней появилось оружие, ждущее применения, и, повинувшись сигналу вожака, в город вошла стая.

В отличие от волчьей, избегающей обычно встречи с человеком, дичью для этой были люди. Те, что приехали в этот благословенный край отдохнуть поправить здоровье.

Стае не везло. На пути попадались заезжие проститутки, не успевшие еще заработать что-нибудь существенное. Возле рынка волки впервые за ночь применили оружие против местных, а может, против просто таких же, как они, промышлявших ночью. Тех было больше, и стае ничего другого не осталось, как удирать по узкой, темной улочке. Злые, они пробежали несколько кварталов и, когда погоня уже отстала совсем, наткнулись на нее.

Она катила впереди себя детскую коляску и, ласково приговаривая, поправляла что-то внутри. Что привело ее с ребенком

на темную ночную улицу? Может, семейные неурядицы, может, что еще, мало ли проблем возникает в наше смутное время. Как бы то ни было, но случай привел ее именно сюда.

Она вскрикнула от неожиданности, когда коляска уткнулась в ноги вожака, вставшего на ее пути. Взгляд ее метнулся по темным силуэтам.

Упреждая ее рвущийся изнутри крик, вожак угрожающе положил руку на верх коляски и процедил:

— Молчи, сука! И не всякий громче своего выродка. Раздевайся, если не хочешь остаться без него.

С нее рвали платье, кольцо, серьги, а она с ужасом смотрела на руку вожака, лежащую на тонком верхе коляски европейского производства, внутри которой в белом кипенье кружеск беспомощно барахтался малыш.



ПОЭЗИЯ

Юрий
КАЗАРИН

ЗА ОКТЯБРЕМ

Я вижу сон, где с осенью на пару, теснее листопада, высыпал толпою к опустевшему базару — из тамбуров — зареванный вокзал.

Там скопом лес, и поздней паутины мохнатое нависло серебро, и гнется ветвь из голой середины, как на излом — корзинное ребро.

Без голоса под холодом пудовым, проснусь в слезах

у мертвого костра.
Не пеплом ли рябиново-лиловым обласкана руки моей кора?..

Не разживусь ни ягодой,
ни грибом:
за октябрем и небо — натошак.
И полон лес таким надсадным скрипом,
когда в тупик толкают порожняк.

* * *

Рабочий день, и пекло сенокоса,
да под ветлой с харчами рюкзачок.
А хороша с устатку папираса! —
И живы все сегодня... И молчок.

У нас июль, и верба не поникла —
есть холодок за ветром у реки.
Мешок травы в коляску мотоцикла
укладывают наши старики.

А вечером, за хлопотами — ночью,
когда звездой обносит городок,
ты разглядишь за временем —
воочью,
как жизнь идет, проходит...
И молчок.

Ты выглянешь из маленького лета
в большой озноб далекой стороны —
за семь небес,
за край седьмого света,
где жизнь и смерть
в пространство сведены.

Ричард МАККЕННА

НОЧЬ ХОГГИ ДАРНА

Повесть

Рисунки
Евгении Стерлиговой



Рыжеволосый Флинтер Коул приклебывал черный кофе и разглядывал желто-красную кафельную плитку в камбузе космического грузовика «Горбэлс», на котором одолевал последнюю часть пути к уединенной планете Нью-Корнуолл.

— За пятьсот лет — ни одной серьезной публикации об этой планете! — отрывисто проговорил он, продолжая разговор. — Вы, по крайней мере, видели ее — ведь, как я понимаю, ваш корабль — единственный, на котором туда можно добраться?

— Это верно, дважды в каждый стандартный год, — отозвался кок, спокойный пожилой человек, косоглазый, с розовым лицом, обрамленным седыми кудрями. — Но, как я сказал, при этом никаких девочек, никакой выпивки, вообще ничего там, внизу. На любопытных они смотрят исподлобья, а то и кулаком в нос норовят заехать. Мы большей частью остаемся на борту, на орбите. Жители Нью-Корнуолла — самые здоровые и подлые люди, которых я когда-либо видел, док.

— Да я еще не совсем доктор, — уточнил Коул, совестливо опустив глаза и глядя на свою серую форму ученого. — И могу никогда им не стать, если не справлюсь с работой на Нью-Корнуолле. Там я должен пройти испытание, только тогда получу научную степень. Хотелось бы запастись сведениями о тамошней экосистеме, чтобы не попасть впросак. Так ведь нет ничего!

— Получите степень, вы сказали?

— Да, стану доктором. Я — эколог, мне приходится иметь дело со всем, что живет на свете, и изучать, каким образом все это связано с географическими

условиями и климатом. Я могу использовать любую информацию. В запасе у меня всего шесть месяцев до возвращения «Горбэлса», за это время я должен провести ряд исследований на Нью-Корнуолле и подготовить отчет. Не сумею — прощай, докторская степень. А мне ведь уже двадцать три... — Коул озабоченно нахмурил свои лохматые брови.

— Черт побери, док, кое-что я могу вам рассказать... Эта планета имеет четыре луны и всего один континент, зато какой огромный! Притяжение слабое, а леса... вы просто глазам своим не поверите!

— Мне нужны сведения о стомперах. Компания «Бидграсс» хочет спасти их от исчезновения, но мне не сказали, в чем там дело, откуда исходит опасность для вида. Снабдили дорожными инструкциями, визой и проездными документами на одну персону. У меня было всего два дня на сборы и работу в библиотеке перед тем, как перебраться на Тристан, чтобы не упустить ваш звездолет. С той поры я — как слепой котенок. Склонен думать, что ребята из «Бидграсс компани» не слишком заботливы.

— Сомневаюсь, что суть дела в ценности яиц стомпера. — Кок почесал толстый подбородок. — Ныне их вывозят мало. Должно быть, проблема в другом. Я ни разу не видел стомпера, но говорят, что это большущие птицы, которые живут в ньукорнуоллских лесах.

— Вот как? Я все-таки отыскал несколько старых журнальных статей... Там утверждается, правда, что стомперы — создания наподобие птиц, но — нелетающие, а обитают они на равнинах!

— Вокруг станции «Бидграсс» на тысячи миль нет ничего, кроме леса и моря, док. Стомперы же — это

чистые дьяволы на длинных ногах. Так говорят.

— Ну! Я читал, что они вполне безобидны.

— А вы побеседуйте с Дэйли. Он офицер-интендант, его дело — сопровождать каждый транспорт на планету. Он бывает внизу; возможно, ему что-то известно, и он выручит вас?

Кок отправился проверить духовой шкаф, а Коул поставил свою чашку и в раздумье уперся веснушчатой рукой в подбородок. Он размышлял о яйцах стомпера, единственном предмете ньюкорнуоллского экспорта; очевидно, за пять столетий никаких других направлений в торговле Нью-Корнуолла с остальными мирами сектора Карины так и не появилось. Знаменитый и неопиcуемый вкус этих яиц ценился среди гурманов доброй сотни планет. Их потребление стало символом богатства, атрибутом показной роскоши. Неудивительно, что большую часть литературы, в которой все же упоминалось о Нью-Корнуолле, составляли кулинарные книги.

Коул — безнадежный сирота, недоделанный ученый — никогда не пробовал этого деликатеса...

Кок захлопнул дверцу духовки, и камбуз наполнился ароматами готовящейся пищи.

— Представьте себе, док, я сберег-таки одну-две корочки этих яиц! Я их вытребовал у интенданта на случай, если придется кормить слишком взыскательного пассажира. Не хотите ли отведать на ужин яиц стомпера?

— Почему бы и нет? — ответил Коул, неожиданно улыбнувшись. — Экологу нужна пища для размышлений, особенно если эта пища к тому же приятна на вкус!

...К офицерскому столу было подано блюдо, полное небольших золотистых шариков, обжаренных в горьковатом соусе. Это и были яйца стомпера. Их нежную, пористую плоть почти не требовалось жевать. Вкус яиц напоминал... корицу? Перченое сандаловое дерево? Пожалуй, да, но вдобавок к этому — что-то еще...

Коул опомнился, лишь очистив блюдо наполовину. Остальные шестеро ужинавших даже не притронулись к яйцам — как будто все семь человек за столом составляли единую биомассу, и он один ел за всех семерых. Смех, да и только!

— Я просто свинья, — виновато улыбнулся он. — Пожалуйста, мистер Дэйли, попробуйте...

Дэйли, рыжеватый человек, невысокий и подвижный, вежливо отказался и передал блюдо соседу, а тот переправил его дальше; блюдо с яйцами стомпера обошло стол по кругу и вернулось к Коулу в прежнем виде.

— Ваша очередь, док, — усмехнулся Дэйли.

...Коул лежал, вытянувшись на койке в своей каюте. Тело его было напряжено и пылало от невообразимых фантазий. Он мечтал о том, чтобы уснуть, но никак не мог одолеть бессонницу — и вместе с тем испытывал жгучее желание выпить кофе.

На корабле была ночь. В тусклом свете ламп Коул прошел на камбуз, приготовил себе чашку горячего черного кофе и направился в рубку, где встретил Дэйли, который нес вахту, развалился в кресле напротив покрытого серой эмалью кофьютера.

— Чувствую себя, как последний идиот, — сообщил Коул.

— Вы — мученик науки, док. Если не ошибаюсь, как рассказал мне, что вы интересуетесь станцией «Бидграсс».

— Да, и еще стомперами. Что им угрожает? Каковы их привычки, образ жизни? И все прочее?

— Я не слишком много знаю о стомперах. Насколько мне известно, они достигают двадцати футов в высоту — или около того. Живут за изгородью. Я, честно говоря, ни одного не видел.

— За изгородью? Черт побери! А я читал, что они не поддаются одомашниванию!

— А они и не поддаются! Станция «Бидграсс» расположена на расчищенном от леса участке громадного ньюкорнуоллского материка. Этот участок тянется от моря до моря через узкий перешеек. На западе сооружена изгородь, а за нею раскинулся полуостров Ланди. Это добрых полмиллиона квадратных миль дикого леса, самого дикого из всех, какие только могут где-либо расти. Там-то и водятся стомперы.

— Насколько плотно заселен этот полуостров?

— Да нет там ни души, док! Вот на восточном побережье есть поселение вокруг Кар Труро, в двенадцати милях к востоку от Бидграсса. Я там никогда не бывал, но с воздуха хорошо видно.

— А Бидграсс — крупный город? Там есть университет?

Дэйли снова улынулся и покачал головой.

— Там есть поля и пастбища, но Бидграсс — скорее военное поселение, чем город. Я видел бараки для рабочих и хранилища для яиц стомперов, видел лавки, магазины, большой яйцеперерабатывающий завод и сторожевые вышки на окраинах полей. Сам я бываю только на полях, но могу предположить, что в Бидграссе живут всего лишь четыре-пять тысяч человек.

Коул вздохнул и поставил чашку на деревянную доску.

— Что же они импортируют? Тоже, наверное, какие-нибудь диковинки?

Дэйли усмехнулся и покачал носком ботинка.

— Медикаменты, химикалии, запчасти для машин, сотни тонн энергетических капсул Варбуртона. Пистолеты, бластеры, контейнеры с боеприпасами, цистерны с горючим — можно подумать, что они с кем-то воюют.

— Вряд ли эта информация поможет мне... Придется навестывать, когда я окажусь на планете. Я забросаю их вопросами и, боюсь, порядком им надоем.

Маленькое лицо Дэйли посерьезнело.

— Как следует взвесьте, док, прежде чем начнете расспрашивать: о чем спросить и кого спросить? Они недоверчивы, эти дьяволы, и к тому же ненавидят чужаков.

— Но им нужна моя помощь! Помимо этого, я буду иметь дело только с учеными.

— Бидграсс не очень-то похож на университетский кампус. Не знаю, как вам объяснить, док, но мне на этой планете отчего-то не по себе. Я всегда с радостью покидаю ее.

— А почему вы и другие не стали есть яйца стомпера? — вдруг вспомнил Коул.

— Да потому, что людей в Бидграссе просто тошнит от них! Ньюкорнуоллцы с радостью намут вам бока за одно лишь упоминание о том, как едят яйца стомпера. Для меня это достаточно веская причина.

Ну что ж, это тоже информация, подумал Коул, возвращаясь в свою каюту.

Два дня спустя Дэйли повел грузовой транспорт вниз, сделав при этом три витка по спирали вокруг Нью-Корнуолла. Коул сидел позади него в тесной кабине, пожирая глазами обзорный экран. Он увидел яркую и безжизненную луну Кэрдуин в левом верхнем углу экрана, над криво изогнутой дугой сиявшего в солнечном свете океана. От изумления у него перехватило дыхание.

— Мне знакомо это чувство, док, — мягко сказал Дэйли. — Ощущаешь себя гигантом, прыгающим из мира в мир.

Облака закрывали большую часть раскинувшегося внизу единственного континента со множеством полуостровов. Упорядоченность очертаний, намеки на системность и прочие признаки человеческой цивилизации, замеченные Коулом на Тристане и его собственной планете Белконтти, здесь напрочь отсутствовали. И это — несмотря на то, что заселение Нью-Корнуолла

людьми началось на два столетия раньше освоения Белконтри...

Леса тянулись с юга и запада, лишь кое-где вздымались безлесные нагорья, да дождевые тени скрывали от глаз некоторые участки этих всепланетных зарослей. В разрывах облаков Коул видел сверкавшие внизу озера и причудливые узоры на обширной безводной северо-восточной равнине, которая, как ни странно, была орошена в более темный цвет, чем розовато-желтый лес. Он указал на это Дэйли.

— Цветы, дикий виноград и мхи придают равнине такой оттенок, — ответил интендант, занятый управлением. — А под крышей леса — целый мир. Змеи, птицы, разные животные размером с лошадь. Док, для них деревья слишком велики.

— Конечно! Я читал кое-что об эпифитах. А слабая гравитация всегда способствует гигантизму.

— Это — Ланди, — буркнул Дэйли, ткнув пальцем в экран.

Ланди был похож на яйцовидную голову оскалившегося чудовища, вытянувшего тонкую шею к западному океану. Поперек перешейка пролегла вырубленная в чаще полоса, зажатая между двумя шедшими параллельно лесными массивами. Это и была станция «Бидграсс». Коул вновь увидел ее при заходе на посадку, отметил, что очищенное от леса пространство между высокой стеной и краем леса составляет примерно полмили; строения и поля, вытянутые по прямой, располагались к востоку от стены. Затем эта картина исчезла из поля зрения — транспорт садился.

— Я, наверное, не увижу вас до следующего рейса, — сказал на прощание Дэйли. — Удачи вам, док!

Коул зашаркал ногами по трапу, приятно удивляясь весу двух своих сумок при такой неправдоподобно слабой гравитации. Показались грузовики и подъемники, шедшие поперек белого поля от серебристых дозорных вышек, что стояли цепочкой вдоль стены. Рослые лохматые люди в просторных голубых одеяниях передвигались как-то странно, не сгибая ног. Их лица почудились стоявшему в ожидании Коулу однообразно зловещными и безжизненными.

Рядом с Коулом остановился автомобиль, из которого выскочил высокий старик в таком же, как у остальных, простом одеянии. Он приблизился к будущему ученому. У старика были седые волосы, кустистые и тоже седые брови над глубоко посаженными серыми глазами, а также внушительных размеров нос, загнутый книзу, словно клюв.

— Кто вы такой? — требовательно спросил он.

— Я — Флинтер Коул из университета Белконтри. Здесь должны меня ждать.

Старик задумчиво прикусил нижнюю губу и погрузился в раздумье. Наконец он сказал:

— Биолог, да? Вас не ждали до следующего рейса «Горбэлса». Не думали, что вы успеете с этим рейсом.

— У меня совершенно не оставалось времени, чтобы подготовиться. Но когда речь идет о вымирании вида, время становится драгоценным. А я — эколог!

— Так, — протянул старик, — так. Ну, а я — Гарт Бидграсс.

Он пожал Коулу руку, и тот обнаружил, что у старика железная хватка.

— Там, в машине, Хоукинс. Он отвезет вас в усадьбу и поможет разместиться. Я туда предварительно позвоню. Сам я день-два буду занят — надо проверить груз. Так что вы пока отдыхайте.

Он что-то сказал водителю на наречии, звучавшем наподобие староанглийского языка, и быстро двинулся через поле по направлению к вышкам все той же странной походкой, что и остальные нью-коруоллы. Насколько Коул мог заметить, он вообще не сгибал колени при ходьбе.

Хоукинс, тоже немолодой, но хрупкий и сутулый,

принял багаж и уложил его в машину. Эколог зашагал за ним и чуть не упал головой вперед; сделав усилие, он возобновил движение — теперь уже не сгибая ног, шаркая ступнями по земле, пока не добрался до машины. В эти мгновения он страстно желал ощутить нормальное земное притяжение — как на Белконтри или на звездолете.

Они ехали мимо неогороженных полей, зеленевших под злаками и овощами, мимо обнесенных изгородями пастбищ, на которых нагуливал бока мясной и молочный скот старых земных пород. Все это составляло типичную человеческую экосистему. Затем они проехали мимо группы полевых работников, и тут экологу было чему удивиться. В поле трудились люди-гиганты восьми, а то и девяти футов ростом — как мужчины, так и женщины, и все с длинными волосами; некоторые из них не имели одежды. Они даже не взглянули на проезжавших.

Коул посмотрел на Хоукинса. Тот ответил ему взглядом красноватых глаз и произнес что-то на староанглийском. Потом прибавил скорость, оставив гигантов далеко позади, и вскоре глазам Коула открылась усадьба, а за нею — сад. Огромный забор скрывавший размеры дома. Стекло-коричневые бревна толщиной в добрые десять футов вздымались высь футов на двести, скрепленные перекладинами весьма замысловатым образом. Высоко в небе парила птица — словно несла сторожевую службу. А дальше, в полумиле отсюда, в том месте, где изгородь поворачивала, высилась тысячефутовая темная стена деревьев. Там был лес.

Главный дом стоял в саду, обнесенном стеной, у ворот дежурили вооруженные охранники. Дом представлял собою двухэтажное приземистое строение, в юго-восточном углу которого вздымалась смотровая башня с плоской крышей. Здание было построено все из той же стекло-коричневой древесины. Хоукинс остановился около веранды с колоннадой, где прибывших ожидала седая, рыхлая... в общем, совершенно неопишная женщина.

Эта женщина не глядела ему в глаза.

— Я — Флэйда Вигноли, племянница мистера Бидграсса и домоправительница, — сообщила она замогильным голосом. — Я покажу вам ваши комнаты.

И отвернулась, прежде чем Коул успел что-либо ответить.

— Давайте-ка, я сам понесу сумки, — неуверенно улыбаясь, сказал он Хоукинсу.

Тот приподнял свои худые плечи и сплюнул.

Комнаты находились на втором этаже, обстановка была комфортабельной, хотя и выдержанной в архаичном стиле. Угрюмая хозяйка сказала Коулу, что Хоукинс принесет ему ужин, что он увидит Гарту Бидграсса через несколько дней, тогда-то они и обсудят дальнейшие планы, что мистер Бидграсс рекомендовал бы ему не выходить из дома без сопровождения до той поры, пока гость не узнает побольше о местных порядках.

Коул кивнул.

— Я хотел бы встретиться с вашими ведущими биологами — и как можно скорее, миссис Вигноли. Не могли бы вы уже сегодня снабдить меня копией текущего биоотчета?

— Нет тут никаких биологов и никаких отчетов, — проворчала она, стоя в дверях.

— Ну, хотя бы какую-нибудь современную книгу о стомах или что-нибудь вообще по здешней зоологии? Это очень важно, ведь мне нужно же с чего-то начать!

— Вы должны поговорить с мистером Бидграссом, — и она захлопнула дверь.

Коул разобрав свой багаж, помылся, оделся и обследовал три отведенных ему комнаты. Словно в музее, подумал он, останавливаясь у западных окон и глядя в сад и дальше — на опушку леса. Потом он

решил спуститься по лестнице, но обнаружил, что дверь заперта.

Коул был поражен этим фактом, испытал скорее страх, нежели возмущение, чему сам удивился. Он принялся расхаживать по своей гостиной, размышляя о собственном юридическом статусе, о богатстве и мощи Белконти, и тут, наконец, в нем вспыхнуло негодование. В этот момент кто-то стукнул в дверь, и она распахнулась — на пороге стоял Хоукинс, прикативший сервировочный столик с едой.

— Что все это значит? Почему меня заперли? — возмущенно спросил Коул, протолкнув столик в комнату и выскочив в холл.

Хоукинс отпрянул и испуганно всплеснул руками, заверещав что-то на здешнем диалекте. Коул подошел к перилам лестницы и посмотрел вниз. Рядом с лестницей сидела гигантская фигура. Он не мог точно сказать, мужчина это или женщина. Но кто-то огромный сидел там и возился с чем-то, что лежало у него на коленях.

Коул вернулся в свои апартаменты, где его ждал ужин: вареная говядина, картофель, свекла. Простая, зато обильная пища. Он как следует перекусил и, наевшись, стал наблюдать в окно, как наступают ночь. Затем он проверил дверь — на этот раз она не была заперта. Пожав плечами, он выкатил столик в холл, а потом притворил за собой дверь.

Затем он задвинул внутренний засов и наконец забылся в постели в тяжелом, беспокойном сне.

Утром Коул приободрился и с аппетитом позавтракал, после чего решил провести рекогносцировку. Он находился в двухэтажном крыле здания: двери, которые вели в главный корпус, были на замке. Из-за них доносились шум и голоса. Единственная незапертая дверь выводила в холл второго этажа; там был еще ряд комнат — таких же, как те, которые отвели Коулу. На первый этаж вела лестница, внизу были жилые помещения, а на южной стороне — библиотека. Дверь в сад не открывалась.

Мое королевство, горько подумал Коул. Узник государства!

Он обследовал библиотеку. Тристанийские книги, большей частью рыцарские романы, написанные лет триста назад каждый. Никакой периодики, ничего о Нью-Корнуолле. Коул переходил от окна к окну, глядя наружу, в ухоженный сад с цветочными клумбами и белыми песчаными дорожками. И тут он увидел девушку. Она стояла на коленях, одетая в серое платье без рукавов, и подравнивала живую изгородь. Коул заметил ямочки на локтях ее загорелых красивых рук. Девушка неожиданно обернулась, и он разглядел ее овальное лицо, обрамленное рыжевато-коричневыми локонами, лицо с маленьким носиком и твердым подбородком. Девушка казалась мрачно-серьезной, и это выражение глаз совсем ей не шло. Глаза, как отметил Коул, были диковатыми.

После некоторых колебаний он пришел к выводу, что девушка вовсе не смотрит на его окно, всего лишь прислушивается. Затем она встала, подняла корзину с обрезанными ветками и плавно двинулась к углу дома. Прежде чем он смог продолжить наблюдение, перебежав к другому окну, появился мужчина.

На вид он был повыше Коула и выглядел массивным — как камень. Прямые черные волосы, падавшие на его плечи, были выстрижены квадратом над лбом и прихвачены белой повязкой. Тяжелое не улыбочное лицо под темными полосками бровей хранило отпечаток свирепости. В его странной ньюкорнуоллской походке угадывалась скрытая сила.

Коул пересек холл и увидел закутанную в голубое фигуру у входа в крыло напротив. Девушки нигде не было. Он вновь испытал приступ страха; чтобы подавить этот страх, ему пришлось распалить в себе злость,

Выглядывают изнутри, подумал он. Подсматривают за экологом, будто за незрячей птицей!

Когда Хоукинс принес второй завтрак, Коул набросился на служителя и потребовал встречи с Гартм Бидграссом. Старик бормотал что-то непонятное и пританцовывал, словно бойцовый петух. Расстроившись, эколог угрюмо поел и вновь спустился в библиотеку. Сад был пуст, и он вдруг решил открыть окно. Как-никак, а это — путь к спасению. Правда, от чего и куда? — этого он не знал и сам себе удивлялся, трудясь над запорами. Но стоило ему наконец справиться с ними, как в библиотеку снаружи вошла женщина. Она была по меньшей мере семи футов ростом. Коул вытянулся в струнку, сдерживая дыхание. Не глядя на него, женщина опустилась на колени и начала вытирать пыль на панелях из натурального дерева, которые тянулись вдоль стен между книжными секциями. У нее были длинные светлые волосы и кроткое, безучастное ко всему лицо. Бесформенная голубая одежда скрадывала очертания ее фигуры.

— Привет, — сказал Коул.

Женщина не обратила на него никакого внимания.

— Привет! — повторил он резко. — Вы говорите на галактическом английском?

Женщина взглянула на него пустыми голубыми глазами и вернулась к своей работе. Коул рассердился, но оставил ее в покое и поднялся в свои комнаты. Там он принялся сочинять записку для Гарта Бидграсса, еле уняв свое негодование, но тут же порвал ее и написал куда менее сдержанное послание. Когда Хоукинс доставил обед, Коул пренебрег его ворчливыми возражениями и сунул в карман старика свое заявление.

— Позаботьтесь, чтобы Бидграсс тотчас получил это! Вы слышите? Чтобы немедленно получил! — кричал он Хоукинсу.

С наступлением темноты Коул, изрядно нервничая и не собираясь ложиться спать, продолжал наблюдать за садом в неверном свете двух лун. Он увидел девушку, одетую в то же самое платье, вышедшую из другого крыла дома, и, повинувшись безотчетному импульсу, вознамерился перехватить ее.

Пролезая в библиотечное окно, он сказал себе: «Информацию экологу может дать все, что угодно, особенно если это «все, что угодно» имеет приятную внешность»...

Коул встретился с девушкой лицом к лицу возле угла дома. Она обернулась, и эколог воскликнул:

— Пожалуйста, не убегайте от меня! Я хотел бы поговорить с вами.

Девушка отвернула от него испуганное лицо и опустила свои дикие глаза, которые сама природа должна была сделать веселыми и беззаботными.

— Вы знаете, кто я? — допытывался Коул.

Девушка кивнула.

— Дядюшка Гарт сказал, что я не должна разговаривать с вами...

У нее был голос маленькой девочки, дрожащий и робкий.

— Почему? Неужели я похож на чудовище?

— Н-н-нет. Вы — из иного мира, с большой процветающей планеты.

— Да ну! Белконти — весьма заурядная планета, А как вас зовут?

— Я — Пайя. Пайя Вигноли.

Ее голос обрел уверенность, но девушка не ослабилась, готовая вот-вот сорваться с места.

— Ну, а я — Флинтер Коул. На этой планете имеется работа для меня. Ужасно важная работа, и я уже начал ее выполнять. Вы можете мне?

— Я? Да каким образом, мистер Коул? Я ведь никто, Я ничего не знаю!

И Пайя двинулась прочь, а Коул неуклюже последовал за нею.

— Девушки знают все, что может заинтересовать

эколога,— возразил он.— Расскажите-ка мне, что вам известно о стомперах.

— О нет! Я не должна говорить с вами о стомперах!

— В таком случае, поболтаем о какой-нибудь ерунде, как это обычно делают девушки,— нетерпеливо сказал Коул и указал в небо над головой.— Будем говорить ни о чем. Как называется эта луна?

Напряжение оставило его собеседницу, она чуть улыбнулась.

— Моруэнна,— ответила Пайя.— А вон та, что сейчас садится в лес Ланди, носит имя Эннис. Ее синеватый цвет каждый раз имеет новый оттенок.

— Вы—славная девушка! А что можно сказать о двух других лунах, которые еще не взошли?

— Одна из них—Кэрдуин, а другая, единственная красная... ой, я не должна разговаривать с вами о лунах...

— Даже о лунах нельзя? Да что вы, мисс Вигноли!

— Давайте вообще не разговаривать? Лучше, я вам покажу, как надо правильно ходить на нашей планете, а то вы так забавно выглядите, да и ноги вот-вот переломаете! Кстати, я и сама родилась не здесь, мне тоже пришлось учиться ходить...

Она продемонстрировала ему, как надо ставить стопу, чтобы тело подавалось более вперед, чем вверх, и Коул довольно быстро научился пережидать какую-то микропаузу перед тем, как его вес перевалится на другую ступню. Потренировавшись немного, он стал прогуливаться рядом с девушкой вверх-вниз по залитой лунным светом дорожке, двигаясь без особых усилий в некоем подобии танца на цыпочках. Затем он попрактиковался в поворотах за угол дома, а также в прыжках.

— Пайя... Мне нравится ваше имя—звучит красиво, хотя как-то неуместно на этой грубой планете.

— Я родилась на Тристане,—Пайя понизила голос.— Пожалуйста, не задавайте мне вопросов...

— Не буду, не буду... Хотя я и не понимаю, в чем причина такой неразговорчивости, мисс Вигноли. Можно, я буду называть вас просто Пайя?

Он рассказал ей о Белконти, об университете, о своих научных планах, о докторской степени, ради которой, по большому счету, он и оказался здесь. Внезапно девушка резко остановилась и указала в ту сторону, где над темной скалой в восточной чаще вставала красная луна.

— Уже поздно,—вдохнула она.— Взошел Хогги Дарн. Спокойной ночи, мистер Коул.

И она протанцевала прочь—быстрее, чем Коул опомнился и мог бы последовать за ней. Он вернулся к дому, в красноватом лунном свечении нашел свое окно и протиснулся внутрь.

На следующий день, примерно в полдень, Коул столкнулся в библиотеке с Гартон Бидграссом. Старик восседал в кресле, сложив на столе ладони, с каменным бесстрастным лицом. Коул, стоя, оперся о стол руками и, сбалансировав свой вес, устремил на Бидграсса язвительный взгляд. Веснушки оттеняли сердитую бледность его лица, и лучи солнца, падавшие сквозь дальнее окно, вспыхивали в рыжих волосах ученого.

— Позвольте мне кое-что подытожить,—сухо процедил он сквозь зубы.— По непонятным причинам я, по сути, оказался на положении пленника. Ну ладно. Здесь у вас нет никаких образовательных учреждений, нет биологов любого профиля. Отлично! Но как вы думаете, чего от меня ждут там, на Белконти? Я отвечаю. Ждут, что я ознакомлюсь с планетарной экосистемой, организую изучение собственно стомперов и вместе с тем—тех видов, которые взаимодействуют с ними, подготовлю биоэнергетические сводки, наконец, вообще обозначу рамки проблемы! Если же мой

отчет окажется неточным, неправильным или неполным, специалисты с Белконти неверно поставят задачи для дальнейшей работы. И тогда ваши деньги пропадут зря. И моя докторская степень—тоже. Поймите, мне нужны квалифицированные помощники, целый штат их, мне нужно иметь массу информации!

— Об этом вы уже говорили,—холодно отозвался Бидграсс.— И я поставил вас в известность, что не смогу предоставить вам ничего.

— Но ведь тогда нет никакой надежды на успех! Зачем вообще вы вызывали эколога?

— Мы обратились за помощью. А Белконти прислала нам эколога.

— Ну так помогите же мне помочь вам! Вы должны постараться понять, мистер Бидграсс, что наука не может функционировать в вакууме. Ей нужны данные. Я не могу начинать с разработки общей планетарной биологической картины. Я должен начать с чего-то конкретного, но где материал?

— Сделайте для нас то, что вы в состоянии сделать,—сказал Бидграсс.— Никто на Белконти не посмеет вас обвинить, да и мы не будем вас обвинять, если даже нам ничто не поможет.

Коул сел, тряхнув головой.

— Но ведь Белконти не засчитает это в качестве полевой работы. Вы не хотите войти в мое положение. Что же получается? Вообразите: некто даст вам топорик и велит одному, без посторонней помощи, вырубить весь лес Ланди. Как вам это понравится?

— А что, я начал бы рубить,—ответил старик, его глаза сверкнули, а на губах заиграла свирепая улыбка.— По крайней мере, оставил бы отметину на каком-нибудь дереве!

Коул почувствовал, что, по-видимому, сморозил глупость, и присмирел.

— Ну, хорошо,—согласился он.— Я сделаю, что смогу. Но скажите, что же, по-вашему, губит этих стомперов?

— О, я знаю, что! Вернее, кто... Птица-паразит, которая подбрасывает свои яйца к яйцам стомперов! Ее проклятые птенцы вылупляются первыми и начинают жрать большое яйцо. Эту гадкую птицу мы называем пискуна.

— Так... Но мне необходимо ознакомиться с их жизненным циклом, выявить уязвимые места, отыскать природных врагов. Кто знает достаточно об этих пискунах?

— Ну, мне известно столько же, сколько любому другому ньукорнуоллцу... Кстати, мне ни разу не доводилось видеть взрослого пискуна. Мы полагаем, что они живут где-то в глуби леса. Но вот что нам доподлинно известно, так это то, что на каждое яйцо стомпера приходится три птенца-пискуна. Злобные твари! Бросаются на человека, целят в глаза или норовят вцепиться в горло! Собиратели яиц стомпера ежедневно убивают их дюжинами.

— Чудесно! Мне нужны эти дюжины, но только живыми, если это возможно. И еще нужна лаборатория. Вы создадите мне такие условия для работы?

— Да. Можете пользоваться лабораторией доктора Руделла в госпитале.— Бидграсс встал и посмотрел на часы.— Скоро на завод поступит очередной сбор яиц; там могут быть и мертвые пискуны. Поедем, посмотрим...

Когда Хоукинс вырубил к группе гигантских полевых рабочих, Коул ощутил на себе взгляд Бидграсса. Он повернулся, и старик медленно проговорил:

— Пожалуйста, сосредоточьтесь на пискунах. Мы будем просто счастливы...

— Любый материал полезен экологу, особенно при внимательном наблюдении,—упрямо проворчал Коул.

Хоукинс проскрипел что-то невнятное; Коул разобрал в его фразе лишь название луны—«Хогги Дарн».

но водитель был явно чем-то обеспокоен и прибавил скорость.

У автоматизированных линий завода Коул встретил управляющего. Им оказался тот самый мощный длинноволосый тип, которого он уже видел в саду.

— Морган,— Бидграсс представил управляющего, не назвав его имени, и добавил: — Он не говорит на англогалактическом.

Морган равнодушно кивнул; выражение его лица оставалось неизменно-неприветливым. Управляющий проигнорировал руку, протянутую Коулом для пожатия. Его широко посаженные глаза были глянцево-черными, и казалось, что они не имеют зрачков; Коул, ощутив враждебность этого взгляда, сердито вспыхнул. Они шли через завод. Морган разговаривал с Бидграссом на местном наречии. Его голос, глубокий и звучный, напоминал звук органа.

Бидграсс пояснил Коулу, что яйца стомпера замораживаются в биостате, а потом запаковываются в пластик для экспорта. Эколог заметил кусок скорлупы — толщиной в полдюйма и полупрозрачной. По радиусу кривизны Коул установил, что яйца стомпера куда больше по размерам, чем он себе представлял. В этот момент кто-то закричал, и Бидграсс объявил, что прибыл флайер. Все направилось в грузовой док.

Флайер имел на борту шестерых человек, размещавшихся перед трюмным отсеком. Здесь же крепились четыре тяжелых бластера, отчего флайер сильно смахивал на штурмовик. Пока команда докеров возилась, выгружая два яйца из отсека, появились другие флайеры, опускавшиеся у дальних причалов. Бидграсс указал Коулу на огромное яйцо диаметром едва ли не в три-четыре фута; к его скорлупе пристали раздавленные яйца паразитов. Заглянув в проеденные пискунными ходы, Коул увидел, что под скорлупой большого яйца содержится вязкое желеобразное вещество. Морган зажег мощный карманный фонарь, осветил им на оболочку яйца и непонятно выругался.

— Внутри могут прятаться пискуньи,— заметил Бидграсс,— вам повезло, как мне кажется.

Морган удалился и вернулся почти тотчас же. Он надел защитные очки и толстые перчатки, кроме того, при нем была небольшая электропила. Он опять осветил на скорлупу, пальцем отмерил на ней восемь дюймов и пустил в дело пилу. Все остальные, кроме Коула, отступили назад. Морган отбросил прочь выпиленный кусок, и тут из яйца вдруг вылетело что-то черное, необыкновенно увертливое; оно появилось с душераздирающим воплем.

Коул уставился на кричащую тварь, а Морган в то же самое время с силой ударил его прямо в лицо. Эколог, упав на колени, заскреб ногами по земле, хватаясь руками за воздух. При виде капель собственной крови он пришел в себя и вскочил, ошеломленный и злой.

— Морган спас вам глаза,— успокаивающе сказал Бидграсс,— но скулу пискун все-таки зацепил. Хоукинс отвезет вас в госпиталь — тем более, что вы очень хотели во что бы то ни стало пообщаться с доктором Рудэллом...

По дороге в госпиталь Коул изучал раздавленного пискуну. Это злобное создание величиной с кулак имело состоявшийся из трех частей клюв и не слишком то походило на обычную птицу. Обтянутые черной кожей крылья напоминали пару мухобоек; они еще подрагивали — остатки жизни слишком неторопливо уходили из безобразного тела. Коул насчитал на каждой лапе пискуну по девять пальцев; казалось, что тварь покрыта великолепной чешуей.

Доктор Рудэлл продезинфицировал ранку в удивительно просторном и неплохо оборудованном травмпункте. Он оказался невыразительным с виду седым человеком, чем-то весьма удрученным, и извиняющимся голосом поведал Коулу о том, что получил медицинское образование на Тристане много лет

назад... наверное, слишком много, ибо его лаборатория выглядела безнадежно устаревшей. И все же доктор пообещал проверить пискуну в биостате к тому времени, когда Коул сумеет выбраться к нему еще раз.

Хоукинса и его машины не было на месте. Коул вернулся на завод без него, желая разобраться, каким образом яйцо пискуну прилипает к яйцу стомпера. Он пробрался в дальний конец завода, подошел к доку снаружи — и застыл в изумлении. В двадцати футах от него докеры выгружали... гиганта.

Тот был совершенно гол и привязан (правда, не туго) к доске, на его лице выднелась кровь, а рыжеватые волосы и борода были наполовину опалены. В это время чья-то рука опустилась на плечо Коула и резко развернула его назад. Перед ним стоял Морган.

— Катись отсюда, ты! — разборчиво, без запинки, проговорил силач на англогалактическом. — И не появляйся здесь больше без Гарта Бидграсса!

Похуже было, что он с трудом разжимает губы, но голосище, несмотря на это, рокотал, точно гром.

...— Ничего,— думал Коул, возвращаясь за появившимся откуда-то Хоукинсом. — Главное — то, что в моей голове, хотя ей и досталось, все-таки отложился кое-какой материал...

— Ради вашего же блага, мистер Коул, вам не следует больше оставлять Хоукинса или доктора Рудэлла, когда вы находитесь вне дома,— утром опять вразумлял Бидграсс эколога. — Поверья и представления здешних людей вам неизвестны и даже могут показаться сущей ерундой, но их импульсивные действия будут иметь для вас неприятные последствия, если вы спровоцируете кого-нибудь.

— Ну, если я получу сведения о ваших верованиях и обычаях, мне легко будет усвоить нормы поведения. Тогда я никого не спровоцирую.

— Уже само ваше присутствие раздражает. Если вы сделаны из соли, вам лучше не торчать под проливным дождем. Здесь вы — чужой, из иного мира, и вам придется смириться с определенными ограничениями. Как будто вы из соли.

— Понятно,— кисло откликнулся Коул.

Весь день он работал в госпитале, вскрыл труп пискуну, но не нашел внутри паразитов. Кое-что интересное в области анатомии ему, однако, удалось обнаружить. Трехсоставной роговой клюв был остр, словно бритва, и устроен будто специально для того, чтобы делать двойные разрезы. Глаз был триедри, с ясно обозначенным центром; Коул мысленно соединил три глазных зрачка, застывших за общей слизистой оболочкой, и получил узкий равнобедренный треугольник, основание которого смотрело вниз.

Доктор Рудэлл помог ему вывести культуры бактерий в стерильном бульоне, полученном из собственных тканей пискуну.

А вечером рабочий с завода принес еще одиннадцать мертвых пискуну, и Коул с энтузиазмом поместил их в биостат. Затем, сопровождаемый Хоукинсом, он вернулся в дом, где поужинал в одиночестве, чувствуя, что, несмотря на мелкие неприятности, все-таки приступил к выполнению своей миссии. Одним словом, дело пошло.

День за днем эколог неприкаянно бродил по дому, время от времени наведываясь в сад через заднюю дверь. Он уже стал привыкать к безмолвной служанке, ревностно следившей за чистотой. Ему случалось перекинуться парой фраз с печальной миссис Вигнолли, которая оказалась матерью Пайи, да еще со встречавшимся иной раз невзначай Гартом Бидграссом. Несколько раз из своих окон он видел Пайю, но она исчезала, едва Коул появлялся в саду. В пугливой осторожности этой пухленькой девушки с личиком, которое могло бы быть таким милым, Коулу чудилось что-то противоестественное.

Однажды он сумел подстеречь ее и крепко ухватил за запястье.

— Почему ты избегаешь меня, Пайя?

Она мягко потянула руку назад.

— Я причиняю вам беспокойство, мистер Коули. Они больше мне не доверяют. Ведь мой отец был тристанийцем.

— Не доверяют? Кто это — они?

— Они — это они. Морган и все остальные.

— Пайя! Раз уж мы оба инопланетяне, нам надо бы держаться вместе. Я — самый одинокий человек на этой планете!

— Сочувствую, мистер Коул, мне это знакомо, — она потупила взгляд.

Коул погладил ее волосы.

— Давай отныне будем друзьями, Пайя, и ты мне поможешь! Для начала — откуда берутся здесь эти великаны?

Пайя сердито вскинулась.

— Ни слова о вашей работе! Я ведь и из этого мира тоже, не забывайте! Моя мать — местного корня!

Коул смолк и отпустил девушку.

Он начал проводить опыты в лаборатории, полностью погружаясь в работу. Ему приходилось сталкиваться с мужчинами и женщинами, одетыми в голубое, и он ощущал их неприязненные взгляды на своей спине, чувствуя себя Робинзоном, выброшенным на островок среди моря тупой ненависти. Только доктор Рудэлл вел себя сравнительно дружелюбно.

Коул рассекал пискунов сотнями, но не нашел в них ни одного, даже самого завалывшего паразита; флора этих экземпляров зачастую была заражена плесенью, образовавшей круглые тельца темно-красного цвета. Внимательно изучая строение клетки такого тельца, он открыл нечто невероятное: целый комплекс автономной нервной системы вместо обычной грибницы, причем увидеть это чудо можно было только при контрастном рассмотрении. Коул использовал красители, проверил свое открытие добрый десяток раз, а потом закружил удивленного доктора Рудэлла по лаборатории.

— Я сделал, сделал это! Я, единственный на целой планете! — ликовал Коул. — Мы вывели это, мы обнаружили эти мутационные деформации, это нарастание ядовитости! Мы нашли работу для белконтийских геномикологов!

— Боюсь, это не патогенное явление, — засомневался Рудэлл. — Я... э-э-э... как-то читал, что схожее предположение, правда, иного характера, выдвигалось несколько десятилетий назад... Будто вся местная фауна имеет грибовых симбиотов, сожителей, так сказать, защищающих ее от всех известных патогенных микроорганизмов. Что-то такое упоминалось, мне кажется...

— И вы молчали? Вместо того, чтобы сказать мне?! Боже мой, я же столько времени потерял!.. Срок на исходе... Почему, почему вы мне не сказали?

Острое лицо разгневанного эколога сделалось красным, как его шевелюра.

— Но вы же и не спрашивали, мистер Коул... И потом, я вообще слабо представляю, что такое экология. Понятия не имел, что вам так важно все это знать... — запинаясь, оправдывался старый врач.

— Все, все на свете важно для эколога, а особенно — то, что от него скрывают! — бушевал Коул. Он попытался стремглав вырваться из лаборатории, но вместо решительного броска вперед у него получилось нелепое подпрыгивание, и это разъярило эколога еще больше.

Он позвал Хоукинса; в этот день они возвратились домой рано.

Сидя у себя, Коул продолжал злиться еще примерно час, а затем спустился по лестнице и принялся барабанил в запертую дверь главного дома, выкрикивая имя Гарта Бидграсса. Когда стук прекратился,

Бидграсс открыл окно и глянул на эколога холодно и сердито.

— Ступайте в библиотеку, мистер Коул, — бросил он. — И постарайтесь взять себя в руки.

В библиотеке Коул выложил свои обиды, в то время как Бидграсс, навалившись правым локтем на ящик с книгами, слушал, не проронив ни слова.

— Вы должны понять, — завершил Коул, — чтобы спасти стомперов, необходимо изучить пискунов. Грубо говоря, самый простой метод — найти болезнь или каких-нибудь паразитов, которые обуздают этих тварей, а затем выяснить, какова их природа. Жаль, что до сих пор никто не занимался пискунами как следует. Без этого трудно разобратся...

— Так что же — вы пасуете?

— Ну, нет! Должны быть и у пискунов какие-то проблемы... Наверняка есть какие-то заболевания или естественные враги. Что-то должно их тревожить, кто-то должен охотиться на них или за их яйцами, не давать им жить. Я думаю, существует какой-нибудь макробиотический фактор... Попробую исследовать их рацион. Что едят взрослые пискуны? Если их меню не слишком разнообразно, то, может быть, удастся что-нибудь предпринять?

Старик нахмурился.

— И как же вы собираетесь изучать, чем питаются взрослые пискуны?

— В полевых условиях! Мне понадобятся по крайней мере двенадцать образованных помощников и постоянный лагерь где-нибудь в лесу Ланди.

Бидграсс сложил руки на груди и покачал головой.

— Людей я вам дать не могу. И вообще, это чересчур опасно — стомперы будут преследовать вас, нападать на вас и днем, и ночью. Я потерял в этом году уже больше двух сотен сборщиков яиц, а ведь все они были хорошо подготовлены и работали группами, не в одиночку!

— Все равно, разрешите мне отправиться в лес с командой. Мне необходимо самому разобратся, своими глазами увидеть...

— Люди вас не принимают. Я говорил вам уже, как они относятся к чужакам-инопланетянам...

— В таком случае, все полетит к чертям! И ваши деньги, и моя степень...

— Ну, вы еще достаточно молоды и успеете сделать себе имя в науке, — заметил Бидграсс. — Вы прилежно работали, проявили усердие — и я поставлю в известность об этом Белконти.

Старик говорил спокойным тоном, но в глазах его Коулу почудился блеск. Он непонимающе пожал плечами.

— Полагаю, мне придется прожить здесь до прихода «Горбэлса». Не самое лучшее времяпрепровождение, я вам скажу.

Коул отвернулся от собеседника и принялся демонстративно разглядывать книжные полки, будто намереваясь найти какую-то книгу. Бидграсс молча удалился.

Вечер выдался скучным. Пайя в саду не показывалась, и Коул бесцельно посматривал в сторону изгороди — взгляд притягивала странная скала, поднимавшаяся над лесом Ланди. Он был готов отправиться прямо туда, в чащу — пусть даже и в одиночестве. До прибытия «Горбэлса» оставалось сто пятьдесят дней... черт побери, зачем они вообще посылали за ним? Похоже, они сговорились загубить его докторскую... И к тому же они... Наконец он заснул.

Разбудил его невообразимый шум: вой далекой сирены, хлопанье дверей и чей-то топот в главном доме. Спешно одевшись, он заметил красное зарево в небе с южной стороны и услышал громкий гул. Выбежав из комнаты в холл, он столкнулся с Пайей,

лицо ее было бледно, она глянула на него дикими глазами и крикнула:

— Стомперы атакуют! Быстро за мной, вы должны укрыться вместе с нами в подвале!

Коул последовал за девушкой в главный дом, они спустились этажом ниже — там миссис Вигноли гнала домашних великанш вниз по ступенькам. Огромные женщины возбужденно трясли головами. Некоторые были совсем голыми, а одна рвала свою одежду в клочья. Коул повернул назад.

— Я — эколог, я хочу видеть все! — объявил он. — Стомперы — тоже информация!

Он легко подтолкнул девушку к женщинам и выскочил на веранду. С юга катились мощные мелодичные звуки — словно там кто-то взял аккорд на органе — и доносился шум, сопровождаемый неизмеримо протяжным гудением. Старый Хоукинс протанцевал по дороге, уморительно подпрыгивая и выкрикивая что-то на своем варварском языке. А в вышине висели три луны — Кэрдуин, Моруэнна и Эннис, обозначившие в призрачных голубых тенях вершины огромного равнобедренного треугольника с узким основанием, вычерченным параллельно горизонту. Этот вид что-то напомнил Коулу, но музыка и гудение отогнали мелькнувшую было мысль.

Сдерживая приступ паники, он повернулся и обнаружил, что рядом стоит Пайя.

— Они идут — за вами, за нами, — девушка пыталась перекричать музыку.

— Но мне необходимо увидеть... Ступай в убежище, Пайя!

— С вами я чувствую себя не так одиноко, — призналась девушка. — От них все равно не скрыться — как ни старайся. Пойдем-ка лучше на смотровую вышку — оттуда хорошо будет видно.

Пройдя через дом и миновав две лестничные клетки, они оказались на крыше башни, отстроенной в юго-восточном углу; здесь их настиг разливавшийся в ночном воздухе раскатистый органый звук, и Коул, оглядевшись, увидел, как пламенеет небо на юге — там метались, пикируя, флайеры, и в отблесках огня вырастали столбы черной пыли. Трассы ионных залпов, переплетаясь, рассекали сгустившийся сумрак, но уханье тяжелых бластеров едва доносилось, заглушаемое затопившей все музыкой.

Объятая пламенем часть далекой стены, ярдов в сто длиной, рухнула наземь, и гигантские длинноногие фигуры стомперов прыжками устремились в образовавшуюся брешь. Флайеры, словно рассерженные пчелы, роились над проломом, ведя плотный огонь из бластеров и выжигая лес возле изгороди. Мелодичный гул все нарастал, становясь непереносимо громким и насыщенным, и тут Коул встряхнул девушку и прокричал:

— У меня голова раскалывается, я уже ничего не соображаю! Пайя! Что это за музыка?

— Это ление стомперов! — крикнула она в ответ.

Он затряс головой. На станции царил суматоха — всюду загорались огни, из ангаров выползали тяжелые грузовые машины. Стена по краям брешу полыхала в фиолетово-синем свечении бластеров и ярко-красных струях огнеметов. Оборонительный пояс горел — Коул видел, как огонь вспыхивал и исчезал, вновь появляясь то тут, то там. Пламя рывками прокладывало себе путь, и объятая его языками стена напоминала огненную оболочку, за которой ворочается что-то страшное, норовящее разорвать ее.

Дрожа от волнения, Коул заметил, что там, внизу, были люди — но что могли эти хрупкие создания со своим эфемерным оружием и слабыми мышцами противопоставить кораблеподобным двуногим монстрам двадцати футов ростом?

Торжество биомассы, — подумал он. Даже подстреленные стомперы, падая, способны крушить и ломать, точно ракеты, попавшие в цель...

Внезапно что-то рвануло в пылающей стене, огненным смерч впорхнул внутрь, остановившись всего в полумиле от дома Бидграсса; Коул ясно видел, как напротив него в дыму и неистовой музыке гибнут защитники станции.

Пайя тесно прижалась к нему и всхлипнула:

— Поднимись, огненный туман! Моруэнна, жалься над нами!

Коул крепко обнял ее.

Колонна грузовиков остановилась у главного дома, и всюду засуетились вооруженные люди, двигавшиеся быстро и уверенно. Группа бойцов катила приземистый вертикальный цилиндр, с грохотом продираясь сквозь кусты. Вокруг аппарата, поставленного на колеса, змеилась двойная спираль из фиолетово светящегося металла.

— Это энергетическая установка Корбина! — Пайя кричала в ухо Коула изо всех сил. — Она передает энергию портативным бластерам, поэтому стрелки не теряют время на подзарядку...

Коул вглядывался в солдат. Те же крупные люди, которых он видел каждый день, те же угрюмые, враждебные лица. Но только сейчас они светились дикой, жестокой радостью. Страшные лица — но все же лица людей! Алый огненный вал дохнул на них сверху, рыча и плюясь искрами, и они погибли бы в считанные мгновения, но это уже не могло остановить их, крепких духом, решивших идти до конца.

Музыка достигла невозможного уровня громкости, и Коул вдруг осознал, что и сам он готов умереть рядом с ними — он, презираемый и ненавидимый всеми чужак.

Преисполнившись решимости, он заключил девушку в объятия и попытался поцеловать ее.

— Пусти меня в свой мир, Пайя! — крикнул эколог. Девушка отстранилась.

— Смори! Огненный туман! О, спасибо тебе, Моруэнна!

И Коул увидел это, увидел бледное розовое свечение, слабо заметное из-за ярких огней пожара; оно медленно разрасталось на фоне черной скалистой стены, вздымавшейся над лесом Ланди. Оно усиливалось, поднималось вверх, местами лениво переливаясь через изгородь, вползло в пролом, и по мере того, как сияние становилось все более ярким, страшная музыка ослабевала. Наконец последний душераздирающий аккорд захлебнулся и смолк. Огненный вал отпрянул и сжался, а розовеющий туман все распухал, подкрашивая небо к югу и северу, насколько хватало глаз. В наступившей траурной тишине стрелки стремительно бросились вперед, чтобы очистить станцию от врага.

— Пайя, я должен быть там, внизу! Я должен взглянуть хотя бы на одного раненого стомпера!

Девушку била дрожь и душили рыдания — столь сильной оказалась реакция на пережитое.

— Они сейчас так заняты своим делом, что вряд ли заметят... — прошептала она. — Но... не ходи слишком далеко от дома, Флинтер!

Коул кубарем скатился по лестнице и через распахнутые неохраемые ворота выбежал на поле боя. Кругом было полно раненых людей — им уже оказывали помощь, кого-то несли мимо него. Никто не обращал на Коула внимания. Он быстро нашел стомпера, пораженного выстрелом из бластера, но еще живого, и остановился, наблюдая, как тот еле раскрывает трехсоставной клюв длиной в четыре фута и судорожно шевелит темными крыльями. Сдвоенное веко закатилось, открыв глаз с тремя зрачками, расположенными все тем же треугольником и мерцающими в разрываемой пламенем темноте. Люди безучастно проходили мимо, а Коул все стоял в изумлении. И тут чья-то рука с силой сдвинула его локоть. Опять Морган!

Ни слова не говоря, Морган отвел его к кучке.

бойцов, находившейся неподалеку от цепи, прочесывавшей окрестности, и вытолкнул навстречу Гарту Бидграссу. С красного лба по суровому лицу старика стекал пот, правая щека покрывалась волдырями. На его груди висел тяжелый бластер.

— Ну как, мистер Коул, поднабрали материала? — колюче спросил Бидграсс. — Вы, как я вижу, выскочили из дома, чтобы спасти стомперов?

— Я выбежал спасать людей, — ответил Коул. — Я хотел помочь вам, мистер Бидграсс.

— Таким вот способом? Впрочем, иначе вы и не могли... — процедил старик. — Нелегко нам пришлось. Крутая была заварушка.

— Я могу помочь доктору Рудзэлю. Наверное, многие ранены?

— Хорошо, хорошо, — Бидграсс подобрел. — Наши люди сердечно примут такую помощь — и я в том числе.

— Единственная просьба, — вставил Коул. — Не могли бы вы распорядиться, чтобы ваши помощники сберегли для меня поддюжины стомперов? У меня есть кое-какие соображения.

— Ну, я не знаю, — протянул Бидграсс. — Люди не поймут этого, им не понравится такое задание. Может быть, через несколько дней... Ладно, попробую оставить вам нескольких стомперов!

— Благодарю, сэр, — Коул повернулся и встретил мутный ненавидящий взгляд Моргана.

Над их головами три луны выстроились в неровную линию; всходила четвертая — Хогги Дарн.

Коул около часа работал в госпитале, стерилизуя инструменты и помогая доктору Рудзэлю готовить перевязочные средства. Он был в немалой степени удивлен, встретив здесь других врачей, множество сиделок и заметив, что ньюкорнуоллская медицина имеет на вооружении новейшие биопроекторы — не хуже, чем на Белконти. Среди раненых было немало женщин; все они — и раненые, и здоровые — были охвачены восторженным возбуждением. Работая, он ловил на себе взгляды Пайи, хлопотавшей по соседству. Она вела себя спокойнее остальных, опьяненных восторгом победы, и выглядела уставшей, но счастливой, улыбаясь ему.

Три дня спустя Коул получил обещанных стомперов. Он нашел их в каменном загоне рядом с бойней. Рядом, в других загонах, содержался скот земных пород. Четыре стомпера из шести были живы, но тела их изрядно изуродовал бластер, а подколенные сухожилия перерезала чья-то твердая рука — так что они не могли стоять на ногах. Стомперы лежали, голова к голове, и солнце играло на их блестящей иссиня-черной чешуе, покрывавшей куполообразные черепа и длинные шеи. Три волосатых мясника, назначенных в помощь экологу, переминались с ноги на ногу. Их отталкивающий вид и зримаая печать, наложенная профессией, обеспокоили Коула, и он, заторопившись, грубо распластал двух мертвых стомперов тут же, в другом конце загона. Примерно через час он попытался объяснить, как сумел, что хотел бы узнать, где стомперы могут получить пищу и воду. Когда смысл вопроса дошел до одного из мясников, по его лицу пробежала мрачная тень, и он смачно плюнул на ботинок Коула. Эколог вспыхнул было, но потом махнул рукой и снова принялся за работу.

Его настойчивость была вознаграждена — если наградой можно назвать несколько сюрпризов, последовавших один за другим. Особенно удивили эксперименты, которые он проводил под конец второго дня возни со стомперами. Затем кое-что стало проясняться. В тот момент, когда Коул работал один, его поджидала находка. Разрезав желудок второго стомпера, он обнаружил там наполовину переваренное человеческое тело, вернее, его части. Судя по их раз-

мерам, это были останки одного из гигантов.

Убедившись в этом, Коул отправился звонить доктору Рудзэлю, чтобы попросить его сейчас же приехать. Возвращаясь, он услышал сердитые крики и увидел двух своих помощников, спешивших на зов третьего, который стоял и указывал на тушу оперированного Коулом стомпера. Затем все трое схватили топоры и бросились к еще живым пленникам, намереваясь отрубить им головы.

Огромные создания ухали и дергались, щелкали своими клювами и приподнимали крылья, но защитить себя от топоров были бессильны. Мясники изрыгали проклятья, а стомперы издавали предсмертный вой, к нему примешивались такие звуки, от которых по спине у Коула забегали мурашки. Опомившись, экологу бросился спасать стомперов от расправы; громко крича, он выхватил топор у одного из забойщиков и встал над последним уцелевшим чудовищем, готовый защитить его во что бы то ни стало. Он так и стоял, изготовившись к схватке со все увеличивающейся толпой мясников, сбежавшихся отовсюду, когда появился доктор Рудзэлл.

— Доктор, объясните этим маньякам, во имя чего я хочу сохранить этого стомпера живым! — зло прокричал Коул.

— Мне очень жаль, мистер Коул, но они прикончат его, невзирая на ваши протесты.

— Но Гарт Бидграсс приказал...

— И невзирая на приказ Гарта Бидграсса. Есть кое-что, о чем вы не догадываетесь, мистер Коул. Вы сами находитесь в большой опасности.

Руки старого доктора тряслись.

Коул быстро соображал.

— Ну хорошо. Но хотя бы день они могут подождать? Мне нужно проверить одну догадку, я объясню потом! Необходимо поработать с тканями. Если бы вы помогли мне с питательным раствором...

— Наш пискуний бульон вполне подойдет. Мы можем взять пробу в течение часа. Я позволю в госпиталь.

Доктор что-то быстро сообщил разъяренной толпе на ньюкорнуоллском диалекте, а затем поспешил в контору... Через час последний стомпер был мертв, а Хоукис доставил Коула и доктора в лабораторию — с экспериментальными пробами.

— Я почти у цели, — радовался Коул. — Несколько недель, совсем немного информации — и все прояснится. Я дал фору планете — еще бы, один человек против целого мира! Но конец близок, и я, будем надеяться, вернусь на Белконти с доброй репутацией...

И вновь Коул беседовал с Гартом Бидграссом за тем же круглым столом в библиотеке.

— Честное слово, пискуны — это маленькие стомперы! — бросил он в строгое лицо старика, ожидая, какой будет его реакция, но тот оставался невозмутимым. — Я заподозрил это, когда увидел, как меньшие яйца соединяются с большими странными пленками. Внешнее сходство тоже налицо. А когда я вскрыл двух взрослых стомперов, мне попались недозрелые яйца. У входа в яйцевод то, что вы зовете яйцами пискунов, крепилось нитями цитоплазмы к главному телу.

К разочарованию Коула, Бидграсс вовсе не удивился. Старик вздернул голову и искоса поглядел на эколога, а потом спросил:

— Вы хотите сказать, что пискуны откладывают свои яйца внутри стомперов?

— Да нет же! Я провел сравнительный анализ тканей пискуна и стомпера — они идентичны! Уверю вас! Сейчас я предполагаю, что яйца пискунов — оплодотворенные чужие тела. Такое науке известно. Но чтобы тело носителя было бесплодно и служило внешним источником питания — это, пожалуй, что-то но-

венькое. Уверен, мое имя замелькает в журналах всего сектора Карини!

Веселье эколога не позабавило Бидграсса, который закусил нижнюю губу и сумрачно смотрел на него, ничего не говоря. Коул ощутил раздражение.

— Хочется надеяться, что и вы видите в моих рассуждениях логику, — добавил он. — Главная угроза стомперам исходит от растущей активности ваших же сборщиков яиц. Остановите охоту за яйцами на несколько десятилетий или каким-то другим способом обезопасьте те районы, где они откладывают свои яйца — и вскоре поголовье стомперов восстановится, Бидграсс надулся и поднялся.

— Мы не намерены останавливаться, — отрезал он. — На планете еще полно стомперов. И запомните: через месяц ноги вашей здесь не будет!

— Не спешите, — парировал Коул, — я пока еще не закончил отчет. Поэтому продолжу... Так вот, я провел анализ тканей стомпера по методу Харви. Этот метод включает в себя клонирование клеток, фиксацию темпов роста и зон миграции плюс еще целый комплекс других работ... в общем, не буду утомлять вас деталями. Короче, когда я ввел свои данные в формулу Харви, окончательно выяснилось — стомперы накопили критическую биомассу.

— И что же это значит?

— А вы вообразите, что все отдельные особи составляют как бы огромное существо, которое живет вечно; каждая конкретная особь — всего лишь часть единого целого. Можете себе это представить?

— Да! — взорвался старик, расправляя плечи.

— А теперь сделайте срез по времени, мгновенный снимок. Вес такого огромного существа, взятый в конкретный момент, как раз и составляет его биомассу. Многие виды имеют, так сказать, критические точки биомассы. Это нижний предел, как бы порог, по которому мы можем судить о будущем вида. Если биомасса ниже такой точки, то данный вид обречен: единое существо, совокупность особей, начинает умирать. Вид теряет волю к жизни и вымирает — несмотря на любые попытки спасти его. Проходит время — и вид исчез... Так вот, стомперы — обреченный вид, в этом нет сомнений!

Бидграсс кивнул и сумрачно улыбнулся. В его глазах светилось любопытство.

— Ответьте мне, мистер Коул, эта ваша формула... как там его... Харви — годится ли она для определения критической биомассы человеческого рода?

— Да, человек ведь тоже биологический вид, — подтвердил Коул, несколько удивившись. — Но случай с человеком сложнее — тут многое определяет культура, да и разные прочие факторы оказывают влияние — род людской не столь непосредственно зависит от биомассы. Математическая антропология лучше меня ответит вам на этот вопрос.

Бидграсс положил руки на стол ладонями вниз и откинулся назад, приняв какое-то решение.

— Мистер Коул, вы принудили меня кое-что растолковать вам. Скажу честно, я не хотел, чтобы вам стало об этом известно. Дело в том, что большую часть того, о чем вы мне только что поведали, я уже знаю. Я намерен истребить стомперов — и я это сделаю. Что я хотел от вас, вызывая сюда? Лишь одно — чтобы вы вернулись на Белконти в полной уверенности: все зло — от пискунгов.

Коул уперся руками в подбородок и поднял брови.

— А я уже начал догадываться об этом. Но мне удалось вас одурачить, не правда ли?

— Пожалуй, и я отдаю вам за это должное. Но сейчас дайте мне договорить. Яйца стомперов идут за хорошую цену, за очень хорошую цену, и мне удавалось делать ее все более высокой, придерживая этот товар про запас. Да, у меня имеются своего рода резервы. И если бы вдруг стало известно, что стомперы вымирают, ценность моих запасов оказалась бы

просто невероятной. Мы с моей внучатой племянницей избавились бы от необходимости влачить жалкое существование...

Пока он говорил, у его собеседника все больше отвисала губа — так он был поражен... Краска ударила Бидграссу в лицо, но он решительно продолжал:

— Я рассчитывал, что гипотеза относительно вымирания стомперов по вине пискунгов станет известной благодаря университету Белконти. В этом случае новость распространилась бы очень быстро и не вызвала бы ни у кого сомнений. И мне не будет грозить позор...

— А я перечеркнул ваши планы!

— Это еще можно поправить. Я мог бы договориться с вами. Как насчет того, чтобы заглушить угрызения совести, скажем, пятью тысячами соларов в год? На жизнь вам вполне хватит...

Коул даже подскочил на месте от негодования, а затем перегнулся через стол к Бидграссу.

— Нет! — крикнул он. — Зловредный старик, запомните раз и навсегда: экологи не могут закрыть глаза на проделки алчных браконьеров. И я приложу все свои силы для того, чтобы Белконти поставила в известность ваше правительство в Кар Труро о том, что Гарт Бидграсс вознамерился ликвидировать жизненно важный для планеты биологический вид!

Бидграсс тоже встал, и его лицо покрылось красными пятнами.

— Не гоните лошадей, парнишка! У меня тут завалились копии ваших первых заметок — в этих записях вы называете именно пискунгов главным фактором, обусловившим вымирание стомперов. Около трехсот человек погибло во время последнего нападения этих тварей, и вы, если подумать, вполне могли оказаться в числе жертв. Что ж, если вы настаиваете, я запросто могу переслать ваши заметки на Белконти, когда здесь появится «Горбэлс», и никому даже в голову не придет заподозрить что-то неладное. Вы меня понимаете?

— Конечно. Это — угроза!

— Отнюдь. Это — оборона. Поразмышляйте над этим — я даю вам несколько дней, мистер Коул.

Коул уныло сидел в своей комнате, ожидая, когда Хоукинс привезет ему обед. Он надеялся, что пища не окажется отравленной.

Когда в дверь постучали, он распахнул ее — на пороге вместо Хоукинса стояла Пайя, а рядом с нею — столик, сервированный на двоих. Девушка была одета в декольтированное коричневое платье без рукавов, которого он раньше на ней не видел. На румяных щеках Пайи блуждала улыбка.

— Как насчет совместного обеда, Флинтер? — спросила она.

— Почему бы и нет? — Коул старался не показывать, что напуган. — Проходи.

— Дядя Гарт сказал мне, что теперь ты все знаешь... — Она смутилась и покраснелась еще больше.

— Да. И мне не по душе то, что я узнал, — угрюмо отозвался Коул. — Но тебе я рад, Пайя. Ну-ка, разрешите...

И он вкатил столик в комнату, а затем принялся помогать Пайе расставлять снесь на большом столе. Девушка была очаровательна, и Коул с трудом сдерживал желание ласкать ее гладкие круглые плечи и целовать пухлые, в ямочках, руки. Когда она села за стол напротив него, он не мог отвести глаз от пышной груди, колыхавшейся в глубоком вырезе платья. Но ее поведение было каким-то скованным, искусственным, и она выглядела испуганнее, чем когда-либо.

— Слушай, Пайя, ты сейчас похожа на маленького кролика, который обнаружил, что забрел слишком далеко от родного леса. Чего ты все время так боишься?

Ее улыбка поблекла.

— Далеко от леса? Да вот он, лес — рядом, — ответила девушка. — А что такое кролик? Только, пожалуй, не надо про страх...

Они обсудили еду и погоду; обед оказался приготовленным куда лучше, чем обычно. Присутствовала даже бутылка тристанийского крэша. Коул налил голубого вина в два хрустальных бокала, один он подал Пайе, другой поднял, провозглашая тост:

— За ту, кто скоро будет самой богатой девушкой на Тристане!

В его голосе послышалась насмешка, и на глазах у девушки блеснули слезы.

— Я не хочу быть богатой. Я хочу всего лишь уехать с Нью-Корнуолла, уехать куда угодно. Я родилась на Тристане. О, Флиинтер, как ты мог подумывать... — И она всерьез разрыдалась.

Коул тронул ее за плечо.

— Прости меня, дурака, Пайя! Расскажи мне о Тристане. Я был там только один день, когда ждал звездолета.

Девушка принялась рассказывать, и оба почувствовали, как обстановка за столом разрядилась. Напряжение спало. В конце концов Пайя предложила отправиться завтра на пикник — они возьмут спортивный флайер и заберутся вдвоем на лесную вершину. Коул с радостью согласился и крепко пожал ей руку, желая на прощание доброй ночи.

Она ответила легким движением пальцев. Но при этом все еще казалась испуганной.

На следующий день Пайя переоделась в короткий желтый спортивный костюм, и Коул буквально пожирал ее глазами. Когда он погрузил пакет с провизией в маленький флайер, стоявший у главного ангара, девушка вдруг тесно прижалась к нему. Он перехватил взгляд ее больших глаз, устремленный куда-то через его правое плечо, и, повернув голову, увидел Морганна, стоявшего в десяти футах от них, неприветливого, как всегда.

— Добрый день, мистер Морган, — выдавил Коул в неподвижное лицо под черными полосками бровей.

Морган проворчал что-то на местном языке и удалился. Его губы совершенно не двигались.

— Ты боишься Морганна, — утвердительно сказал Коул, когда флайер взлетел и взял курс на восток.

— Он — бард. За ним сила, — ответила Пайя. — Давай сегодня забудем о нем.

Коул обернулся и бросил взгляд на полуостров Ланди, вздымавшийся в зелено-голубой дали за узким перешейком. Тянувшаяся от моря до моря прямая просека казалась невзрачной тропинкой, зажатой с обеих сторон высокими деревьями. Пайя взяла его за руку и показала, что пора приземляться.

Коул посадил флайер среди розовато-зеленых лишайников, разросшихся на участке в несколько акров. Пайя завершила его, что здесь наилучшее место для посадки — растительность выдержит вес флайера, ведь Нью-Корнуолл — планета со слабой гравитацией.

Упругая поверхность, по которой они ступали, источала аромат. Они будто бы находились на розово-зеленом острове, а вокруг волновалось лесное море; ветви деревьев-великанов тянулись к небу, шелестя листвою и поигрывая цветами, украшенные вьющимися растениями разнообразных форм и оттенков. Яркие птицы (настоящие!) выпархивали на свет, а потом опять ныряли в тень, наполняя воздух щебетанием и криками.

— Тут просто великолепно! — восхитился Коул, подумав про себя, что Пайя так же прекрасна, как и обступивший их лес.

Девушка привстала на цыпочки, потянувшись за крупным белым цветком, а Коул, глядя на нее, любовался нежной девичьей кожей, округлостями фигуры, ямочками на руках, свежестью и... зрелостью, зре-

лостью сочного, спелого плода. Именно зрелостью, другого слова он не мог подыскать. И еще глазами.

— Ты не боишься меня больше, Пайя?

В самом деле, от ее страхов не осталось и следа. Карие глаза с пушистыми длинными ресницами смотрели открыто и весело — так, как и задумала природа, создавая их.

— Здесь мирно и безопасно, — призналась она. — Когда я забиралась на лесную вершину, мне почему-то совсем не хочется возвращаться на станцию!

— Увы, мы должны будем вернуться, — вздохнул Коул и тут же предложил: — Но ведь можно притвориться, что мы вовсе не собираемся возвращаться. Идет?

Он увидел гроздья красно-золотистых фруктов и спросил:

— А это можно есть?

— Вполне. Они очень вкусные. Слишком вкусные. Проблема Нью-Корнуолла...

— О чем ты?

— А ну, бегом назад, к флайеру! — крикнул Пайя и грациозно помчалась прочь, мелькая среди ветвей в лучах солнца.

Коул поспешил за нею следом, с трудом сохраняя равновесие.

Ленч удался — это окончательно выяснилось, когда Пайя извлекла из пакета припасенную бутылку крэша. Они потягивали крэш, сидя перед флайером, и Пайя пыталась обучить Коула ньюкорнуоллскому песенному фольклору. Ее негромкое, чистое пение сливалось с мелодичными птичьими голосами.

— Кое-что мне знакомо, — заметил Коул. — Несколько лет назад, когда я учился на выпускном курсе, мне довелось изучать поэзию докосмической эры. Кстати, я могу читать на староанглийском, а вот на слух его не воспринимаю.

— Хочешь, научу?

— Ну... не знаю. Мне нравится один древний поэт... его имя — Роберт Грэйвз. Как там у него: «Там, где пройдет она, творятся чудеса...» Нет, дальше не помню.

— Знаешь, я ведь могу записать для тебя наши песни.

— Главное очарование не в песнях, а в тебе, в твоём голосе. Спой еще.

И она пела что-то о короле, чьи волосы излучали мягкий свет, — однажды он вышел из леса, и был он наг, и нес с собою любовь... В голубом небе появились маленькие белые облачка, а синеватая Эннис еще дремала над шуршащими ветвями, которые охраняли тайну их острова.

Пайя сама напоминала облачко — такая же плавно-округлая; ее пышные каштановые локоны оттеняли живость лица, переживавшего то, о чем она пела — пела по-настоящему, как птица. Пайя... Она была полна жизни, крепка, замкнута и совершенна — словно один из больших красивых цветков, что покачивались по берегам их острова под дуновением ветра. Коул почувствовал, как заволновалось его сердце.

— Пайя, — вклинилась он в песню, — ты и в самом деле хотела бы уехать с Нью-Корнуолла?

Она кивнула, широко раскрыв глаза и по-прежнему напевая.

— Если хочешь, я возьму тебя с собой на Белконтти. Мы доберемся до Кар Труро и будем там дожидаться «Горбэлса».

Свет в ее глазах потускнел.

— Почему в Кар Труро?

— Мне трудно говорить об этом тебе, Пайя, но я боюсь твоего старого родича... Я хочу обратиться к правительству планеты.

— В Кар Труро нет ничего хорошего, Флиинтер... А ты не можешь вернуться на станцию и... и сделать то, чего хочешь от тебя дядюшка Гарт?

Последние слова она произнесла шепотом; страх вновь промелькнул в карих глазах.

— Пайя, а ты знаешь, чего он хочет?

— Да,— она понуро опустила голову, тряхнув каштановыми кудрями.

Коул встал на ноги.

— Так вот оно что... Ну, слушай же: никогда я не сделаю этого, потому что Гарт Бидграсс — сам дьявол, ты слышишь? Он жадный старик, который не остановится даже перед кровью.

Пайя тоже вскочила; ее глаза теперь были скорее сердитыми, чем испуганными.

— Он не такой! Он пытается спасти тебя! Он хороший, он благородный и... и великий человек! Если бы ты знал правду... ой, прости меня, Моруэнна! — она прикрыла рот ладонью

— Не понимаю — какую я должен знать правду? Или не должен? А ну, объясни! Что еще за правда?

— Я и так слишком много болтаю. Мне надо сказать об этом дядюшке Гарту, — и она расплакалась.

— О чем ты хочешь рассказать Бидграссу? Я точно знаю — он лжец! Он обманывает тебя, как... — Коул не мог подобрать нужное слово.

— Я... мне надо было, чтобы ты... чтобы ты меня полюбил. И я старалась, но теперь не могу, потому что... потому что... — она запнулась, скомкав фразу бессвязным всхлипыванием.

Коул успокаивающе провел рукой по волосам девушки.

— Я поторопился с выводами, — извинился он. — Я все еще двигаюсь с закрытыми глазами и оттого спотыкаюсь. Вернемся на станцию, и я еще раз поговорю с твоим дядюшкой.

Наутро Гарт Бидграсс выглядел усталым и вел себя отчужденно. Несмотря на это, он пригласил Коула позавтракать с его семьей. Экологу еще не доводилось бывать в большой комнате, отделанной дубовыми панелями и выходящей окнами в южную часть сада. Пайя имела подавленный вид, зато миссис Вигноли была необычайно жизнерадостна. Завтрак, принесенный великаншей, не представлял собой ничего особенного — обычная овсянка да жареное мясо.

Гигантская женщина удалилась, когда Пайя освободила поднос, переставив посуду на обеденный стол. Бидграсс налил себе побольше кофе, устроился поудобнее и воззрился на Коула через стол.

— Мистер Коул, я сделал ошибку, вызвав вас сюда. Наверное, я был неправ еще и в том, что водил вас за нос. Но это — во имя вашей же собственной безопасности. Вы мне верите?

— Я верю, что вы верите в то, о чем говорите.

— Вы прибыли слишком быстро и оказались чересчур проворны и любопытны. И я стал беспокоиться... Пайя, остальные, да и мое доброе имя...

Коул усмехнулся.

— Допустим, я и впрямь слишком проворный и любопытный. Но почему я не могу знать...

— Можете, мальчик мой. Раз уж вы сунули свой нос, куда не следует, да к тому же еще и настаиваете, то придется вам рассказать. Но учтите — с этого момента вам грозит большая опасность, и, видит Бог, я очень хотел бы, чтобы вы оставались в неведении ради вашего же блага.

Коул отрицательно мотнул головой.

— Я ведь эколог. Если я буду знать всю обстановку, возможно, мне удастся помочь вам.

— Я ждал от вас именно этих слов. Ну что ж, приготовьтесь выслушать историю, правда, не очень приятную... Планета была заселена колонистами, прилетевшими прямо с Земли, в 145-м году космической эры — почти восемь столетий назад. Все казалось здесь идеально подходящим для человека. Здешний белок оказался куда эффективней земного в процессе об-

мена веществ в человеческом организме. Мягкий климат, геофизическая стабильность, отсутствие стихийных бедствий и все такое прочее. Правда, планетология в те годы еще не была настоящей наукой... Так вот. Колония добилась политической независимости в 202-м году. Она вела успешную торговлю, вывозя первоклассные продукты питания, главным образом — концентрат из яиц стомпера. Перевозки в ту пору стоили очень дорого, и транспортировка целых яиц была невыгодной... Кар Труро уже не вмещал всех поселенцев, вокруг появились новые городки. Люди осваивали прекрасные равнины, в здешнем дивном климате прокормиться не составляло никакого труда — рай, да и только! Рай!

Старик слишком громко произнес последнее слово, и Коул насторожился. Бидграсс продолжал:

— Но в первой половине третьего века наши ученые беспокоились. Их настораживал неестественный ход развития культуры в колонии. В Кар Труро и вокруг него все, вроде бы, было в порядке, а вот в грязных бараках на дальних рубежах колонии, где жили собиратели пищи... там происходили серьезные изменения. Дети последующих поколений были выше ростом, чем их родители, они проявляли меньше воли и способности к обучению... Со временем было решено положить конец этой тенденции, однако большая часть населения не видела никакой угрозы.

— Но ведь земные организмы обычно сопротивляются гигантизму в условиях слабой гравитации, — заметил Коул. — Удивительно...

— Все дело в местной пище, которую употребляли колонисты, а ели они в основном яйца стомперов. Гораздо более активные и быстродействующие вещества содержатся в лесных грибах, но колония находилась на восточных равнинах, где обитали стомперы...

— Я читал, что они водились именно на равнинах.

— Да. И к тому же были вполне безобидны для человека — за исключением яиц... Напуганное меньшинство захватило власть и установило диктатуру, которая начала внедрять в сознание людей мысль о дееспособности разведения только земных культур и животных. Были приняты законы, которые регламентировали домашнее хозяйство и регулировали диету населения. У родителей с выраженными отклонениями от нормы забирали детей и помещали в специальные лагеря, где их учили и кормили. Однако нормальных, здоровых колонистов было уже слишком мало, и поэтому процесс вырождения продолжался... Полвека спустя люди добрались до опушки южного леса, и там многие совсем одичали. Они совершенно бесцельно слонялись вдоль границы леса... Можете себе представить — потомки землян! Голье, не имевшие не только одежды, но и орудий, огня, языка и даже семейных групп! Их средний рост составлял около восьми футов... В этих условиях те, что еще оставались нормальными, знали, что обречены. Понимаете? Представляете, что они чувствовали, юноша?

Коул немного расслабился.

— О, да... Вполне могу представить, какое смятение они переживали.

Бидграсс утвердительно кивнул.

— Конечно. Это было словно какая-то зараза. Но они боролись, как могли. Правительство обратилось за помощью к Земле, однако Земля отвергла их просьбу, решив оттого-то, что на планете властвуют тираны, жестоко подавляющие кроткий местный народ. Экономике поразил кризис, слишком многое теперь приходилось импортировать. Чем же ньюкорнуоллцы могли расплатиться за импорт? Только яйцами стомперов, которые шли на экспорт. Несмотря на это, где-то около 300-го года было решено ограничить зону обитания стомперов западными равнинами, лежащими далеко от мест проживания людей — за тысячи миль. Сборщики яиц принялись уничтожать и

пискунов, и взрослых стомперов, а заодно и стада тупых местных животных, которыми питались стомперы. В свою очередь, стомперы, стремясь выжить, становились очень осторожными, злыми, они научились искусно прятаться и нападать на людей. Но исчезновение пищи на восточных пастбищах вынудило их уйти. Дела, казалось бы, улучшились, и колонисты решили, что все изменилось в их пользу. А затем, в 374-м году, наступило время, которое барды сейчас называют временем Черного Учения.

— Барды! — переспросил Коул, допивая свой кофе.

— Морган может пропеть вам эту историю так, что вас до самых костей продерут мурашки, — ответил старик, подливая кофе себе и экологу. — То, что я вам рассказываю, нигде не записано, зато все это запечатлелось в тысячах сердец. Но продолжим... Нам точно известно, что часть уцелевших стомперов отступила на юг, в лес — знаете, они высиживают яйца при прямом солнечном освещении, и мы находили их вдоль лесной опушки. Полагали, что стомперы, уйдя в лес, стали поедать змей и слизняков, но брезговать грибами — в общем, питаться всем тем, что можно отыскать под деревьями. Сейчас-то мы знаем, что в глубине леса скрывалось немалое количество одичавших людей — целое дикое племя. И стомперы... принялись охотиться на них. Вы видели, насколько велики наши леса, поэтому понимаете — патрулировать их практически невозможно. Для этого у нас не было ни людей, ни машин, ни денег. Мы зывали о помощи, но вскоре убедились, что ни одна из планет сектора Карины не поможет нам бесплатно — только за деньги. Но откуда их взять? Спрос на яйца упал, а вместе с ним упали и наши доходы. Иногда, правда, без нашего разрешения откуда-то прибывали звездолеты; они садились втихомолку в лесу — их целью было изловить как можно больше молодых женщин из дикого племени.

Коул ударил по столу и вскричал:

— Это же низость!

Бидграсс кивнул:

— А что мы могли предпринять? У нас это называется Меньший Стыд. Эти молодые самки не знают никакого языка и вообще не являются личностями, зато послушны и отзывчивы на хорошее обращение. Они обладают безупречным здоровьем, сильны, росли — восемь футов. Их можно фантастически выгодно продавать на дальних планетах, где нет прерассудков. Даже на Земле находят покупателей, как нам известно. Есть в человеческой сущности что-то темное, оно-то и движет продавцами и покупателями. Я думаю, вы согласны со мной, да-да, не протестуйте! Есть, есть в нашей натуре что-то низкое... Я могу судить об этом наверняка — мы слишком долго сталкивались с тягой к работорговле в собственной среде. У нас тоже находились такие люди.

— А белконтйцы — они тоже промышляли живым товаром? — спросил Коул, сердито вороша свои огненные волосы.

— Белконтй тогда была совсем молодой колонией... Ну, так вот — эти набеги на наши леса были единственной «помощью», которую мы получили извне. У нас не было сил, чтобы сражаться со стомперами, не говоря уже о работорговцах-рейдерах. К этому времени, однако, уже был организован Галактический Патруль, и адмирал сектора согласился выделить один сторожевой корабль, который должен был находиться на орбите и оберегать нас от непрошенных гостей. Мы порвали все контакты с внешним миром, кроме Тристана; Патруль дал добро на существование лишь одной грузовой линии для ведения нашей внешней торговли. Именно в те времена мы стали ненавидеть другие планеты. В нашей истории это носит название — Отвращение. Ну, а теперь мы сами забыты, почти миф. Патрульный корабль ушел с орбиты еще двести лет назад. Но мы все помним.

— Мистер Бидграсс, — сказал Коул, — с той поры многое в секторе Карины переменилось...

Бидграсс поднял руку.

— Я знаю, знаю, мой мальчик. Именно поэтому вы здесь, именно поэтому я решил поделиться с вами страницами нашей истории. Но я еще не кончил... В начале пятого века мы решили сообща покончить со стомперами и два десятилетия потратили на уничтожение тех пород скота, которые служили им пищей. С этим делом мы справились, но стомперы отступили в леса на юге и западе; оттуда они совершают набеги на наши равнины. Причем, заметьте, вовсе не затем, чтобы убивать нас, а для того, чтобы утащить в лес нормальных или полудиких людей — для поддержания поголовья того человеческого стада, которое пасется в гуще леса, на развод, если угодно. Крыло стомпера более гибкое, чем рука человека. Некоторые из этих тварей способны ухватить подюжины мужчин и женщин и пробегать за день тысячу миль. В лесу есть странные грибы, от которых человек становится вялым и за неделю теряет разум. Никто из похищенных стомперами не сумел выбраться из леса и вернуться назад... И так продолжалось, заметьте, юноша, не годы — века! Мы выжили из своих укрепленных городов и охотничьих лагерей и, как волки, рыскали вдоль кромки леса. Стомперы должны откладывать яйца в прямом солнечном свете, и это заставляет их выбираться из чащи туда, где мы их можем достать — на поляны, на открытые взгорья, на лесную опушку. Мы убиваем их там, где увидим... И еще. Нам удалось установить, что ритм жизни стомперов определяется четырьмя лунами. Когда три из них образуют в небе длинный треугольник, стомперы группами устремляются на открытое пространство — там они дерутся, поют и танцуют. Такое случается раз в три месяца и длится несколько дней. В прежние времена именно на эти периоды приходилась наибольшая активность наших охотников, убивавших их. Люди называют такую конфигурацию трех лун «Девичьим домом» — считается, что эти луны — женского рода.

Коул сделал энергичный жест:

— Понятно! На любой планете, имеющей луну, лунные циклы порождают загадочные явления.

— И это нас спасает, хвала Моруэнне! Но в лунных циклах кроется и страшная опасность для обитателей Нью-Корнуолла. С периодичностью в шестьдесят два года мы переживаем время, называемое Ночами Хогги Дарна, когда красная луна проходит через Девичий дом и стомперы становятся безумными, просто сатанеют. В 434-м году это застало нас врасплох, и ньюкорнуоллское население уменьшилось более чем на три четверти! Это была страшная неделя, которую мы запомнили как Великий Урон. Люди отступили обратно к Кар Труро, а стомперы на десятилетия овладели равнинами. Они похищали людей прямо с улиц Кар Труро; то было Темное Время...

Лицо старика омрачилось, он скорбно вздохнул и ссутулился. Коул хотел было что-то сказать, но Бидграсс снова подался вперед, и в голосе его послышалась энергия ярости.

— Мы собрались с силами и вернулись на равнины. Мы атаковали их с воздуха, уничтожили во множестве в Девичьи ночи, когда стомперы выходили из своих укрытий. Мы теснили их с равнин, преследовали вдоль кромки леса, на полянах и безлесных высотах — там, где они откладывали свои яйца. А яйца... мы собирали их везде, где только могли найти. Стомперы отчаянно их защищали, мы несли потери, но боролись... В общем, мы построили свою стратегию на использовании лунного цикла и выгнали противника из южного леса, оттеснив его на запад. Затем мы загнули стомперов на полуостров Ланди; там они и нашли свое убежище. В вашем возрасте я сражался с ними в нескольких милях к востоку отсюда — это было во

время последних Ночей Хогги Дарна. Десятью годами позднее мы закончили строительство станции и барьера от моря до моря; континент наконец-то очистился от стомперов.

Коул передвинул свой стул в сторону — чтобы солнце не пекло голову.

— Не знаю даже, что сказать, — начал он, но Бидграсс остановил его, подняв руку.

— Я могу рассказать вам еще больше. К концу седьмого века регрессивные процессы в Кар Труро прекратились. Обстановка стабилизировалась, и мы перешли к выполнению программы исправления того, что с нами случилось за минувшее полтысячелетия. Сборщики яиц отлавливали на лесной опушке диких людей-гигантов. Кстати, они и сейчас еще попадаются. Но некоторых уже не спасти, и их убивают. Поначалу мы обходились с лесным народом, как с животными, но затем выяснилось, что они могут быть обучены работе на полях. Ведь у нас очень мало машин — кроме боевых, разумеется. Их дети, посаженные на земную диету, постепенно прогрессируют, становясь нормальными — медленно, конечно! — по размерам и умственным способностям. Четвертое-пятое поколения уже настолько нормальны, что могут принимать участие в войне. Но война продолжается все время, и мы не можем выделить достаточное количество нормальных людей для восстановительных работ... В любом случае, сейчас экс-дикари составляют более половины населения Нью-Корнуолла — я имею в виду нормальное население. Их около сорока тысяч, этих бывших дикарей. А еще примерно тысяча сто проживают вокруг Кар Труро, где проходит исправительный процесс. Экс-дикари — чудаковатые, даже поэтически настроенные существа. Главным образом благодаря им распространяется новый вид религии, которая представляет собой диковинную смесь поэзии и пророчества. Как бы там ни было, но эта религия — плод жизни бывших дикарей. Мне кажется, я и сам изрядно верю в здешнюю мифологию, да даже и вы можете поверить в нее — хотя бы отчасти.

Коул заинтересованно зашевелился и подвинул стул ближе к столу.

— Да-да, у меня есть основания предполагать, что и вы можете разделить здешние религиозные взгляды, — продолжал Бидграсс. — Ведь вы совсем недавно рассказывали мне о совокупном организме, о критической биомассе — и в ваших глазах горел огонь. А мы... мы говорим о Праотец-Стомпере, которого все время стараемся убить. Потому что он пытается поработить Праотца-Человека. Весь смысл, все значение человеческой жизни заключены в том, чтобы убить Праотца-Стомпера и выволочь Праотца-Человека из лесного плена. Так думают экс-дикари. Если бы вы слышали, как Морган поет об этом, у вас не осталось бы и капли сомнения в глубине их веры, мой мальчик.

— Пожалуй, я и не сомневаюсь. Теперь, кажется, я понимаю Моргана. Он ведь бывший дикарь?

— Да, он из этих. Морган — наш главный бард. Придет время, и он добьется большей власти, чем я. Коул приподнялся.

— Может, стоит задвинуть шторы? Солнце пригревает немилосердно...

— Не возражаю, — отозвался Бидграсс, тоже вставая из-за стола. — Наш кофе остыл. Пойду, распоряджусь, чтобы принесли свежесваренного...

Сидя в зашторенной комнате, Бидграсс заканчивал свое повествование:

— Осталось буквально два слова. После того, как был построен барьер, Праотец-Стомпер научился рассчитывать время, когда можно нанести нам удар из-за стены. Не надо смеяться! Сами по себе отдельные стомперы, как нам известно, не имеют интеллекта и не используют в общении между собой никакие знаки. Но с тех пор, как мы загнали их в лес, они сильно

изменились. Сумели же они приступить к этому ужасному виду животноводства — людодовству... тьфу, не знаю, как это назвать! И еще кое-что отличает их от безмозглых тварей...

— Я вовсе не смеюсь, — стал оправдываться Коул. — Тут нечему смеяться. Все, о чем вы говорите — серьезная информация с точки зрения науки. Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, они начали класть свои яйца у самого барьера и больше не пытались их охранять. Мы каждый день подбирали сотни, тысячи яиц. Люди стали думать, в чем тут дело — и решили, что Праотец-Стомпер хочет заключить мир и начал платить нам что-то вроде дани, скорее даже — выкуп за полуостров. Кто знает, может быть, так оно и есть. Но мы по-прежнему плевали ему на клюв — исправно забирали присосимую дань у барьера, а одновременно не брезговали прихватить каждое яйцо, что попадалось нам на глаза в любом другом месте. Да еще и убивали всех замеченных стомперов... И вот тогда, я думаю, Праотец-Стомпер понял, что мы намерены воевать насмерть. Он стал биться, как никогда. Если прежде стомпер, захватив сборщика яиц, уносил его на сотню миль в глубь леса и там отпускал, то теперь эти дьяволы стали убивать людей на месте. Стомперы принялись устраивать массовые атаки на станцию; при этом они никого не берут в плен — они приходят только затем, чтобы убивать! Это продолжается уже сорок лет...

Тон Бидграсса изменился — ярость исчезла постепенно, ее сменила торжественная речь. Старик сидел прямо, точно аршин проглотил.

— Полуостров Ланди занимает окояло восьмисот тысяч квадратных миль. Никто не знает, что творится на этом огромном пространстве — возможно, там обитают миллионы диких людей и бесчисленные тысячи стомперов. Но я знал, знал еще до того, как вы разъяснили мне свои идеи насчет критической биомассы, я догадывался — Праотец-Стомпер стоит на пороге смерти. Он правил этой планетой миллионы лет, затем почти тысячу лет сражался за нее с человеком, однако его время безвозвратно прошло. Не смейся, юноша, я сейчас скажу кое-что. Вековые представления, слепая вера экс-дикарей и полудикарей рождают у них странные мысли. Они вбили себе в голову, что я и есть Праотец-Человек, ну, может быть, не совсем Праотец, а его представитель или исполняющий обязанности. Это не так уж важно. Важно другое — люди всерьез верят, что их силаливается в меня и что придет время, когда... В общем, я знаю одно: когда наступит пора Ночей Хогги Дарна, я должен буду убить Праотца-Стомпера — и тогда великая война закончится. До срока осталось всего восемь недель.

— Я буду сражаться бок о бок с вами, Праотец... мистер Бидграсс!

— Приветствую ваше решение, мой мальчик! Да, вам придется сражаться, чтобы исправить свою ошибку. Ваша жизнь заложена — вы на подозрении у экс-дикарей. Вам придется выкупать свою жизнь...

— Это еще почему? — Коул привстал, но Бидграсс жестом усадил его на место.

— А как вы считаете, мой мальчик? Веками на населенных планетах обеспеченные и влиятельные люди поедали на дорогих банкетах вот эти самые яйца стомперов. Сейчас вам известно, чем питаются сами стомперы. Человеческим мясом! И что же должны подумывать о нас эти люди, когда узнают, чем питаются стомперы?

— Что подумают?... Ну, человек тоже может служить для кого-то продуктом — так устроена природа. Наша плоть в биохимическом плане не отличается от того, из чего сделаны свинья или курица. Человек стоит с ними в одной цепочке, да и сам он питается теми, кто поедает кого-то еще... а уж кого поедают эти «кто-то еще» — о том лучше не думать. Так что будь

я проклят, если люди задумываются над тем, что едят!

— Биохимическая цепочка? Я думаю, мир населен не только экологами. Вы меня понимаете?

Появилась огромная служанка с дымящимся кофейником и чистыми чашками. Бидграсс принялся разливать кофе; затем они молча пили обжигающий губы напиток маленькими глотками. Спустя какое-то время Бидграсс медленно сказал:

— Знаете, как ньюкорнуоллцы называют инопланетян? Людоеды! Веками у нас складывалось ощущение, будто мы продаем иным мирам свое собственное, человеческое мясо — в обмен на оружие, с помощью которого должны освободить Праотца-Человека.

Он встал, возвышаясь над Коулом, и сказал неожиданно низким голосом:

— Все это оставило зарубки в наших мозгах: вина, чувство вины — за то, что делаем инопланетян ничего не подозревающими каннибалами; ненависть — за то, что инопланетяне не оставили нам другого выхода. И стыд, юноша, глубокий-глубокий стыд, перерастающий человека — за то, что наши собраты деградировали до такой степени, что превратились в наших лесах в мясных животных, перекочевывая отсюда на пышные столы богачей других планет... Вот возьмем Моргана — он нормален во втором поколении; его отец пал рядом со мной в последнюю Ночь Хогги Дарна. Если Морган узнает, что вы в курсе наших проблем, он убьет вас, не задумываясь, и даже я не смогу остановить его. Теперь понимаете, почему мы ожидали вас только со следующим рейсом «Горбэлса»? Чувствуете, в какой ад вы попали?

Коул кивнул и потер подбородок.

— Да, конечно. Но я не чувствую неприязни к Моргану — наоборот, он мне даже чем-то симпатичен... На Белконти живут совсем другие люди, они пресыщены и постоянно ищут, чем бы возбудить в себе аппетит. Рассказанное вами вызывает во мне чувство гордости за то, что я — человек. Прежде я даже не задумывался над этим... Я закончу свой отчет в прежнем духе и введу в заблуждение университет Белконти. Это будет обман с чистым сердцем. Может ли Морган это понять?

— Может. Но убьет вас в любом случае. Потому что вы-то знаете. И при всем вашем желании не сумеете забыть об этом.

Коул безнадежно взглянул на Бидграсса.

— Значит — пропадать?

— Стоп, стоп! Есть один выход, — сказал Бидграсс, садясь на место. — Наши предсказатели уверены, что в человеческих душах после смерти Праотца-Стомпера многое изменится. Они говорят о радости, счастье, любви, доброте... Морган дал согласие на ваш приезд сюда — он хочет скрыть все концы нашей войны со стомперами как можно надежнее и полностью разделяет мой план. Ну, а в эру добрых чувств он, конечно, отнесется к вам благосклонно.

— Хотелось бы надеяться, — буркнул Коул. — Но Морган странный тип. Почему Пайя боится его?

— Я объясню вам это, мой мальчик, — для того, чтобы вы лучше оценили грозящую вам опасность... Очень немногие из нас получили образование на Тристане. Двадцать три года назад мой младший брат увез туда свою дочь — мою племянницу Флэду. Она сбежала и вышла замуж за тристанийца Ральфа Вигноли. Ее отец погнался за ними, чтобы вернуть их и заставить жить по нашим законам, но Ральф поклялся не разглашать ту малую часть нашей тайны, которая была ему известна. Однако экс-дикари Нью-Корнуолла захотели, чтобы Ральф Вигноли приехал сюда — так он «сохранит тайну надежнее». Но Вигноли отказался, и в конце концов они направили на Тристан человека, который должен был покончить с ним. Мой брат пытался отговорить их и сам был за это убит. И тогда я предложил компромисс: надо уговорить Ральфа

переселиться на Нью-Корнуолл ради его жены и дочери. Пайе в то время было семь лет... Ральф был хорошим человеком и отважно вел себя в сражениях, но два года назад Морган со своими сторонниками явился в мой дом, когда я отсутствовал; они увели Ральфа с собой, а потом доставили на поляну в лесу Ланди, где стомперы часто откладывали яйца. Там они раздели его догола, забрали одежду и убрался восвояси. Зачем раздели? Для того, чтобы стомперы не убили его сразу, приняв за сборщика яиц, Морган хотел, чтобы стомперы унесли его в лес, как они поступают с заблудившимися дикарями, и использовали для пополнения человеческого стада. Потом он заявил, что во сне ему было видение и голос, звучащий в мозгу, велел поступить с Ральфом именно таким образом... Я думаю, Пайя ощущает комплекс вины за смерть отца. Мне пришлось видеть, как она избегает Моргана — ей кажется, что он думает о ней, о ее тристанийской крови...

— Бедная Пайя, — с чувством сказал Коул. — Годы несчастья и страха...

— Все это кончится, когда наступят Ночи Хогги Дарна. Морзуэнна подарит избавление. Так что не дайте ей возможности горевать о вашей смерти, мальчик мой. Оставайтесь дома и никуда не выходите.

Бидграсс встал и допил кофе, стоя.

— Мне пора идти. Я уже опаздываю, — пояснил он, и его голос звучал жизнерадостнее, чем обычно. — У меня встреча с генералом Арскотом, нашим военачальником, которого вы скоро увидите.

И он вышел прочь. Коул тоже направился к двери, борясь с нахлынувшим на него желанием поскорее увидеть Пайю.

В последующие дни Коул столовался с семьей Бидграсса — за исключением тех случаев, когда Гарту приходили гости, которым старик не доверял. Двери, что вели в главный дом, больше не запирались, и эколог нередко встречал Пайю, но она отстранялась и исчезала — это было для него не совсем объяснимо. Впрочем, Коул, занятый составлением отчета для университета Белконти, не имел времени задавать себе вопросы, на которые все равно не смог бы дать ответа. А работал он вдохновенно — приходилось выдумывать огромное количество статистических данных, цитировать десятки несуществующих ньюкорнуоллских авторитетов. К подлинным данным, касавшимся определения того факта, что биомасса Праотца-Стомпера достигла критической отметки, Коул добавлял взятые с потолка характеристики климата, ареала распространения, продолжительности жизни и плодовитости вида, используя индекс Рухана, чтобы получить более-менее правдоподобные цифры. Затем он сотворил полевые отчеты за последние пятьдесят лет, причем вычерченные им графики показывали, что критические явления в популяции стомперов проявились за десять лет до его прибытия на Нью-Корнуолл. Позднейший полевой отчет стараниями Коула отражал бедственное положение вида — биомасса составляет сорок два процента от критической. Он ввел такие цифры, которые не оставляли сомнений — кривая численности стомперов неумолимо стремится к нулю, и если дело пойдет подобным образом и дальше, то через двенадцать лет на планете не останется ни одного стомпера.

Сердце Коула сжималось при мысли о том, что он может где-то зевнуть и в отчет прокрадется цифра, прямо противоположная планируемому результату — тогда все его построения развалятся. Его обман должен представлять собой произведение искусства — ведь от этого зависит, быть или не быть ему доктором. Шутка ли — его домыслы попадут на страницы журналов и в информационные сообщения по всему сектору. Ведь планетарные экологические катастрофы случаются не каждый день!

Он заканчивал работу ночью, сидя в библиотеке. Пайя принесла ему молоко и булочки, а сама присела рядом, слушая, как он объясняет ей то, чем занят.

— На самом деле,— разъяснил Коул девушке, одновременно стараясь убедить собственную совесть ученого, проснувшуюся и протестовавшую против фальсифицирования,— на самом деле, это люди Нью-Корнуолла — биологический вид, которому угрожает опасность. Тайна здешних жителей должна быть похоронена навсегда.

— Да,— рассудительно согласилась она.— По-моему, если сектор узнает обо всем, экс-дикари просто умрут от ярости и стыда. Быть диким не так плохо, как кажется на первый взгляд, но это уже другое дело.

Она вздрогнула всем телом, словно вдруг почувствовала холод сквозящее свое серое платье.

— Пайя, иногда мне кажется, что ты меня сторонись. Но сейчас, я уверен, между нами все в порядке, не так ли?

Она грустно улыбнулась.

— Я могу навлечь на тебя неприятности — вспомни Моргана. Мой отец прибыл сюда из-за меня...

— Но я-то — нет. И думаю, что могу остаться здесь... отчасти из-за тебя. Просто ты так долго боялась, что страх стал для тебя привычным состоянием.

— Странно, Флинтер, но я больше не испытываю страха. Меня ничто не заставляет убегать, а то чувство, которое заменило страх — это, скорее, печаль. И потом еще мои старые сны... будто Морган приходит за мной... Они мне снова снятся. Каждую ночь я вижу их.

— Морган! Всюду Морган!

Она, слабо улыбувшись, покачала головой.

— Он обладает загадочной темной силой. Он похож только на самого себя. И еще на стомпера... Я ощущаю не ненависть, даже не страх... а какое-то отвращение.

Он взял ее за руку, но девушка высвободила ее и продохнула:

— Одна старая песня никак не идет из моей головы. В ней — пророчество. Оно гласит: Праотец-Стомпер не будет убит до тех пор, пока сердце хотя бы одного жителя планеты гонит по жилам кровь иных миров. Я чувствую себя собственным врагом... и твоим врагом тоже. Никуда не выходи до прихода «Горбэлас», Флинтер, и держись от меня подальше!

Он стал успокаивать Пайю, правда, безрезультатно. Когда они расставались, он с чувством сказал: «Забудь эти глупые пророчества, Пайя. Я охраняю тебя!» Честно говоря, он и сам не знал, каким образом сможет ее защитить.

Коул сидел рядом с Пайей за накрытым к ужину столом. Напротив расположился генерал Арскот, крупный розовощекий мужчина средних лет.

— Это старая и проверенная стратегия, мистер Коул,— объяснял он.— Когда настанут Ночи Хогги Дарна, мы примемся беспокоить противника с воздуха, нападая на все открытые пространства в лесу Ланди. Возьмем под обстрел все четырнадцать таких участков, кроме одного — этот единственный называется Нагорьем Эмрис и имеет как раз подходящие размеры. Стомперы соберутся именно в этом месте, с каждой ночью их будет на Нагорье Эмрис все больше и больше. А когда наступит Последняя Ночь и безумие достигнет пика, мы высадим десант, включив в него всех мужчин и женщин, способных носить оружие. И будем убивать! Наверное, мы ещё немало лет будем охотиться за теми, кто уцелеет в эту Последнюю Ночь, но их Праотец должен погибнуть.

— А зачем высаживаться на землю? Почему не перебить их с воздуха?

— На земле мы развернем гораздо большую огневую мощь по сравнению с тем, что имеем в воздухе,

У меня всего девяносто четыре исправных флайера. Их боевые возможности недостаточны для Последней Ночи. Зато они могут за час-два перебросить к Нагорью двадцать тысяч бойцов!

— За час-два? Не слишком ли быстро? — Коул отложил свою вилку.— Как вы сумеете это организовать?

— Люди будут готовы к переброске и будут ожидать прилета флайеров на специальных площадках, которые мы уже оборудуем на вершинах, что находятся у окраины леса. Там сейчас строятся полевые оружейные склады. В первые же дни уничтожения стомперов мы перевезем туда бойцов.

— Морган навестит каждую боевую группу и своими песнями напомнит людям о нашей много страдальной истории,— подал голос Бидграсс, сидевший во главе стола.— На исходе последнего дня, когда взойдет Хогги Дарн, на вершине состоится священная трапеза. Люди отведают угощение из яиц стомперов — ни до, ни после ньюкорнуоллцы не будут есть эту роковую пищу. Только с наступлением Последней Ночи. Только один раз!

Миссис Вигноли опустила глаза. Арскот удивленно воскликнул:

— Гарт!

— Молодой человек должен знать об этом; он отужинает в Последнюю Ночь вместе с нами,— Бидграсс был непреклонен.— Послушайте меня, мой мальчик, Арскот сказал вам не всю правду. Мы будем убивать стомперов на земле в первую очередь потому, что людям необходимо собственноручно, без всяких там флайеров перебить эту гадость. Человеческие ноги должны ступать по земле. Так, по крайней мере, поется в наших балладах, которые живописуют эту последнюю великую битву. И я сам, слышите — сам! — должен покончить с Праотцем-Стомпером.

Коул повертел в руке нож, а потом сказала:

— Но ведь это же всего лишь поэтическая метафора. Образ, так сказать. Тотемный символ...

— Наш народ искренне верит в то, что за барьером, в глубине леса живет тот, кто как бы является антиподом нашего Гарта. Главный стомпер. Он и есть тот самый Праотец,— возразил Коулу генерал.— Дело в том, дорогой ученый, что стомперы, которых мы уничтожаем — как правило, женского пола. Мужские особи куда мельче, с белым хохолком, и они тщательно берегут себя, скрываясь в самой глубине леса. Только в период Ночей Хогги Дарна они выходят оттуда. Кто знает, может быть, безумие, которое их охватывает в эту пору — всего лишь брачное возбуждение. Черт их разберет... В общем, Гарт обязан найти самого крупного самца, которого только удастся обнаружить, и прикончить его. Люди, да и сам Гарт, ну, и я не исключение — все мы поверим тогда, что злокозненный Праотец-Стомпер издох.

Генерал отхлебнул воды из бокала и холодно глянул на Коула сквозь стекла очков. Коул посмотрел на Пайю, которая, казалось, погрузилась в собственные мысли и витала где-то далеко отсюда.

— Я понял. Это символ,— согласился он.

— А чем он хуже реальности? — едко осведомился Арскот.— Символы — они тоже что-то значат. Они существуют. Взять хотя бы Гарта — он ведь здесь тоже как бы символ. И поэтому он, как бы стар ни был, должен очутиться в самой гуще всей заварушки. Старина Бидграсс — наш флаг, сродни военным флагам романтической докосмической эры. И вообще, людям не раз доводилось видеть Праотца-Стомпера. Я не суверен, мистер Коул, но...

Коул успокаивающе поднял руку.

— Я знаю, что вы не суверены, генерал. Простите, если я дал повод усомниться в этом.

— Давайте выпьем вина,— предложил Бидграсс, откинувшись на спинку стула.— Посидим в гостиной, а Пайя может что-нибудь спеть для нас...

Когда генерал Арскот собрался уходить и пожелал

всем доброй ночи, он тихо сказал Коулу, чтобы тот не беспокоился о своей безопасности — главный дом будет надежно охраняться все время, пока Гарт Бидграсс, уезжающий в Кар Труро, будет отсутствовать.

— Я сам сказал бы вам и Пайе о том, что намерен уехать, — вмещался Бидграсс, — но только хотел сделать это утром. Мы с генералом должны навестить в Кар Труро. Там есть горячие головы, которые добиваются чести участвовать в сражении, но, увы, им придется остаться на месте. Начались ссоры и разногласия между теми, кто будет драться, и теми, кто должен обеспечивать тыл... Мы проведем в столице только два дня...

Весь день Коул ощущал тяжесть на сердце. Большую часть времени он потратил на сочинение писем. Он подготовил сопроводительное письмо к своему отчету и все-таки составил заявление об уходе из научного штата университета. Затем написал личные письма, адресованные дяде и немногочисленным друзьям. После обеда он закончил официальную документацию и положил заверенный отчет на стол Бидграсса. Потом отправился к себе и крепко заснул.

Проснулся он оттого, что кто-то неистово тряс его за плечи. Это была Пайя.

— Быстро одевайся, Флинтёр. Сейчас идет смена караула у ворот, торопись — у нас не остается времени!

Она отвернулась, пока он одевался, и смотрела в окна холла; когда Коул был готов, девушка нервно вскричала:

— Быстрее, милый! Морган идет через сад со своими людьми. Следуй за мною!

Она устремилась на кухню; оттуда они через оконце кладовой выбрались в сад и подбежали к стене в том месте, где росло цветущее дерево, тень от которого падала на стену.

— Это испытанный способ удраить незамеченными, — шепнула она. — Стража не видит нас. Я узнала это, еще когда была девчонкой. Шевелись, Флинтёр, шевелись!

По ту сторону садовой ограды была неровная земля, далее виднелась дорога, еще дальше — большое капустное поле, а за ним — барьер. Эннис неярко светила голубоватым светом в безоблачном небе. Они промчались по полю, высоко подпрыгивая, а вслед им неслись крики.

Пайя быстро отыскала узкую щель между двумя деревянными балками и мгновенно протиснулась наружу. Коул с трудом последовал ее примеру, изрядно ободрав кожу с плеч.

— Эту дыру я тоже нашла, когда была маленькой, — пояснила Пайя. — Надо было бы потихоньку расширять ее — ведь я росла. Но, к счастью, мы сумели пролезть. Зато Моруэнна подсказывает мне, что те, кто гонится за нами, слишком велики для того, чтобы выбраться через нашу щель.

— Уж Морган-то точно сюда не протиснется, будь уверена, — сказал Коул, глядя пострадавшие плечи. — Слушай, Пайя, я терпеть не могу бегать!

— Но мы должны еще бежать. Мой прежний план заключался в том, чтобы переждать здесь, оставаясь незамеченными, но они засеки нас и перелетят стену на флайерах. Нам придется спрятаться в лесу, где-нибудь поближе к опушке, пока дядя Гарт не вернется.

Она вытащила откуда-то корзину.

— Провизия, — сообщила она. — Видишь, я обо всем позаботилась еще прошлой ночью!

Коул подхватил корзину, и они пустились бегом, скрываемые выше пояса густо разросшимися кустарником и диковинными грибами огромных размеров.

Флайеры сновали над барьером, высвечивая его прожекторами; иные из них низко зависли над пустошью, по которой совсем недавно из последних сил

бежали Пайя и Коул. А беглецы, одолев примерно полмили, расположились под деревьями близ лесной опушки. Спать им не хотелось.

Один раз он поинтересовался у спутницы:

— А как насчет стомперов?

Она тихо ответила:

— У них есть неплохая возможность добыть сразу два трофея. Уверена, Морган думает, что так и произойдет.

Наступил день. В солнечном свете они увидели в воздухе четыре патрульных флайера — вместо обычного одного. За спинами беглецов росли черноватосерые деревья с корой, глубоко изрезанной морщинами. Их стволы достигали восьми футов в диаметре и поднимались вверх, не выбрасывая веток, на много сотен футов. Там, наверху, из стволов вырастали ветви, на которых, в свою очередь, удобно устроились растения-эпифиты; весь этот гигантский разноцветный купол колыхался под ветром высоко над головами людей.

Пайя открыла корзину с едой, и они позавтракали, сидя на поросшем травой бугорке. Коул обратил внимание на то, что девушка одета в ее лучшее коричневое платье, и заметил на ее ногах новые красные туфли. Пайя молчала — казалось, она была в трансе.

Коул вспомнил их славный пикник на лесной вершине, их таинственный прекрасный остров, и его сердце разволновалось. Он увидел, что корзинка с едой — та самая, что была в пакете, который они брали с собой, отправляясь в прогулку на флайере. Но поделиться своими чувствами с девушкой он не решился.

Изредка они переговаривались о каких-то пустяковых вещах, а потом надолго замолкали. Коул взял девушку за руку, и она не сопротивлялась. Лишь однажды, подбадривая себя, Пайя вспомнила о том, что завтра должен вернуться Гарт Бидграсс. Он отыщет их...

Прошло еще какое-то время, и вдруг Пайя, прерывисто дыша, схватила Коула за руку, указывая куда-то. Он стал послушно всматриваться в кусты и не сразу заметил разорванные очертания (мешали ветки) в целую фигуру. Там, за кустами, был стомпер, и он нервно вертел головой!

— Он учул нас! — прошептала Пайя. — Прости меня, Флинтёр, дорогой! Снимай одежду, быстрее!

Сама она мгновенно сбросила платье и спрятала его в траве. Коул тоже разделся; ужас покалывал его кожу — он хорошо помнил, о чем ему рассказывал Бидграсс. Стомпер двинулся в их сторону, хрустя ветками, но вновь остановился.

Мужчина и девушка, дрожа, опустили на колени около красно-оранжевого гриба. Пайя отломала кусок грибной мякоти и велела Коулу сделать то же самое.

— Когда он подойдет, притворись, что ешь это! — выдохнула она почти неслышно. — Не смотри вверх и не говори ни слова! Моруэнна, пребудь с нами!

Тень стомпера упала на их спины. Коул почувствовал, как похолодела кожа, и с ужасом ощутил, что по спине ручьями струится пот. Он украдкой глянул на Пайю — она побледнела, но вела себя без напряжения, разжевывая гриб с громким чавканьем. Поймав его взгляд, она тихонько клацнула зубами, и Коул понял, что это знак. Он принялся есть.

Стомпер приподнял его своим правым крылом. Ощущение Коула было такое, словно два больших сильных пальца, спрятанных в варежку, ухватили его и вознесли над землей примерно на три человеческих роста. Он увидел клюв, затем глаз, и собственный взгляд его затуманился от страха.

Помедлив, стомпер вновь опустил правое крыло, подцепив еще и розовое девичье тело, безмятежно присмыкавшееся внизу. Чудовище затвердело Пайю лицом к Коулу и моментально поднесло их обоих к своему клюву; человеческие глаза встретились с трюгальным оком стомпера.



Девушка чуть улыбнулась, и ее безнадежный взгляд передал Коулу то, что она хотела сказать: «Прости меня» и «Прощай, Флинтер!» Его глаза вылезли из орбит: «Нет! Нет! Я не хочу так!»

Пленившая их двупалая рукавица внезапно превратилась в девятипалую, и пленники погрузились в темноту. Ничего не видя, они, тем не менее, по покачиванию и потряхиванию догадывались — стомпер несет их в глубь леса Ланди. Крыло было гладким и теплым, но отнюдь не мягким. Оно пахло корицей и сандаловым деревом; от этого аромата Коул лишился чувств...

Очнувшись, он попал в фантастический сон. Светящиеся поверхности выростали вокруг, уходя вверх и теряясь там во мраке; меж ними выселились темные колонны. Губчатая земля, на которой он лежал, источала голубоватый свет. Сзади и справа, рукой подать, его обступали необычные грибы, поднимавшиеся в темноту; похоже было, что все это множество грибов самых причудливых форм произрастало в некоем определенном порядке.

Коул поднялся на ноги. Он был один.

Перебравшись через толстый корень, выступавший из земли под углом, Коул увидел Пайю. Она лежала, не шевелясь; он позвал ее по имени, и она легко встала и подошла к нему. Круглое лицо, пухлые руки, высокая упругая грудь, покачивающиеся бедра — ведь это его женщина! Они обнялись без тени стыда, и она зарыдала, благодаря Морзуэнну.

— Вот мы и в лесу. Лесной народ,— улыбнулся Коул.— Какие будут указания?

— Мы должны есть только споры белых грибов — по крайней мере это не так опасно. Нам придется безостановочно двигаться — бродить, бродить, бродить, чтобы мы постоянно чувствовали усталость и голод. Запомни — мы будем играть в открытую, искренне, по-настоящему. Иначе...

— Мы будем жить,— сказал Коул.— Выберемся отсюда и будем жить среди нормальных людей, сохранив свой разум. Постараемся держаться прямой линии, будем отмечать отклонения, когда придется обходить препятствия. Верь мне — все равно мы выберемся.

— Я пойду за тобой до конца. Быть может, Морзуэнна спасет нас!

И началось какое-то сказочное путешествие. Они еле успевали переводить дух, карабкаясь через узловатые корни и сучья. Вся корневая система, вся эта древесная плоть, похоже, была сплавлена, перемешана и составляла единый организм, невообразимо огромный и живой; он был пронизан множеством стволов, растворявшихся в бесконечной темноте. Размышлять не было времени. Освещенное пространство дрожало, напоминая наполненный светом пузырь, и люди двигались — вперед и вперед. Мужчина прокладывал путь, а женщина старалась не отставать.

...Мужчина попробовал перелезть через оказавшийся на дороге белесый корень странно правильной формы. Он лежал перед ними, вздымаясь выше головы человека, и стал неожиданно корчиться, когда мужчина ринулся на штурм. Глянув вдоль ствола, люди увидели, что имеют дело с гигантской змеей, которая устала на них немигающим взглядом светящихся глаз. Мужчина попятился назад, отталкивая женщину прочь от чудовища, а монстр между тем распахнул свою пасть, открыв человеческому взору зубы невиданных размеров — даже не зубы, а тупые ножи и могучие жернова. Эти ножи вонзились в тело большого гриба и принялись рвать его на куски. Мужчина и женщина бросились прочь.

Их силы таяли. Женщина осела на землю, и мужчина, тяжело дыша, обернулся к ней. В этот самый миг свет, струившийся вокруг, погас. Голубая почва стала вдруг черной, а светящиеся панели померкли.

— Это ночь. Будем спать? — спросил он.

— Наоборот, наступил день,— возразила женщина, указав рукой вверх.

Он задрал голову. Там, в вышине, в сумраке среди лиан, образовавших темный полог, слабо угадывалось мерцание света. Создавалось впечатление, что высоко над головами людей клубится чуть подсвеченный опаловый туман; линии стволов, параллельно уходящие вверх, терялись в этой загадочной дымке.

— Дневной свет гасит светящиеся грибы,— объяснила она.

— Тогда будем спать, а потом двинемся вперед. Тут можно отыскать что-нибудь съедобное?

— Нет. Мы должны ложиться спать натошак — зато будем знать, что точно проснемся.

Отognaв усталость, они приняли искать место для ночлега. Найдя трещину в огромном стволе, они улеглись рядом и крепко заснули.

Мужчина проснулся — кошмар, в котором они очутились, продолжался. В рощице высоких белых грибов им удалось набрать полные пригоршни черных спор — их пришлось выгребать из щелей, похожих на жабры. Эти споры были размером с дробь для охоты на птиц и оказались приятны на вкус, напоминая орехи.

Силы прибывали. Значит, споры не ядовиты... День увядал, уступая место ночи, и здесь, внизу, грибы вновь начали озарять землю мертвенным светом.

Они миновали выступ скалы, еще один, и еще — и спустились в неглубокий овраг, где обнаружили черный поток, образующий водопад. Когда они утолили жажду, мужчина решил:

— Пойдем по ручью. Так мы сумеем найти гору или холм с лысой вершиной.

Тут они услышали, как кто-то движется наверху, и застыли, не дыша. Над их головами быстро прошагал стомпер. На его макушке болтался белый гребень.

А затем они шли и шли, и усталость сменялась еще большей усталостью, и нетерпение теснило надежду. Они миновали диких людей. Медлительная и большая, словно статуя, женщина с мутным взглядом и желтыми волосами до пят мирно пережевывала пищу. Младенцы, размерами с четырехлетних нормальных детей, пощипывали пальцевидный гриб. Жуткое человекоподобное существо четырнадцатифутового роста, слишком толстое и тяжелое, чтобы стоять на ногах даже при здешней слабой гравитации, переползало от гриба к грибу. Мужчина так и не сумел определить, какого пола оно было.

И опять — вперед и вперед; сон, еда, дорога, вновь сон; мрак вверху или мрак внизу — время остановилось для них. Поток, вдоль которого они шагали, то исчезал, то снова выныривал из травы — и наконец вывел их к своему истоку: он бил ключом из-под огромной скалы. И там мужчина, выйдя на черную песчаную отмель, нашел человеческую кость длиной в половину его собственного роста — это было все, что осталось от бедра какого-то гиганта. Мужчина тщательно поместил ее песком, убирая сырую плесень. Отныне он был вооружен.

Они направились дальше — впереди мужчина с костью наготове, женщина следом. А потом они спали, обнявшись, все трое голые — мужчина, женщина и кость.

Иногда им попадались навстречу стомперы, и тогда они изображали из себя жвачных животных. Человек беззвучно молился: Господи, все или ничего! И в нем закипала ярость...

Кошмар продолжался, сопровождаясь появлением то змей, то страшных по размерам слизняков, то прекрасного телосложения огромных дикарей с бессмысленными лицами. Что же до толстых беспомощных человекоподобных существ, то мужчина установил, что когда-то они были людьми одного с ним пола. И он вспомнил, как где-то далеко-далеко, там, где время

имеет счет, голос Праотца-Человека твердил ему: «Некоторых уже не спасти, и их убивают».

Однажды их обогнал стомпер. Он умчался вперед, и оттуда донесся истошный человеческий крик. Кто-то кричал без слов, надрывно и истошно. Тогда мужчина решил отклониться от курса, чтобы не видеть того, что они могли увидеть, продолжая идти по прямой. Но ноги не послушались его, и он отбросил свое решение как ненужную мысль. И вот они вышли туда, где лежал мальчик, чей рост был выше, чем рост мужчины; но это был именно мальчик, безбородый, с дряблыми мышцами. Слезы капали из его тусклых глаз, а тело сочилось кровью многочисленных ран. И мужчина убил его своей большой костью, слыша голос, идущий издалека: «Некоторых уже не спасти, и их убивают». А ярость, пылавшая в нем, раскалилась добела.

Местность медленно поднималась выше и выше, тут и там виднелись скалы. Деревья становились все меньше и меньше; пространство между ними расширялось, и теперь стволы при свете дня были видны полностью. Когда мужчина и женщина увидели над собой голубое небо, они не смогли сдержать криков радости. Тем более, что вдаль виднелся безлесный горный хребет.

— Пайя, мы снова люди! — бормотал Коул. — Мы вернулись в свой мир. Я люблю тебя!

Опасаясь стомперов, они продвигались быстро, стремясь уйти как можно дальше от леса по вздымающейся к горам открытой равнине. Подъем делался все круче, почва — все более каменистой, и к вечеру они пересекли широкую вересковую пустошь, остановившись у скалистых отрогов хребта. Осмотрев отвесную каменную стену, они увидели пещеру, которая уходила в глубь скалы, словно туннель; размеры этого лаза были слишком малы для стомперов. Наконец-то они ощутили себя в безопасности...

— Несколько дней, — сказала девушка.

— Если этот хребет и есть Нагорье Эмрис, то Арскот просто поджарит нас в огненном тумане.

Она не возражала — это было действительно возможно.

Все больше и больше стомперов выбегали на поросшую вереском равнину. По ночам они бродили по ней, а из леса слышалось отдаленное пение. Девичьи луны наконец разместились так, что в небе повис большой равнобедренный треугольник, похожий на дом с острой крышей. Хогги Дарн коснулся его стороны, прежде чем Девичьи луны начали разбегаться. К югу и западу небо слабо порозовело.

— Огненный туман, — сказала Пайя. — Ночи ужаса начались. О, Флинтер, если это и в самом деле Нагорье Эмрис, то оно свершится...

— Что свершится?

— Ты скоро узнаешь... Я не должна ничего испортить...

Стомперы бегали по равнине весь день, поэтому Пайя и Коул не высовывались из своей пещеры. В небе появились флайеры. Разведка...

— Все ясно, Пайя. Это Нагорье Эмрис. Мне придется помочь ньюкорнуоллам в их страшном деле.

— О да, ты поможешь, Флинтер!

— И после всего этого я заберу тебя на Белконтти.

— Мы никогда не увидим Белконтти, Флинтер...

Странный взгляд девушки озадачил его. Он не смог вернуть ей бодрости даже с помощью поцелуев...

Наконец настала ночь, когда военная песнь стомперов достигла предельной громкости — как тогда, когда Коул впервые услышал эти жуткие звуки. Огненный туман вскипал над дальними горами, а в небе мелькали флайеры — они садились и вскоре опять взмывали вверх. Бластеры разрывали ночную тьму ионными вспышками. Хогги Дарн красновато мерцал на пороге Девичьего дома, почти добравшись до верх-

ней точки своего подъема — теперь он находился напротив Моруэнны по вертикали. Флайеры бластерами расчищали себе места для посадки, отгоняя стомперов, а затем быстро приземлялись, из них выскакивали люди и суетились вокруг, выкатывая и готовя к бою энергоустановки. Стрелки вступали в схватку, как только их ступни касались земли.

Мужчина в пещере встал и угрожающе взмахнул берцовой костью.

— Я должен идти туда и сражаться. Жди меня здесь.

— Я тоже должна идти, — уверенно сказала девушка.

— Да, ты должна, — сразу согласился он. — Пошли.

Стомперы мчались мимо них, перепрыгивая через их головы и совершенно не обращая внимания на мужчину и девушку. Сраженные бластерами монстры тяжело валились наземь по сторонам, бились в судорогах, щелкали клювами, но не трогали их. Бойцы Нью-Корнуолла опускали оружие, указывали на обнаженную пару и что-то беззвучно кричали друг другу в удивленные лица — пение стомперов покрывало их голоса, тонувшие в волнах всепоглощающего хора. А мужчина и девушка шествовали мимо них по полю сражения.

Они прошли невредимыми сквозь живой лес поющих и скачущих фигур, держась за руки. И держась за руки, они двигались через боевые порядки стрелков, которые расступались, чтобы пропустить их. Мужчина и девушка шли и шли, озаряемые сползающими установок Корбина, шли туда, где стоял худой мрачный старик, наблюдавший за их приближением.

Ощущение нереальности того, что творилось вокруг, оставило Коула.

— Праотец, выдай нам бластеры! — вскричал он. — Мы хотим драться!

— Мощь сокрыта в тебе самом, мой мальчик, и ты еще не догадываешься о ее размерах, — крикнул в ответ старик. — Встань здесь, возле Корбина. Время твоей битвы пока не пришло.

В свирепых глазах старика застыли непрошенные слезы.

Битва на вересковой пустоши разгоралась с неистовой яростью. Группки мужчин и женщин теснились вокруг установок Корбина, но эти остроконечные, изрыгающие огонь, начинали тонуть в грохотавшем со всех сторон море стомперов. Груды убитых и умирающих росли все выше и выше. Люди и стомперы прибывали и прибывали. Флайеры безостановочно сновали вверх-вниз, вываливая на землю новые десантные группы. Хогги Дарн набрался решимости и пересек порог Девичьего дома; леденящая душу военная песнь стомперов сотрясла небо.

Воспользовавшись тем, что натиск противника ослаб, к Корбину, у которого стояли Коул и Пайя, подбежал Морган — чтобы заменить бластер. Его лицо казалось маской, отлитой из железа, маской дикого восторга; глаза горели огнем.

— Морган, если мы оба останемся живы после всего этого, я убью тебя! — прокричал Коул.

— Нет, — прооркотал Морган. — Ты пробыл в лесу три недели и вышел оттуда! Три недели! У меня это заняло три столетия! Держи мою руку, брат по ярости!

— Да, брат по ярости, — чувство нереальности снова вернулось к Коулу, овладевая им сильнее, чем прежде. — Мне нужен бластер!

— Нет, брат по ярости, твой бой еще впереди! — Морган рванулся прочь, чтобы присоединиться к сражавшимся, которые стояли плечом к плечу в пятидесяти ярдах от Корбина, образуя живое кольцо. Оно сверкало смертоносными вспышками, отбрасывая назад стомперов, пытавшихся перескочить через огненную цепь внутрь круга.

Мужчина и девушка крепче стиснули руки друг друга и смотрели на бушевавшую вокруг них битву.

У соседнего островка человеческой боевой мощи возникли неприятности. Там, слева от Коула, стомперы концентрировали силы для главной атаки — они стягивались отовсюду, прекратив нападать на другие группы людей. Они напирали, перепрыгивая через обронявшихся, но атаквали не их, а энергоустановку — навалились на нее, сверху насакивали другие, и постепенно иссиня-фиолетовое свечение меркло, отгороженное от людей грудой огромных тел. Гигантский огненный цветок распустился над Корбином, и мощный взрыв разметал стомперов, освободив установку. Но она больше не светилась. Корбин погас.

— Они вывели установку из строя, — удивленно воскликнула Пайя. — Никогда раньше они не додумывались до такого! Остается надежда лишь на переносные аккумуляторы.

Да, стомперы применили новую тактику — вероятно, это было озарение, посетившее в предсмертный час Праотеца-Стомпера. Островки фиолетового света на вересковой пустоши гасли один за другим; пение стомперов звучало еще яростнее, чем прежде, но людям показалось, что громкость его уменьшилась.

Приближался черед мужчины и девушки. Пайя и Коул, пригнувшись, отступили подалеже от Корбина, укрываясь за каменной глыбой и громадами тел двух еще подергивавшихся стомперов. Когда Корбин потух, волна зловонного жара прокатилась над их головами. Повсюду сверкали вспышки пламени — уцелевшие бойцы отстреливались из ручных огнеметов, добывая тех стомперов, которые уже получили раны от бластеров. Люди торопились — они отыскивали в темноте переносные аккумуляторы и подключали к ним свои бластеры, чтобы вновь напитать их смертоносной энергией. Но их оставалось мало, очень мало — человеческого острова, тонувший в пронизываемом огненными росчерками мраке, таял с каждой минутой. Живое кольцо сокращалось — теперь оно составляло всего лишь тридцать футов в поперечнике.

Улучив момент, Бидграсс крикнул Моргану:

— Ничего, минутное торжество стоит им слишком дорого! Они платят цену, которая им не по карману... Эй, ты слышишь меня?

— Слышу, Старший по ярости, — откликнулся Морган. — Они скоро выдохнутся!

— Да. Арскот пускает огненный туман. Учти, им придется пройти здесь. А у меня остался всего один подзарядник...

— У меня — целых два, Старший по ярости. Возьми мой бластер!

К Коулу вновь вернулись чувства и голос.

— Я должен найти оружие! Праотец, дайте мне пистолет!

— Терпение, мой мальчик. Немного осталось. Дай великой мощи войти в тебя, — ответил старик.

...Стомперы устремились в атаку, и бой вспыхнул с новой силой. Военный клич противника послышался совсем рядом, и мужчина, крепко обняв девушку одной рукой, стал грозно размахивать боевой костью. Бластеры дали залп и погасли; пистолетный огонь ослабел. Но все больше и больше стомперов пронеслось мимо людей, уклоняясь от схватки. И тогда мужчина увидел, как огненный туман, нападая с востока, укрывает — милую за милей — всю кромку леса.

— Теперь! — раздался позади него громкий голос. — Идем, мой мальчик!

Это был старый Бидграсс; он шел медленно, словно нес тяжелый груз, и был похож на древнего богатыря — с той лишь разницей, что сжимал у перетянутой ремнями груди бластер.

Крик подтолкнул Коула к действиям, и он увидел того, кто спускался по заваленному глыбами склону к вересковой равнине. Громадный, больше любого из виденных экологом, стомпер направлялся сюда. Он гордо нес свою голову с белым гребнем на высоте в тридцать футов над землей. Праотец-Стомпер!.. Душе-

раздирающее пение раскатисто прозвучало над вереском. Хогги Дарн смотрел вниз мерцающим оком из самого сердца Девичьего дома.

Угрюмый старик прицелился и выстрелил. Ужасающая птицевидная фигура покачнулась, но продолжала идти, волоча по земле левое крыло. Бидграсс поджидал раненого врага, не стреляя, пока тот не поровнялся с ним. Тогда человек выстрелил снова. Голова стомпера дернулась — молния разворотила огромный клюв, но Праотец-Стомпер был еще жив. Его правое крыло-перчатка опустилось, а затем поднялось вверх — стомпер подхватил своего врага и вознес его на двадцатифутовую высоту, к расщепленному пеньку, что торчал у него вместо клюва.

Старик был крепко сжат пальцами, упрятанными в крыло, но правая рука оставалась свободной и бешено молотила воздух. Коул изво всех сил ударил своей боевой костью по ноге чудовища и громко завыл от ярости. И тут он увидел валяющийся на земле пистолет, по-видимому, выпавший из кобуры Бидграсса. Коул поднял его, но мощь вновь влилась в его голое тело, и он не использовал найденное оружие. Вместо этого он метнул кость в голову стомпера, чтобы отвлечь на секунду его внимание, и тут же перебросил пистолет старику. Коул знал — они не могут, не имеют права проигрывать.

Бидграсс ухватил пистолет, а когда голова монстра вновь повернулась к нему, навел ствол прямо на треугольный глаз и нажал на спуск. Красная струя плазмы ударила в глаз, пробила его и взорвалась в мозгу гиганта. Стомпер судорожно подпрыгнул, выронил своего убийцу, пробежал три шага и рухнул на землю.

В то же мгновение пение стомперов изменилось — теперь оно звучало, как скорбная похоронная музыка, в нем слышались плач и стелания. Коул уже где-то слышал подобное пение... Он напряг память и вспомнил — конечно же, так пели стомперы на бойне, когда мясники бросились топорами рубить им головы. Коул знал; Праотец-Стомпер умер навсегда — после семисотлетней кровопролитной борьбы.

Флайеры пронеслись над головами людей, их бластеры еще били по скалистым оврагам, но война уже завершилась. Великая мощь (если чувство реальности происходящего и крайняя степень возбуждения и в самом деле были мощью) оставила Коула, и он стоял — обнаженный, чувствующий из-за этого некоторую неловкость, откровенно недоумевающий, чем он тут только что занимался. Затем он увидел девушку за спиной Бидграсса и взял себя в руки.

Крепкий старик устало улыбнулся.

— Мы победили, мой мальчик, мы выиграли эту войну, — сказал он. — Следующую задачу решать тебе.

— Да, я помогу вам, — заверил Коул.

— Ты возглавишь народ. О, я еще поживу на этом свете, хотя и не очень долго... Сотни лет назад было произнесено пророчество. До сегодняшней ночи люди вроде меня или Арскота думали, что это всего лишь поэзия, но Морган и другие экс-дикари всерьез верили в него.

— И в чем же оно состояло?

— Было предсказано, что в ту ночь, когда умрет Праотец-Стомпер, из леса явится обнаженный человек, и это будет новый Праотец-Человек. Он придет со своей прекрасной женой, вооруженный огромной человеческой костью, и будет править людьми, и обратит их усилия на выполнение величайшей задачи — задачи восстановления и исправления. Его... твой, мой мальчик, ритуальный титул будет звучать так: Старший в любви. А я... я отныне всего лишь сломленный годами старик... Прими же это бремя!

В горле у Коула пересохло. Он должен был что-то сказать!

— Я принимаю его... — сказал он.

Перевел с аңгл. Дж. Надеждиң

...О приключениях красноармейца Федора Сухова в среднеазиатских песках, спасибо авторам нетленного фильма, знает каждый школьник. Боевой путь Советской Армии от Москвы до Берлина, пройденный в трагических и великих сороковых, хотя и по-прежнему обозначен он кое-где в нашем сознании маловнятным пунктиром, в общих чертах себе представить можно. Все больше и больше подробностей узнаем об афганской войне, полная правда о которой, впрочем, откроется, видимо, нескоро.

Но ведь это еще далеко не все! Как выясняется в последние годы, география военных маршрутов наших соотечественников гораздо обширней. Диву даешься, где только не умудрился побывать российский солдат, офицер, генерал за семьдесят лет существования СССР: в Китае и Египте, Анголе и Эфиопии, Мозамбике и...

Искать конкретные политические причины этих «нештатных», так сказать, путешествий, ругать или хвалить за них

былые правительства — дело, безусловно, необходимое, полезное. Но не менее важным, интересным представляется и другое: то обстоятельство, что не только деньгами и «боевыми единицами» помогла распавшаяся сверхдержава «дружественным режимам», а и живыми людьми. И люди эти, в большинстве своем — честные, мужественные, не по своей воле оказавшиеся на чужой земле, прожили там часть своих жизней, боролись, страдали, любили и ненавидели, погибали, в конце концов... Многие из тех, кто вернулся, находятся сейчас среди нас. Мы встречаем их в трамваях, в очередях за дешевой колбасой и чаще всего не подозреваем, какие уникальные страницы истории хранит их память, долгие годы как бы опечатанная многочисленными подписками «о неразглашении».

С этого номера «Следопыт» начинается цикл публикаций, посвященных уральцам, в разное время инкогнито выполнявшим «интернациональный долг» в разных концах света.

К ЗАПАДУ ОТ СУЭЦА

Евгений СУСЛОВ

Рисунок Николая Мооса



Г алька трещала под толстой подошвой солдатских ботинок. Египетскому солдату, навьюченному, как верблюд, оружием и боеприпасами, некогда было взирать на убогий желтый пейзаж просыпавшегося утра. Хорошо бы успеть дойти до полигона, пока еще веет прохладой от остывшей за ночь пустыни. А там, глядишь, можно отдохнуть в тенечке, пока «мистер Борис» распорядится расставить мишени и проведет небольшой инструктаж перед стрельбой на ломаном арабском.

Желание солдат, видимо, совпадало с возможностями командования, точнее, государства. Патронов и снарядов извели столько, что хватило бы на всю войну. Вчерашний феллах вкладывал в каждый выстрел всю свою ненависть и попорченную национальную гордость. Ненавидеть израильтянина после «шестидневной» Суэцкой войны в июне 1967 года, так бесславно окончившейся для Сирии, Иордании и Египта, было для арабов столь же естественно, как по несколько раз на дню, ниспадая на колени, молиться Аллаху, милостивому и милосердному. Ненависть и вера во всевышнего сплелись в одно. Недоставало лишь веры в победу. После июльской неудачи 1967 года Египет запросил уже военных советников. И страна, строящая «развитой социализм», не смогла отказать стране, идущей «по пути социорентации».

С легкой руки арабов «мистер Борис», по египетскому паспорту то ли майор, то ли плотник — никто не мог разобрать арабскую вязь, — а в миру подполковник Потепалов Борис Константинович, был одним из советников, приглашенных президентом Насером в египетскую армию. Мог ли он отказаться от поездки в неизвестность, под пули и снаряды? Слухи доходили, что наших советников в Египте постреляли достаточно. Теоретически, мог. Но тогда пришлось бы попрощаться с армией. «Отказников» — а такие все-таки были — выпроваживали со службы со словами: «Раз вы там работать не можете, значит, вы и тут работаете вподсилы».

— Ну, давай, подполковник, покажи, как русские офицеры стреляют, — иррача хитрую улыбку в усы, выжидательно посмотрел на коренастого русского командир стрелковой бригады полковник Атойя Сулейман. Любил он пощупать русских, посмотреть, такие ли уж они добрые вояки, как о них поговаривают, хотя в высоких профессиональных качествах своего советника по огневой и тактической подготовке не сомневался.

«Испугал медведя зайцем!» — читалось на лице Потепалова. И не без основания: из автомата, пулемета, гранатомета стрелял он отменно. А тут, подумаешь, из ручного гранатомета по металлическим бочкам! Причем сам же приказал расставить их так, что, если прищурить глаз и поднапрячь воображение, то железные бочки метров с 500—800 кажутся настоящими танками. Бочки рвались красиво, эффектно, с завыванием. Импульсивные арабы выражали свой восторг по максимуму. Даже полковник Сулейман подошел, похлопал по плечу инициативного советника.

Арабы тоже не сплеховали. Они вообще отличные стрелки. Тверды и хладнокровны при стрельбе. «Вот бы на Синае так израильтяне танки били!» — невольно вырвалось у Потепалова. Переводчика рядом не было, и арабы, конечно, ничего не поняли.

Но вообще-то шутить тут не приходилось, с противоположного берега израильтяне нередко открывали интенсивный артиллерийский огонь. Их авиация не раз совершала налеты на позиции египтян. Известно, бомбы и снаряды не разбирают, кто ты — египтянин ли, русский..

Вторая смена — 5 человек — тоже раздобыла бочки, когда из-за горбатого холма вынырнул «газик» и притормозил у наблюдательного пункта.

— Кто руководит стрельбами? — прогремел приезжий, даже не поздоровавшись. Потепалов видел его мелком в центральном советском военном офисе, но знаком с пол-

ковником не был, поэтому представился. Это, видимо, только воодушевило гостя.

— Вы что, белены объелись, подполковник?.. Почему стреляете не по мишеням? Что за самодеятельность?..

Полковник сдобривал каждое смысловое звено своей речи крепким сальным выражением.

— Не кричите на меня, я тут не в бирюльки играю. И никакая не самодеятельность — имею разрешение из дивизии. Знаете же, что бригада не в состоянии обеспечить нас досками, а без деревянных щитов что за мишени?

— Вы мне зубы не заговаривайте. Все можно найти — было бы желание..

Достать из-под земли, в лепешку расшибиться, но выполнить прихоть начальника — это у нас в крови, к этому начальники привыкли.

Долгие объяснения — лишние хлопоты. Нечего бисер метать, решил про себя Потепалов.

Арабы с недоумением смотрели на непривычную сценку. Полковник Сулейман не мог стерпеть, чтобы так перед солдатами его советнику, офицеру, устраивали разнос. Раз советника кроют последними словами, значит, и его имеют в виду. Для верности попросил Володьку-переводчика перевести ему все, что наговорил приезжий русский полковник.

— А теперь переведи ему дословно то, что скажу, — потребовал Сулейман и чеканным голосом выдал целую тираду по-арабски. Нельзя было с ним на повышенных тонах разговаривать. Он и Потепалову иногда говорил: «Ты чего на меня кричишь?» Тот немедля снижал тон: «Так я, господин полковник, не кричу, я голос командный вырабатываю».

— Ну, чего медлишь, — прикрикнул полковник Сулейман. И лейтенант-переводчик слово в слово повторил: «Советник при командире бригады мистер Борис — отличный советник. Он учит воевать так, как положено. Мы с ним работаем уже два года, и недоразумений никаких не было. О вашем нетактичном поведении считаю долгом доложить командиру дивизии и выше».

Немая сцена продолжалась недолго. Приезжий полковник, было видно, пережил несколько состояний: от немедленного желания извиниться до исподволь зародившейся злобы: «Тебя еще не уволили за позорное бегство с Синая? Можно подсказать кому надо. А с этим Потепаловым вообще нечего чикаться. Одно слово главному военному советнику, и только пятки сверкнут». Недобро усмехнулся, заскочил в легковой «газик» и отправился восвояси.

Потепалов больше его не видел. Говорили, что отправили в Союз. То ли Сулейман его доконал, то ли какие-то другие прегрешения сделали свое дело.

Тех наших офицеров, кто умел ладить со своими командирами, ценили, ставили в пример. Если командир, египтянин любого ранга, ни во что не ставил советника, то снимали с должности, конечно, советника. Тогдашний главный военный советник в Египте генерал-полковник Лашенко поучал своих офицеров: «Вы должны иметь тесную связь со своими подопечными. Общий язык с ними — половина успеха. Неважно, как ты научишь! Научишь — уже хорошо». Но не каждому хватало дипломатии.

Однако в тот день настроение было вконец испорчено. Полковник Сулейман распорядился свернуться и следовать в расположение бригады, а сам горько проронил: «Ведь давал себе слово: «Скриви глаз свой, если вошел в деревню кривых». Озабоченность Атойя Сулеймана можно было понять. В армии, находившейся в состоянии войны с Израилем, как ни странно, шла чистка офицерского корпуса. Из Вооруженных Сил было уволено свыше 600 офицеров и генералов, со многими из которых Сулейман или учился вместе в Британском военном колледже, или служил в армии короля Фаруха. По счастливой случайности избежал их участи. А может, помогло то, что никогда особенно не лез в политику. Ведь после поражения на Синае правительство начало очень смело вторгаться в заповедное царство привилегированных групп, особенно в

военной среде. Прежде считалось, что для египетского офицерства личное благосостояние находится на первом плане. И в этом обстоятельстве не без оснований усматривалась одна из основных причин военных неудач ОАР (Объединенной Арабской Республики).

Что правда, то правда, полковник Сулейман тоже происходил не из простолыдинов, носивших голубые гальябии. Находясь на военной службе, он умудрялся быть хозяином мандариновой рощи. Впрочем, и не удивительно. Месячный оклад его составлял всего 150 египетских фунтов, каковых по тамошним ценам богатому человеку едва хватало на карманные расходы. Урожай снимали по 2—3 раза в сезон, что приносило владельцу немалые доходы. Когда запахло паленым, роща была быстро продана, а Сулейман вступил в союз домостроителей.

В частных разговорах в минуты отдыха к недавним боям на Синайском полуострове возвращались часто. Еще бы. То был час национального военного позора. «Я не знаю, была ли в 1000-летней истории евреев подобная великая война и такая победа, какую одержал Израиль теперь, расширив до таких размеров свои границы», — заявил на военном параде в оккупированном Синае начальник Генерального штаба израильской армии генерал Рабин — и оттого арабам даже с течением времени хотелось хоть как-то смягчить тот безжалостный удар, выглядеть благопристойнее в глазах советников из СССР. Один офицер, некогда учившийся в Москве в военной академии имени Фрунзе (сам Потепалов тоже оканчивал ее) и оттого свободно владевший русским, втолковывал однажды: «Сам посуди, зачем нам этот Синай? К примеру, тому же комбригу. Мандариновая роща у него здесь, дом — в Каире. Вот когда они пойдут на Каир, то героизм у нас будет массовый».

Но это отнюдь не значило, что Сулейман дурака валял на службе. Дело свое он знал и любил, потому что честь офицера ставил превыше всего.

Уже садясь в свой служебный «Москвич-408» — у всех египетских военных были советские машины, — комбриг напомнил своему советнику: «Надеюсь, не забыли, мистер Борис, что завтра отрабатываем встречный «бой». По моим сведениям, на учениях будет присутствовать сам президент Насер».

— Господин полковник, как вы сами заметили, я привык выполнять свои обязанности добросовестно.

Не надо, не надо бы так официально, можно бы помирлолюбивее, поделикатнее, что ли. Но на Бориса Константиновича тоже что-то нашло. Солидарность, не солидарность с нашим полковником — скорее обода, что так свысока с соотечественником разговаривали. Чего уж там, свои люди, разобрались бы сами. Ведь существовало неписаное правило: в случаях артобстрелов и бомбардировок частей советским офицерам помогать друг другу. Пострадавших вывозить в безопасное место, если такая возможность представится. И вывозили. И оплакивали скупыми мужскими слезами потери среди советников.

Между прочим, однажды израильская авиация разбомбила КП дивизии. Трое наших советников были ранены. Двое — старший советник дивизии и советник по ПВО — погребены под железобетонными плитами. За полчаса до бомбежки Потепалов покинул штаб и поехал в зенитный ракетный дивизион, чтобы проверить, как несет его охрану рота солдат из бригады.

Гриша из Вологды, один из тех, чудом оставшихся в живых советников, беззастенчиво матерился, пытаясь сорвать злость за случившееся на первом попавшемся соотечественнике: «Черт тебя носит, Константиныч, по ракетным дивизионам. Был бы тут, помог бы. А то меня пока вынесли эти чертовы спасатели, все ноги оцарапали». Был бы, не был бы. Одним словом, в рубашке родился. А убить полковники были новичками в Египте. Советник по ПВО вообще два дня назад приехал.

Потепалов еще с минуту постоял в раздумье и зашагал к своему выдавшему виду «газику».

Полуденное солнце повисло на самой макушке неба и

немилосердно стреляло палящими лучами по всему живому. Пустынное солнце как бы силилось внимательней рассмотреть свои владения, на время покинутые из-за хамсина. Есть такой ветер — исчадие зла на Ближнем Востоке. В переводе с арабского означает «пятьдесят». Примерно столько дней с небольшими перерывами свирепствует пыльная буря весной. Огромная масса песка с большой скоростью переносится с места на место. Случалось, целые селения засыпало песком. Мало того, хамсин отвоевывал у сельчан плодородные земли.

Даже «шестидесят девятка» потепаловская однажды пострадала. Пока ехал от Роды до Суэца, защитного цвета машина буквально пожелтела: всю краску отбило.

Водитель Мухамед, араб двадцати пяти лет от роду, верный спутник его кочевой жизни, услужливо открыл дверцу:

— Куда едем, господин полковник?

— Давай, Мухамед, домой махнем, в Роду. Надо отдохнуть, а то ночь предстоит бессонная.

В Роду так в Роду, можно и в Исмаилию. Мухамед хоть целый день готов баранку крутить, лишь бы кормили сытно. Потепалов сначала удивлялся, что водитель перед поездкой непременно интересовался: будет ли господин советник кормить бедного Мухамеда. Получив утвердительный ответ, заметно веселел и начинал подтрунивать над своим юным напарником: «Ты покажи мистеру Борису, куда тебе напалом попаю?» Тщедушный мальчишка-араб, который ничуть не менее виртуозно водил машину, делался красно-черным и молодым петушком бросался на своего обидчика.

В дни «шестидневной войны» оба они служили в бронетанковой бригаде, которая отчаянно защищалась на Синае. Но не помогли ни советские танки Т-54, ни дедовский боевой клич: «О Аллах, смочи в крови мой клинок». Израильский бронированный кулак, состоявший из 7 вышколенных дивизий (5 пехотных и 2 бронетанковых), проломил арабскую оборону. По немецкому образцу Синайскую группировку взяли в клещи. Частью группировка была уничтожена, частью пленена. И только малая толика счастливых спаслась бегством за Суэц. И эти счастливицы — Мухамед, пожженный напалом в грудь, и его напарник-арабчонок, раненный в ягодицу, — теперь по-мальчишески резвились.

Кстати, в присутствии своего офицера они ни в жизнь не посмели бы не то что друг дружку тумачами одачивать, но и открыто засмеяться. С мистером Борисом можно, он добрый человек. И вообще русские все делают с улыбкой на лице. Основательностью от них веет.

Мухамеду сослуживцы завидовали. Как же, как же, русский советник подарил ему свои ботинки. Королевский подарок. Никто из арабских офицеров подчиненных подарками не баловал. Пошечинной — пожалуйста. Когда один из офицеров из штаба дивизии, наступив носком сапога на ботинок солдата, ударил его несколько раз стеком по голове, русский советник тут же подозвал офицера и сделал ему внушение. Те из солдат, кто видел этот поучительный эпизод, из уст, как легенду, рассказывали о смелом поступке мистера Бориса.

Повеселившись вдоволь, Мухамед затянул заунывную, как и вся жизнь бедного араба, песню. Потепалов тоже переключился на свои мысли, и всю оставшуюся дорогу ехал молча.

О близости войны напоминали воронки, вырытые тяжелыми снарядами, да завеса пыли, которая стояла сплошной стеной после артобстрела. Летом 68-го война на Суэцком канале приобрела для пехоты позиционный характер. Иногда забредали «миражи» и «скайхоки», а чтоб не повадились стервятники чужое добро в пух и прах разносить — их нет-нет, да и сбивали зенитчики. Не наши. Если не считать советников в зенитных ракетных дивизионах. И только артиллеристы с какой-то упрямой настойчивостью устраивали долгие пушечные и гаубичные дуэли. Боевые порядки от этого страдали не сильно. Хлебнуть

лиха можно было лишь на открытой местности. Позавчера с тем же Мухамедом едва уцелели. Противотанковое орудие «базука», пристрелявшись к египетскому берегу, клады снаряды в аккуратном шахматном порядке. Мухамед чуть было не вылетел в воронку. Должно быть, на роду было написано Потепалову, сыну солдата, рядового той давней страшной войны, остаться в живых.

Мухамед лихо подкатил к коттеджу — одноэтажному летнему домику, где квартировали советские офицеры — четверо советников из стрелковой бригады. Жили в нем когда-то с комфортом на самом берегу Большого Горького озера англичане колониального корпуса. Там, где англичане раньше держали гусейл, Потепалов с напарником соорудили место для купания. Вот и все прелести жизни для советников в стране с «сухим и жарким климатом». Когда высокие стороны — советская и египетская — договаривались о военной помощи, представители СССР заверили, что «советские офицеры могут жить в любых условиях и добросовестно выполнять свой интернациональный долг». Англичане были не чета русским. Офицер-египтянин в годах рассказывал: «У них тут каждый день после обеда был кафэ. В полдень они бросали позиции и разбегались по барам Каира. После пяти выезжали на фронт, который и закрывали в семь тридцать — до следующего утра».

Мухамед выключил двигатель и выжидательно посмотрел на своего подполковника.

— Ну, что вы застенялись, проходите в избу. — как-то уж совсем по-русски пригласил он водителя. — Жареных голубей под соусом не обещаю, а шорба (суп по-арабски — Е. С.) будет.

Шорба была действительно замечательная. Напоминала она нашу лапшу, да вдобавок с хорошим мясным бульоном, куда хозяин положил половинку лимона, настоящего, а не гибрида, к каким мы привыкли в Союзе. От лимона шорба приобрела совершенно бесподобный вкус. Вторую половинку лимона Мухамед сам выжал в стакан чистой воды, и получилось третье блюдо. Кстати, до приезда наших советников в египетской армии первое блюдо не подавали, о компотах тоже знать не знали.

После того, как проводил Мухамеда и маленького Али. Потепалов забылся в коротком послеобеденном сне. Ему, офицеру почти двуязычному, хватало нескольких часов, как, впрочем, и всем порядочным офицерам, чтобы хорошенько отдохнуть и быть готовым к ночному бодрствованию.

Собираться начал задолго до назначенного часа. Поддел спортивный костюм «под низ». Курточку, залепленную карманчиками, заправил в такого же кофейного цвета брюки и подпоясался широким офицерским ремнем. Прихватил теплый бушлат. Оружия у советника не было. Запрещалось носить его в соответствии с где-то существовавшим положением о военных советниках. Впрочем, в оружии и надобности не было.

Израильяне впрямую на их жизнь не покушались. Хотя были отлично осведомлены о присутствии советских военных советников. Западный берег Суэца кишел шпионами-евреями. Они нахально фотографировали советников и их номера машин в самом Каире. Иногда даже приветливо махали с восточного берега, завидев русского на машине, проезжавшей вдоль канала. Единственная была их ошибка: они были уверены, что советники — все до одного — офицеры Генерального штаба.

По большому счету на это ночное задание Потепалов обрек себя сам. По секрету как-то рассказали ему, что по ночам группа смельчаков-арабов — преимущественно офицеров — прощупывает оборону противника на Синайском берегу. И делает это инкогнито, чтобы русские не прознали. Арабы вообще по-своему понимали суть «интернационализма». А может, и совсем не было никакого понимания. Просто не знали, к кому приткнуться в трудную минуту — вот и обратили взоры на Страну Советов. Она, мол, богатая, в помощи не откажет.

И во всех действиях арабов чувствовалась скрытность. Так, о своих потерях во время боев местного значения они предпочитали молчать. Люди из службы безопасности египетской армии буквально по пятам ходили за нашими советниками. Когда кто-нибудь из русских возмущался чрезмерной опекой соглядатаев, ему ласково говорили: «И вам спокойно, господин, и нам спокойно. Мало ли что, ведь война все-таки».

— Пусть они, Борис Константинович, тешат, как могут, свое самолюбие, но запомните, мы, в свою очередь, должны знать о каждом их шаге. Если что-нибудь провороним, а арабы без нашего ведома начнут новую бузу, сам понимаешь, все груды ООН по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке — коту под хвост, — инструктировал Потепалова генерал, советник при командующем армии. — Ты уж, Константин, не поспи ночь, а все посмотри, как есть, и мне доложишь.

Часы показывали 3.40 ночи, когда лодка ткнулась в берег. Кажется, все обошлось.

Выяснилось, что первый и второй ряд вражеских траншей пусты, в третьей слышны голоса. Удалось подобрать кое-какие документы. И среди них — немецкий устав. То, что ФРГ «спелась» с Израилем, для советских военных советников было не ново. Володька-переводчик регулярно читал каирскую «Аль-ахрам», которая тогда писала о том, что Бонн поставил израильской армии тысячу танков «М-48», бронетранспортеры «Фиат-Г-91», что порядка 5000 израильских офицеров прошли подготовку в Западной Германии и что издания немецкого газетного магната Акселя Шпрингера потребовали у правительства ФРГ отправки добровольцев в Израиль. Упоминалось и о боевых уставах пехоты. Но — в библиотеках. А теперь вот они перекочевали в окопы.

С этого дня кличка «Бурмаги», что значит «пройдоха», стала использоваться в одной связке с именем Борис. А равнодушные к нему солдаты пошли дальше: «Мистер Борис с нами, с нами Аллах, с нами ничего не случится».

Наутро выбритый до синевы, наодеколоненный по случаю приезда высокого гостя, подполковник Потепалов стоял рядом с полковником Сулейманом на солончаковой низменности, выбранной для встречи с президентом Насером.

Только что Сулейман блестяще провел встречный бой и пребывал в томительном ожидании благодарности от президента. Как сын благородного отца, он недолго любил крестьянского отпрыска Насера. И карты тот перепутал ему порядочно, лишив офицерство привилегий. Но теперь вновь представлялась возможность вскочить на скакуна удачи. Сулейман втайне благодарил своего советника, хотя тот сегодня как раз оставался в тени. Это он в пух и прах разбивал его затасканные тактические выкладки, вынесенные из стен военного колледжа.

— Полковник Сулейман, благодарю вас за службу. Я горд, что у меня есть умные, грамотные офицеры. Думаю, должность комбрига вас уже стесняет.

Тут у Сулеймана, видно, что-то похуже на совесть проснулось. К тому же он получил, что хотел.

— Господин президент, больших похвал заслуживает мой советник...

Президент сам подошел к офицеру:

— Я знал, что вы отличные профессионалы. Я всегда верил в чистоту ваших помыслов и благородство идей. Передайте мою признательность своим коллегам.

И президент крепко пожал руку русскому мужику из Иваново.

Насеру оставалось жить совсем немного. Чуть больше года.

...Солнце купалось в барханах. Все живое съежилось. Обитатели пустыни попрятались по норам. Люди укрылись в тени. И только намытый ветрами золотистый песок — немой свидетель нелегкой истории арабского Востока — лежал окрест.

«ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО» НА ОКНЕ

У меня на балконе каждый год растут помидоры, собираю их до заморозков, а вот зеленую мелкоту как-то жалко однажды стало — занес в дом. (Пришлось даже подоконник по такому случаю наростить.) Помидоры дозрели к декабрю. Куст же продолжал зеленеть, и потом оставил его на зиму на окне, поливал. И зацвел помидор! Однако завязь быстро отпала, но второе, январское цветение оказалось стойким. А 8-го марта одно «золотое яблоко» стало прямо-таки улыбкой лета на праздничном столе. Вскоре появился еще один плод, к маю еще два... Затем новая завязь украсила деревце. Этакая экзотика — зеленъ и ярко-красный плод на фоне разрисованного морозцем стекла!

Не стал ли, думаю, уж автором открытия в земледелии? Ведь хорошо известно, что помидор растет одно лето. Заглянул в словарь, а там — черным по белому: «Томат (помидор), род одно- и многолетних трав семейства пасленовых...» Что угодно ожидал, но только не того, что привычный томат — многолетний...

Весной выставил его на балкон, и он принялся за свое привычное дело. С холодами вернул домой горшок с помидором. Отплодоносив, после Нового года он вдруг зачах. Не приморозил ли его? Повторил эксперимент. Результат — прежний. Только два года и еще зиму выдерживает помидорное деревце...

Н. ЛАДОВ

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

ПОДНОСЫ ИРИНЫ СМЫКОВОЙ

Александр МАКСЯШИН

Ирина Григорьевна работала воспитателем в детском саду, когда в руки ей попал расписной тагильский поднос. Очаровали ее яркие розы-ругозы. Появилось желание писать их самой. Так в 1980 году И. Г. Смыкова попала в цех декоративной росписи подносов нижегатагильского завода «Эмальпосуда».

Можно считать, что ей повезло: наставляла ее старейшая и опытная мастерица промысла Агрипина Васильевна Афанасьева. Это благодаря ей возродилось в семидесятых годах искусство уральской росписи на подносах, некогда утраченное и забытое. Она-то и помогла Ирине овладеть секретами цветочной росписи. Наука не хитрая, если у тебя зоркий глаз и хорошо поставленная рука, да еще уверенность, что самая простая, обыденная вещь может служить источником вдохновения.

Но через несколько лет Ирина поняла, что не может без конца писать упрощенную цветочную роспись, как бы переходящую с подноса на поднос. Повтор мотивов создает иллюзию их схожести. На потоке художник превращается в ремесленника. А ей хотелось чем-то удивить, очаровать людей. А чем? Стала интересоваться изделиями, приемами старых мастеров и использовать их опыт в своих росписях.

Впервые И. Г. Смыкова заявила о себе на творческом конкурсе живописцев цеха в 1984 году, обратившись к сюжету. Ее работы отличались одухотворенностью и лиризмом. В них как бы детское восприятие мира и фантастический сюжет. Вот танцует «Огневушка-поскакушка» из бажовского сказа, вот франтиха со щеголем сидят за самоваром, кружатся веселый хоровод на поляне, — все свое, ни на кого не похожее и в то же время — классический прием «растяжки», каким пишутся традиционные розы.

Интересно наблюдать, как рождается это чудо. Положив поднос на колено и придерживая его рукой, Ирина с подготовленных эскизов наносит на темный фон рисунок, прокладывает общие тоновые подмалевки. Потом тщательно детально дорабатывает роспись, используя все богатство цвета. Рисунок на наших глазах становится объемным. Словно в руках у

Ирины волшебная палочка. После того конкурса Ирина Григорьевна стала в ряд ведущих живописцев творческой группы. Это была своеобразная лаборатория, где постоянно стажировались молодые мастера.

Потом появилась потребность в исторической тематике. Но здесь давно сложился стереотип: суровый край, тяжелый труд подневольных мастеровых... И. Г. Смыкова его разрушает. В живописной работе «Паровоз Черепановых» (1984) она передает красоту уральской природы и веселье, добродушие людей, радующихся успеху земляков. Ощущение полноты жизни умело передано цветом. Яркий колорит дополняет хитроумное сплетение завитков золотого орнамента. Эта ее работа в числе лучших произведений декоративно-прикладного искусства тагильчан демонстрировалась в Болгарии.

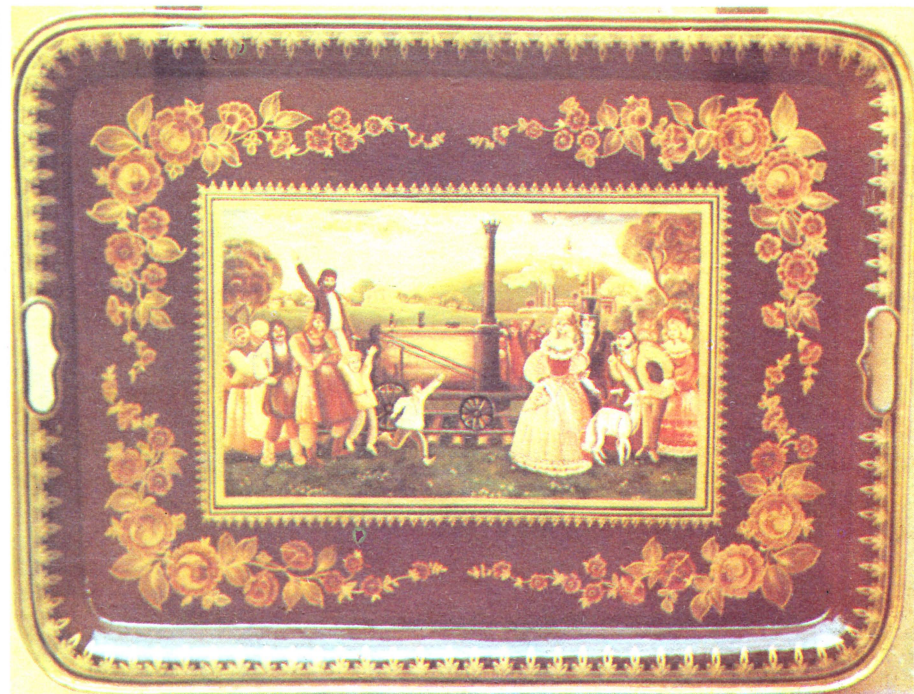
Однако сюжетные росписи Смыковой в цехе не прижились. Не было последователей и условий для свободного творчества. Пресловутый план, довлеющий над многими одаренными художниками этого промысла, сводил на нет все усилия. А кажущаяся простота сюжетных росписей требовала напряженного труда и сопереживания. Пришлось и Смыковой стать на поток.

Лишь в 1989-м художница снова вернулась в творческую группу. К этому времени администрация завода предприняла попытки самостоятельного планирования. Появилась возможность опять заняться сюжетными росписями. Выставки-аукционы расписных подносов прошли в Нижнем Тагиле, С.-Петербурге, Екатеринбурге, Алма-Ате. Половину вырученной суммы получали авторы росписей. Уникальные изделия (в том числе и И. Г. Смыковой) приобретались ценителями прекрасного как для частных, так и для музейных коллекций.

Фото автора



Подносы Ирины Смыковой



Владислав Крапивин
«БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК»
Роман

Главный герой романа — Данька Рафалов по прозвищу Кинтель — подросток с трудной судьбой: мать погибла в морской катастрофе, у отца другая семья. Мальчишка живет с дедом и постоянно ощущает одиночество, не смотря на внешнее благополучие своего существования.

В романе переплетаются несколько линий: жизнь современных ребят в школе и в семье; взгляд в прошлое страны и осмысление понятий героизма, долга и человечности, а также своей связи с прошлыми поколениями.

Приключенческий сюжет включает историю давнего письма, зашифрованного с помощью старинной книги, и зарытого на острове клада. Речь идет также о судьбе и традициях ребячьих отрядов, возникших в 60-70-е годы (вспомним «Эспаду» в романе «Мальчик со шпагой»). Прослеживается одна из версий трагической судьбы офицера русского флота С. М. Стройникова.

«...Тяжелые турецкие корабли на попутной зыби получили преимущество хода и к середине дня взяли «Рафаил» в кольцо. С военной точки зрения дело для русских было совершенно безнадежное. Стройников приказал спус-

тить флаг. На фрегат высадился десант, офицеры отдали сабли...»

— Значит, Стройников струсил! — спросил Кинтель, преодолевая вязкую неловкость.

— Непонятная это история, — вздохнул дед. — Вообще-то, Стройников был, безусловно, смелый офицер. Кавалер нескольких орденов...

Кинтель попытался представить себя на месте Стройникова. Приказал бы он спустить флаг!.. Конечно, это жутко — знать, что вот-вот искрошат тебя залпами из орудий, сожгут, разнесут на клочки. Но если ты боевой офицер... и если всю жизнь знал, что возможен такой конец... К тому же смерть — это лишь один миг...»



- В** ВИССАРИОН (греч.) — лесной житель.
 ВИТ (лат.) — проводник.
 ВИТАЛИЙ (лат.) — жизненный, жизнеспособный. Сокр.: Вита, Таля.
 ВЛАДИЛЕН (совр. рус.) — аббревиатура от «Владимир Ильич Ленин». ВЛАДЛЕН. Сокр.: Влад, Владик.
 ВЛАДИМИР (слав.) — владеющий миром. Имя равноапостольного Великого князя у древних киевлян. Сокр.: Влад, Влада, Вова, Володя, Воля.
 ВЛАДИСЛАВ (рус.) — славный. Имя князя Сербского.
 ВЛАС (греч.) — простой. Церк.: ВЛАСИЙ.
 ВОЛЬФГАНГ (др.-герм.) — движущийся, как волк.
 ВОЛЬФ — волк.
 ВСЕВОЛОД (рус.) — всем владеющий. Имя древнего славянского князя Псковского. Сокр.: Сева.
 ВСЕМИЛ (слав.) — славный, милый.
 ВУКОЛ (греч.) — пастух.
 ВЯЧЕСЛАВ (слав.) — владеющий большой славой. Имя древнего князя Чешского.
- Г** ГАВРИИЛ (др.-евр.) — муж, сильный, как бог. ГАВРИЛ, ГАВРИЛА. Сокр.: Гаврик, Гавря, Ганя, Гаша.
 ГАЙ (лат.) — радостный. КАЙ. Церк.: ГАИЙ.
 ГАЛАКТИОН (греч.) — молочный. ЛАКТИОН. Сокр.: Галаня, Галаша, Ганя, Лакша.
 ГАМАЛИИЛ (др.-евр.) — завершённый богом, награда божья.
 ГАНИЙ (арабск.) — богатый.
 ГАРИБАЛЬД (др.-герм.) — отважный (копьеносец).
 ГАРОЛЬД (др.-герм.) — владеющий войсками, военный властелин.
 ГАРРИК (др.-герм.) — могущественный, богатый. ГАРРИ.
 ГАСТОЙ (др.-герм.) — гость.
 ГЕД (др.-герм.) — охотник.
 ГЕЛАСИЙ (греч.) — смеющийся, насмешник.
 ГЕЛИЙ (греч.) — солнечный. ЕЛЛИЙ.
 ГЕННАДИЙ (греч.) — благородный. Сокр.: Гейка, Гена, Геня, Геша.
 ГЕНРИХ (др.-герм.) — могущественный. Сокр.: Гена, Геня.
 ГЕОРГИЙ (рус. из греч.) — земледелец. ЕГОРИЙ, ЕГОР, ЮРИЙ. Сокр.: Гера, Геша, Гора, Гоша, Жора, Юра.
 ГЕРАЛЬД (др.-герм.) — имеющий при себе копьё.
 ГЕРАСИМ (греч.) — почтенный. Сокр.: Гера, Герася, Геша, Рася.
 ГЕРБЕРТ (др.-герм.) — блестящий воин.
 ГЕРМАН (лат.) — единоутробный, родной.
 ГЕРМОГЕН (греч.) — рожденный Гермесом. ЕРМОГЕН.
 ГЕРОНТИЙ (греч.) — долгожитель.
 ГЕРХАРД (др.-герм.) — отважный копьеносец.
 ГИДЕОН (др.-евр.) — владеющий оружием.



ЛИНИЯ СГИБА

Г ГИЛЬБЕРТ (др.-герм.) — блистательный боец.
ГЛЕБ (рус.) — проникающий внутрь; (др.-герм.) — защищаемый богом.
ГОВАРД (др.-герм.) — высокий стражник.
ГОРДЕЙ (греч.) — имя царя Фригии. Сокр.: Гора.
ГОТФРИД (др.-герм.) — божий мир.
ГРАДИМИР (болг.) — созидатель славы.
ГРЕМИСЛАВ (слав.) — заслуживший громадную славу.
ГРИГОРИЙ (греч.) — бодрствующий. Сокр.: Гриня, Гриша.
ГУРИЙ (др.-евр.) — львенок. ГУРЕЙ, ГУРЬЯН. Сокр.: Гур, Гура.
ГУСТАВ (др.-герм.) — жезл сражения.

Д ДАВИД (др.-евр.) — возлюбленный, друг, любимый. ДАВЫД. Сокр.: Додик, Додя.
ДАЛМАТ (лат.) — житель Далматии. Сокр.: Даля.
ДАНИИЛ (др.-евр.) — бог — мой судья. ДАНИЛА, ДАНИЛО. Сокр.: Дана, Дания.
ДАРИЙ (греч.) — владеющий.
ДЕМЕНТИЙ (лат.) — укрощающий. Сокр.: Дема.
ДЕМИД (греч.) — находящийся под покровительством бога, божий совет. ДИОМИД. Сокр.: Де́ма, Дима.
ДЕМОСФЕН (греч.) — сила народа.
ДЕМЬЯН (лат.) — посвященный римской богине Дамии; (греч.) — укротитель. ДАМИАН. Сокр.: Де́ма.
ДЕНИС (греч.) — посвященный ДИОНИСУ, богу вина, поэтического вдохновения и веселых игр. Сокр.: Деня.
ДЕЯН (болг.) — работник.
ДЖЕК (англ.) — одно из многоязыких производных от ИОАНН: Джек, Джон, Жан, Иван, Ян и т. д. Благование божие.
ДЖИМ (англ.) — сокр. от ДЖЕЙМС (см. ЯКОВ).
ДЖО (англ.) — сокр. от ДЖОЗЕФ (см. ИОСИФ).
ДЖОРДЖ (англ.) — ГЕОРГИЙ.
ДИК (англ.) — сокр. от РИЧАРД.
ДИОДОР (греч.) — божий дар. Сокр.: Дора, Дорик.
ДИТРИХ (др.-герм.) — могущество народа.
ДОБРЫНЯ (рус.) — добрый.
ДМИТРИЙ (греч.) — принадлежащий Диметре, богине земледелия. Сокр.: Дима, Митя.
ДОМНИН (лат.) — хозяйственный. Сокр.: Дома.
ДОНАЛЬД (англ.) — властелин. Сокр.: Донни.
ДОНАТ (лат.) — подаренный. Сокр.: Доня.
ДОРИАН (франц.) — явившийся с Востока.
ДОРМИДОНТ (греч.) — хранитель скипетра. Сокр.: Дора, Дорик.
ДОРОФЕЙ (греч.) — дар божий. Сокр.: Дороня, Дороса.
ДОСИФЕЙ (греч.) — данный богом. Сокр.: Дося.

Б БОГОЛЮБ (др.-рус.) — любящий бога.
БОЛЕСЛАВ (польск.) — прославленный, славный.
БОНИФАТИЙ (лат.) — творящий благо. ВОНИФАТИЙ.
БОРИС (рус. и болг.) — борец. Сокр.: Боря.
БОРИСЛАВ (слав.) — обретший славу в борьбе.
БОЯН (болг.) — имя легендарного певца, бесстрашный.
БРОНИСЛАВ (слав.) — хранитель славы. Сокр.: Броня.

В ВАВИЛА (греч.) — стоящий у ворот бога. ВАВИЛ, ВАВИЛИЙ. Сокр.: Вава, Вила.
ВАДИМ (др.-рус.) — возмутитель. Сокр.: Вадя, Дима.
ВАЛЕНТИН (лат.) — здоровый, сильный. ВАЛЕНТ. Сокр.: Валя.
ВАЛЕРИАН (лат.) — потомок Валерия. ВАЛЕРЬЯН. Сокр.: Валера, Валя, Лера.
ВАЛЕРИЙ (лат.) — бодрый, крепкий. Сокр.: Валера, Лера, Лерик.
ВАЛЬТЕР (др.-герм.) — полководец.
ВАРЛАМ (халдейск.) — сын народа. Церк. ВАРЛААМ.
ВАРНАВА (др.-евр.) — сын утешения; (арам.) — сын пророка.
ВАРСОНОФИЙ (арам.) — усыновленный воинами.
ВАРФОЛОМЕЙ (греч.) — сын Птолемея. ВАХРАМЕЙ, ФОЛОМЕЙ. Сокр.: Вара.
ВАСИЛИЙ (греч.) — царственный, царь, предводитель, властелин. Сокр.: Василёк, Вася.
ВЕЛИЗАР (др.-фрак.) — стрелок.
ВЕЛИМИР (слав.) — великий мир.
ВЕЛИСЛАВ (слав.) — владеющий большой славой.
ВЕНДИМИАН (лат.) — сборщик винограда. Сокр.: Веня, Дима.
ВЕНЕДИКТ (лат.) — благословенный. Сокр.: Веня.
ВЕНИАМИН (др.-евр.) — сын любимой жены, еще одно значение — сидящий справа. ВЕЛЬЯМИН.
ВЕНЦЕСЛАВ (болг.) — увенчанный славой.
ВЕРГИЛИЙ (лат.) — бодрый.
ВЕРНЕР (др.-герм.) — предостерегающий войско.
ВИВИАН (лат.) — живой, живучий. Сокр.: Вива, Вика.
ВИКЕНТИЙ (лат.) — побеждающий. Сокр.: Вика, Кеша.
ВИКТОР (лат.) — победитель. ВИКТОРИН — побеждающий. Сокр.: Вика, Вита.
ВИЛЬГЕЛЬМ (др.-герм.) — волевой.
ВИЛЬЯМ (англ.) — производное от ВИЛЬГЕЛЬМ.
ВИНСЕНТ (лат.) — упорный в борьбе, побеждающий. ВИНЦЕНТ.
ВИР (лат.) — мужчина.
ВИРГИНИЙ (лат.) — невинный.
ВИРИЛАД (лат.) — мужественный.

А АРЕФИЙ (греч.) — доблестный, добродетельный. Церк. АРЕФА.

АРИАН (греч.) — воинственный. Сокр.: Ара, Арик.

АРИЙ (греч.) — храбрый. Сокр.: Ара, Арик.

АРИСТАРХ (греч.) — лучший из повелителей, умелый властитель. Сокр.: Арик.

АРИСТОКЛИЙ (греч.) — благославный. АРИСТОКЛ.

АРКАДИЙ (греч.) — житель Аркадии, пастух, крестьянин, простой, беспечный. Сокр.: Адик, Аркаша.

АРМАН (франц.) — твердый, сильный.

АРНОЛЬД (нем.) — царствующий. Сокр.: Нолик, Ноля.

АРОН (др.-евр.) — имя первосвященника, брата Моисея.

ААРОН. Сокр.: Ароша, Роня.

АРСЕНИЙ (греч.) — мужественный. АРСЕНТИЙ. Сокр.: Сеня.

АРТЕМ (греч.) — совершенный, посвященный богине охоты и луны Артемиде. Церк. АРТЕМИЙ. Сокр.: Тема.

АРТАМОН (греч.) — парус. Церк. АРТЕМОН.

АРТУР (кельтск.) — медведь. Сокр.: Арт, Арти.

АРХЕЛАЙ (греч.) — вождь народа. Церк. АРХИЛИЙ.

АРХИП (греч.) — повелитель лошадей.

АСАФ (др.-евр.) — сборщик. Церк. ИОАСАФ.

АСКЕР (тур.) — воин.

АСКОЛЬД (сканд.) — имя древнерусского князя.

АТТИК (греч.) — греческий. Сокр.: Атя.

АТТИЛА (венг.) — имя вождя гуннов.

АФАНАСИЙ (греч.) — бессмертный. Сокр.: Афона, Фоня, Фоша.

АФИНОГЕН (греч.) — родом от богини Афины. ФЕНОГЕН.

Сокр.: Гена, Фина, Финоша.

АФОНИЙ (греч.) — независтливый, щедрый. Сокр. Афона, Фоня.

АФРИКАН (лат.) — африканский.

АХМАД (арабск.) — самый прославленный.

Б БАЖЕН (др.-рус.) — страстно желанный.

БАЛЬТАЗАР (ассир.) — тот, кого защитит бог.

БАТИСТ (франц.) — креститель.

БЕЛЯЙ (др.-рус.) — белый.

БЕРИМИР (др.-болг.) — заботящийся о мире.

БЕРИСЛАВ (др.-болг.) — заботящийся о славе.

БЕРНАРД (др.-герм.) — сильный, как медведь.

БЕРТ (англ.) — блестящий.

БЕРТОЛЬД (др.-герм.) — великолепный, господствующий.

БЕРТРАМ (др.-герм.) — сверкающий.

БЛАГОМИР (болг.) — несущий мир и добро.

БОГДАН (др.-рус.) — данный богом.

БОГОЛЕП (др.-рус.) — угодный богу.

Е ЕВАНГЕЛ (греч.) — благой вестник.

ЕВАРЕСТ (греч.) — приятный.

ЕВГЕНИЙ (греч.) — благородный. Сокр. Еня, Женя.

ЕВГРАФ (греч.) — хорошо пишущий. Сокр.: Граня, Графа.

ЕВДОКИМ (греч.) — славный. Сокр.: Доня, Дося, Кима.

ЕВЛАМПИЙ (греч.) — светящий, благосветный. Сокр.: Ланя.

ЕВСЕЙ (греч.) — благочестивый. ЕВСЕВИЙ. Сокр.: Сева,

ЕВСТАФИЙ (греч.) — твердо стоящий. АСТАФИЙ, АСТАХ, ОСТАП.

ЕВСТРАТИЙ (греч.) — хороший воин. ЕВСТРАТ, ЕЛИСТРАТ. Сокр.: Еня, Еся.

ЕВТИХИЙ (греч.) — счастливый. ЕВТИХ. Сокр.: Тиша.

ЕВФРОСИН (греч.) — радостный. АФРОСИМ. Сокр.: Фрося.

ЕГОР — см. ГЕОРГИЙ.

ЕЛИЗАР (др.-евр.) — божья помощь. Церк. ЕЛЕАЗАР. Сокр.: Заря.

ЕЛИСЕЙ (др.-евр.) — бог его спасение. Церк. ЕЛИССЕЙ. Сокр.: Лесик, Ся.

ЕМЕЛЬЯН (лат.) — соперник, участник состязания. Церк. ЕМИЛИАН. Сокр.: Емеля.

ЕЛИФАН (греч.) — знатный, славный. Церк. ЕПИФАНИЙ. Сокр.: Фаня.

ЕРАЗМ (греч.) — возлюбленный, любимый. ЭРАЗМ.

ЕРАСТ (греч.) — горячо любящий. ЭРАСТ.

ЕРЕМЕЙ (др.-евр.) — возвышенный богом. Церк. ИЕРЕМИЯ. Сокр.: Ерема.

ЕРМЕЙ (греч.) — дающий богатство. ЕРМИЙ.

ЕРМИЛ (греч.) — из леса, принадлежащего богу Гермесу.

ЕРМОЛАЙ (греч.) — посланец народа. Сокр.: Брема, Ермола.

ЕРОФЕЙ (греч.) — освященный богом. Церк. ИЕРОФЕЙ. Сокр.: Ероха, Ероша.

ЕФИМ (греч.) — благожелательный. Церк. ЕВФИМИЙ. Сокр.: Фима, Хима.

ЕФРЕМ (др.-евр.) — плодovitый.

ЕФРОН (греч.) — веселый.

ЕФРОСИН (греч.) — благомыслящий. Церк. ЕВФРОСИН.

Ж ЖАК (франц.) — см. ЯКОВ.

ЖАН (франц.) — см. ИВАН.

ЖДАН (др.-рус.) — тот, кого ждали.

ЖЕРМОН (др.-герм.) — защитник (с копьём).

ЖОЗЕФ (франц.) — см. ИОСИФ.

ЖОРЖ (франц.) — см. ГЕОРГИЙ.

ЖЮЛЬ (франц.) — см. ЮЛИЙ.

ЖЮЛЬЕН (франц.) — см. ЮЛИАН.

З ЗАХАР (др.-евр.) — память божья. Церк. ЗАХАРИЙ, ЗАХАРИЯ.

ЗИГМУНД (нем.) — победитель и защитник.

ЗИГФРИД (др.-герм.) — победитель мира.

ЗИНОВИЙ (греч.) — богоугодный. Сокр.: Зена, Зина, Зяма.

ЗИНОН (греч.) — божественный.

ЗОРЯ (рус. нов.) — утренний.

ЗОСИМ (греч.) — жизнеспособный, готовый в путь. Церк. ЗОСИМА.

ЗОТ (греч.) — жизненный, животворный. Церк. ЗОТИК, ИЗОТ.

И ИВАН (рус. из др.-евр.) — благоволение божие, благодать. Церк.: ИОАНН. Сокр.: Ванюша, Ваня, Ива.

ИГНАТИЙ (рус. из лат.) — огненный. Букв. не рожденный.

ИГНАТ. Сокр.: Гоша, Игнаша, Игоша.

ИГОРЬ (др.-сканд.) — охраняемый богом изобилия. Сокр.: Гора, Гоша, Игоша.

ИЕРОНИМ (греч.) — священноименный. ИРОНИМ, ЕРОНИМ. Сокр.: Ероня, Ероша.

ИЗМАИЛ (др.-евр.) — услышанный богом. ИСМАИЛ.

ИЗЯСЛАВ (слав.) — взявший славу. Сокр.: Изя, Слава.

ИГАР (греч.) — по имени якобы поднявшегося в небо на самодельных крыльях сына мифического Дедала.

ИЛАРИЙ (лат.) — веселый. Сокр.: Ларик.

ИЛИОДОР (греч.) — дар солнца. Сокр.: Дора, Иля.

ИЛЛАРИОН (греч.) — веселый. Церк. ИЛАРИОН, ЛАРИВОН, ЛАРИОН. Сокр.: Лара, Ларик.

ИЛЬЯ (др.-евр.) — божья помощь. Церк. ИЛИЯ. Сокр.: Илюша, Иля.

ИММАНУИЛ (др.-евр.) — с нами бог. МАНУИЛ, ЭММА-НУИЛ.

ИННОГЕНТИЙ (лат.) — невинный. Сокр.: Иня, Кеша.

ИНСАР (арабск.) — тот, кто побеждает.

ИОАННИКИЙ (греч.) — благодетель, производное от ИОАНН АНИКЕЙ, АНИКИЙ.

ИОВ (др.-евр.) — терпеливый.

ИОИЛЬ (др.-евр.) — господь бог.

ИОНА (др.-евр.) — голубь.

ИОРДАН (рус. библ.) — по названию реки в Палестине, где крестился Христос.

ИОСИФ (др.-евр.) — приумножитель, умножающий. ЕСИП, ОСИП. Сокр.: Еся, Ося.

ИПАТИЙ (греч.) — высочайший. ИПАТ.

ИППОЛИТ (греч.) — коневод. Сокр.: Поля.

ИРАКЛИЙ (греч.) — герой.

ИРИНАРХ (греч.) — властелин.

ИРИНЕЙ (греч.) — мирный.

А АЛЕКСАНДР (греч.) — муж, мужественный, защитник. Сокр.: Алик, Аля, Саня, Саша, Шура, ОЛЕГО (болг.), ОЛЕСЬ (укр.).

АЛЕКСЕЙ (греч.) — помощник, заступник, предотвратитель. Сокр.: Алеша, Леня, Леша. АЛЕКО (болг.). Церк. АЛЕКСИЙ.

АЛЕН (франц.) — по названию древнего народа, жившего по соседству со скифами. АЛАН, АЛЛЕН.

АЛФЕЙ (др.-евр.) — переменчивый.

АЛЬБЕРТ (др.-герм.) — благородный, блестящий. Сокр.: Алик.

АЛЬБИН (польск.) — белый.

АЛЬВАРЕС (исп.) — наследник.

АЛЬФОНС (франц.) — благородный, ловкий.

АЛЬФРЕД (франц.) — осмотрительный. Сокр.: Алик, Альф.

АМАДЕЙ (лат.) — любящий бога.

АМВРОСИЙ (греч.) — бессмертный, божественный. АБРОСИМ. Сокр.: Аброся.

АМИН (арабск.) — верный.

АМОС (др.-евр.) — крепкий.

АНАНИЙ (др.-евр.) — тот, кому благоволит бог. Церк. АНАНИЙ. Сокр.: Анан, Анаша, Наня.

АНАСТАСИЙ (греч.) — возрожденный, воскресший. АНАСТАС, НАСТАС, НАСТАСИЙ. Сокр.: Стасик, Стася, Тасик, Тася.

АНАТОЛИЙ (греч.) — восточный, или как восход солнца, утренний. Сокр.: Толик, Толя, Тоша.

АНГЕЛ (греч.) — вестник.

АНДРЕЙ (греч.) — мужественный. Сокр.: Андрюша, Ондра.

АНДРОН (греч.) — победитель мужчин.

АНДРОНИК (греч.) — победоносный. Сокр.: Андрюша, Ника.

АНЕМПОДИСТ (греч.) — свободный, беспрепятственный.

АНИКЕЙ (греч.) — непобедимый. АНИКИЙ, ИОАННИКИЙ (греч. даскательное от ИОАНН). Сокр.: Аника, Ника.

АНИСИЙ (греч.) — исполнение.

АНИСИМ (греч.) — полезный. ОНИСИМ. Сокр.: Оня, Сима.

АНТЕЙ (греч.) — вступающий в бой.

АНТИП (греч.) — упорный, крепкий, отражающий удары.

АНТОН (греч.) — вступающий в бой. Церк. АНТОНИЙ, АНТОНИН. Сокр.: Антоша, Тося, Тоша.

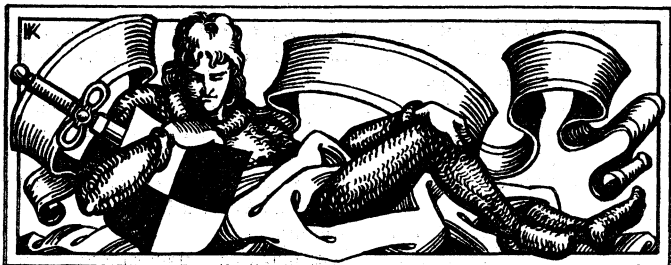
АНФИМ (греч.) — цветущий. Сокр.: Фима.

АПОЛЛИНАРИЙ (греч.) — Аполлону принадлежащий, красивый. Сокр.: Полик, Поля.

АПОЛЛОН (греч.) — по имени бога солнца и покровителя искусств. АПОЛЛОНИЙ — аполлонов.

АРДАЛИОН (лат.) — сосуд для окропления. АРДАЛЬОН. Сокр.: Аля, Доля.

АРЕФА (арабск.) — орел.



А **АВБАКУМ** (др.-евр.) — любовь божия. **АБАКУМ**.
АВГУСТ (лат.) — величественный. **АВГУСТИН** — велико-
 лепный. Сокр.: Гутя.
АВДЕЙ (др.-евр.) — слуга бога; (греч.) — благозвучный.
 Церк. **АВДИЙ**. Сокр.: Ава, Авдя, Дея.
АВЕНИР (др.-евр.) — бог есть свет. Сокр.: Ава, Веня.
АВИВ (др.-евр.) — колос.
АВРААМ (др.-евр.) — отец множества людей. **АБРАМ**, **АВ-**
РАМИЙ.
АВРЕЛИЙ (лат.) — золотой.
АВТОНОМ (греч.) — живущий по своим законам. Сокр.:
 Нома, Тома.
АГАП (греч.) — любимый. **АГАПИТ** — возлюбленный. Церк.
АГАПИЙ. Сокр.: Ага, Гапа, Гаша.
АГАФОН (греч.) — добрый. **АГАФОНИК** — добрый победи-
 тель. **ГАФОН**. Сокр.: Ага, Гапа, Гафа, Гафон, Ника.
АГЕЙ (др.-евр.) — тождественный, праздничный. Церк.
АГТЕЙ. Сокр.: Гека.
АГНИЙ (греч.) — чистый, непорочный. Церк. **АГН**.
АГРИППА (лат.) — родившийся вперед ногами.
АДАМ (др.-евр.) — человек. Сокр.: Ада, Адя.
АДИЛЬ (арабск.) — справедливый.
АЗАМАТ (арабск.) — величественный.
АЗАРИЙ (др.-евр.) — божья помощь. **АЗАР**. Церк. **АЗАРИЯ**.
 Сокр.: Аза, Заря.
АКИМ (др.-евр.) — поставленный богом. Церк. **ИОАКИМ**.
 Разг. **ЯКИМ**. Сокр.: Акиша, Кима.
АКИНДИН (греч.) — безопасный. Сокр.: Акиша, Дина, Кина.
АКИНФИЙ (греч.) — яхонт. Церк. **ИАКИНФ**. Сокр.: Акиша,
 Кифа.
АКСЕН (греч.) — растущий. Церк. **АВКСЕНТИЙ**. Сокр.:
 Аксюша.
АЛАР(д), **АЛЛАР**(д) (франц.) — благородный и сильный.
АЛАРИК (готск.) — богатый. **АЛАРИХ**.
АЛВИАН (лат.) — римское родовое имя. **АЛЬВИАН**. Сокр.:
 Алик, Аля.

И **ИСААК** (др.-евр.) — смеющийся. Сокр.: Изя, Иса, Исак,
 Ися.
ИСАЙ (др.-евр.) — спасение господне. Церк. **ИСАИЯ**.
ИСИДОР (греч.) — дар богини Изиды. **СИДОР**.
ИСИХИЙ (греч.) — спокойный, мирный.

К **КАЗИМИР** (польск.) — проповедующий мир. Сокр.: Казик,
 Казя.
КАЛИНА (греч.) — добрый победитель. **КАЛИН**, **КАЛИН-**
НИК. Сокр.: Каля, Ника.
КАЛЛИМАХ (греч.) — прекрасный воин.
КАЛЛИСТРАТ (греч.) — из хорошего войска. **КАЛЛИСТРА-**
ТИЙ. Сокр.: Каля, Листрат.
КАПИТОН (лат.) — большеголовый. Сокр.: Капа, Тоша.
КАРИБ (арабск.) — близкий.
КАРИМ (арабск.) — великодушный, щедрый.
КАРИОН (греч.) — воинственный.
КАРЛ (др.-герм.) — мужественный.
КАРП (греч.) — плод.
КАСИМ (арабск.) — красивый.
КАССИЙ (лат.) — шлемоносец.
КАСТОР (греч.) — блистающий, превосходный.
КАСЬЯН (лат.) — легкий. Церк. **КАССИАН**. Сокр.: Кася.
КВИНТИЛИАН (лат.) — родившийся в июле, пятый. **КИН-**
ТИЛИАН.
КЕСАРИЙ (лат.) — царский.
КИМ (совр. рус.) — аббревиатура названия Коммунистиче-
 ского Интернационала Молодежи; сокр. к **ИОАКИМ**.
КИНДЕЙ (греч.) — рисковый, подвижный.
КИОН (греч.) — букв. памятник.
КИР (евр.) — солнце, солнечный.
КИРИАК (греч.) — день господний, воскресенье. **КИРЬЯК**.
КИРИК (греч.) — вестник.
КИРИЛЛ (греч.) — повелитель, господин, хозяин. Сокр.:
 Кир, Кира, Кирюша.
КИРСАН (греч.) — золотоцветный. Церк. **ХРИСАНФ**. Сокр.:
 Саня, Хриса.
КЛАВДИЙ (лат.) — римское родовое имя.
КЛИМЕНТ (лат.) — милосердный, кроткий. **КЛЕМЕНТ**,
КЛИМЕНТИН, **КЛИМ**.
КОНАН (англ.) — возвышенный.
КОНДРАТИЙ (лат.) — широкоплечий; (греч.) — копыно-
 сец. Церк. **КОДРАТ**. **КОНДРАТ**.
КОНКОРДИЙ (лат.) — согласный.
КОНОН (греч.) — трудолюбивый.
КОНРАД (др.-герм.) — отважный. Сокр.: Курт.
КОНСТАНТИН (лат.) — постоянный, твердый. Сокр.: Ко-
 стя, Котя.



Э ЭВЕЛИНА (зап.) — ласкательно к ЕВА, ЭВА.
ЭВРИДИКА (греч.) — по имени жены мифического певца Орфея.
ЭДИТ (англ.) — добытая в битве. ЭДДА, ЭДИТА. Сокр.: Ди, Эди.
ЭДНА (англ.) — библейское имя жены Еноха.
ЭЛЕОНОРА (возм. греч.) — сострадательная, милосердная. Сокр.: Лена, Нора, Эля.
ЭЛИАНА (франц.) — Господь — мое божество.
ЭЛЬВИРА (др.-герм.) — советчица эльфов, сказочных существ. Сокр.: Эльва, Эля.
ЭЛЬФРИДА (англ.) — сила эльфов.
ЭМИЛИЯ (лат.) — соперница. Сокр.: Мила, Миля, Эля, Эма.
ЭММА (др.-герм.) — от имени бога войны.
ЭРА (совр. рус.) — от эра.
ЭРИКА (англ.) — богатая и могущественная.
ЭСМЕРАЛЬДА (исп.) — изумруд, драгоценная.
ЭСТЕР (греч.) — звезда.

Ю ЮЛИАНА (греч.) — кудрявая.
ЮЛИЯ (лат.) — пышная. Сокр.: Юля.
ЮНИЯ (лат.) — богине Юноне принадлежащая. Сокр.: Уна, Юна.

Я ЯДВИГА (польск.) — сражавшаяся в бою. Сокр.: Ядя.
ЯНА (слав. из др.-евр.) — милованная богом. ЯНИНА (польск.).
ЯРОСЛАВА (слав.) — яркая, славная. Сокр.: Слава, Яра.



У УРАНИЯ (греч.) — небесная, эпитет Афродиты.
УРСУЛА (лат.) — медведица. УРСУЛИНА.
УСТИНЬЯ (лат.) — из рода Юстова. Церк. ИУСТИНА.
УСТИНИЯ, ЮСТИНА. Сокр.: Тина, Устя, Юстя.

Ф ФАИНА (греч.) — сияющая, блистающая. Сокр.: Ина, Фая, Фаня, Фая.
ФАРИДА (арабск.) — жемчужина.
ФАТИМА (арабск.) — отнятый от груди ребенок.
ФЕБА (греч.) — лучезарная.
ФЕВРОНИЯ (греч.) — вечное видение. ХАВРОНЬЯ. Сокр.: Фева, Фея, Феша.
ФЕДОРА (греч.) — божий дар. Церк. ФЕДОРА. ТЕОДОРА. Сокр.: Дора, Фея.
ФЕДОСЬЯ (греч.) — богом данная. Церк. ФЕДОСИЯ. ФЕДОТЬЯ. Сокр.: Дося, Фея.
ФЕКЛА (греч.) — божья слава, совершение. ФЕКЛИНЬЯ, ФЕКЛУНЬЯ. Сокр.: Фея.
ФЕЛИЦА (лат.) — счастливая, благополучная. ФЕЛИСАДА, ФЕЛИСАТА. Сокр.: Сата, Тата, Фея, Фья, Фиса.
ФЕОКТИСТА (греч.) — созданная богом. Сокр.: Тиса, Фея, Феша, Фея.
ФЕОФАНИЯ (греч.) — богом явленная. ФЕОФАНА. ФОФАНА. Сокр.: Фана, Фаня, Фофа.
ФЕОФИЛА (греч.) — любезная богу, счастливая. Сокр.: Фея, Фила, Фила.
ФИВЕЯ (греч.) — верная, крепкая, надежная. Сокр.: Фива.
ФИДЕЛИЯ (лат.) — верная. ФИДЕЛА.
ФИЛИНА (ит.) — любимая.
ФИЛОМЕНА (болг.) — любящая.
ФЛОРА (лат.) — по имени богини цветов и весны. ФЛОРЕНТИНА, ФЛОРЕТТА и т. д.
ФРИДА (нем.) — мирная, спокойная.
ФРИДЕРИКА (нем.) — могущественная и мирная.

Х ХАРАЛАМПИЯ (болг.) — светящаяся радостью.
ХАРИТА (греч.) — по имени божества красоты и радости.
ХАРИТИНА (греч.) — прелестная, благодатная.
ХЛОЯ (греч.) — свежая, как зелень.
ХРИСАНТА (болг.) — золотоцветная. ХРИСАНДА.
ХРИСТИНА (греч.) — христианка, Христова. КРИСТИНА. Сокр.: Тина, Христа, Хрися.

Ц ЦВЕТА (болг.) — цветок, цветущая. ЦВЕТАНА.
ЦЕЦИЛИЯ (лат.) — римское родовое имя. Сокр.: Ция.

Ш ШАРЛОТТА (франц.) — мужественная, королевская. Сокр.: Лотта.

К КОРНИЛИЙ (греч.) — сильный. КОРНЕЙ, КОРНИЛ.
КОРОНАТ (лат.) — увенчанный.
КРИСТИАН (лат.) — христианин.
КРОНИД (греч.) — по имени сына бога времени Кроноса — Зевса.
КСАНФИЙ (греч.) — светлорусый, огненный.
КСЕНОФОНТ (греч.) — говорящий на других языках. Сокр.: Ксена, Сея.
КУЗЬМА (греч.) — букв. украшение. Церк. КОЗЬМА, КОСМА. Сокр.: Кузя.
КУПРИЯН (греч.) — житель Кипра. КИПРИЯН, КУПРЕЙ.
КУФИЙ (греч.) — подвижный. КУТОНИЙ.

Л ЛАВАН (др.-евр.) — белый.
ЛАВР (греч.) — от названия дерева.
ЛАВРЕНТИЙ (греч.) — житель города Лаврента.
ЛАЗАРЬ (др.-евр.) — тот, которому бог помог. Сокр.: Заря.
ЛАНДОЛЬФ (др.-герм.) — пришедший из страны волков.
ЛАНСЕЛОТ (англ.) — странствующий рыцарь. Сокр.: Ланс.
ЛАРГИЙ (лат.) — щедрый, богатый.
ЛЕАНДР (греч.) — подобный льву.
ЛЕВ (греч.) — лев. Сокр.: Лёва.
ЛЕОНИД (греч.) — льву подобный. Производные: ЛЕОН, ЛЕОНАРД, ЛЕОПОЛЬД, ЛЕОТАР. Сокр.: Лена.
ЛЕОНТИЙ (греч.) — львиный.
ЛИВЕРИЙ (лат.) — свободный.
ЛИВИЙ (лат.) — черный.
ЛИКАРИОН (греч.) — волк.
ЛИН (греч.) — по имени сына Аполлона; прекрасный цветок.
ЛИР (англ.) — пастух.
ЛОГГИН (лат.) — высокий. ЛОГИН. Сокр.: Лога.
ЛОНГИН (лат.) — долгий.
ЛУИ (др.-герм.) — славный в сражениях.
ЛУКА (лат.) — светоносный.
ЛУКЬЯН (лат.) — светлый. Церк. ЛУКИАН.
ЛЮБИМ (слав.) — милый, любимый.
ЛЮБОМИР (слав.) — любящий мир.
ЛЮБОМЫСЛ (слав.) — любящий подумать.
ЛЮБОСЛАВ (слав.) — любящий славу.

М МАВР (лат.) — черный, темнокожий.
МАВРИКИЙ (греч.) — сын Мавра.
МАДЖИД (арабск.) — славный.
МАКАР (греч.) — благословенный, испытывающий блаженство. Церк. МАКАРИЙ.
МАКСИМ (греч.) — самый большой, величайший. МАКСИМИЛИАН — великий соперник. МАКС.

М МАЛАХИЙ (др.-евр.) — посланник. Церк. МАЛАХИЯ. Сокр.: Малаха, Малаша, Маля.
 МАМАНТ (греч.) — сосущий грудь. МАМОНТ.
 МАНСУР (арабск.) — победитель.
 МАНФРЕД (др.-герм.) — мирный человек.
 МАР (лат.) — мужественный.
 МАРАТ (рус. нов.) — в честь вождя Французской революции.
 МАРВИН (др.-герм.) — друг славы.
 МАРИЙ (лат.) — римское родовое имя.
 МАРК (лат.) — букв. сохраненный, заповедный.
 МАРКЕЛ (лат.) — воинственный. МАРСЕЛЬ.
 МАРКСИН (совр. рус.) — производное от Марк.
 МАРТИАН (лат.) — от имени Марса, бога войны. Церк. МАТИНИАН. МАРТЕМЬЯН. Сокр.: Март.
 МАТВЕЙ (др.-евр.) — божий дар. Церк. МАТФЕЙ.
 МЕЛЕНТИЙ (греч.) — заботливый. Церк. МЕЛЕТИЙ.
 МЕЛИТОН (греч.) — сладкий.
 МЕРКУРИЙ (лат.) — по имени бога красноречия и торговли. МЕРКУЛ.
 МЕФОДИЙ (греч.) — идущий в порядке, последовательный.
 МЕЧИСЛАВ (слав.) — прославленный метатель.
 МИЛАН (слав.) — милый, любимый. МИЛЕН.
 МИЛИЙ (греч.) — букв. яблочный.
 МИЛОВАН (слав.) — милующий, ласкающий.
 МИНА (греч.) — лунный. МИНЕЙ. Сокр.: Миня.
 МИР (совр. рус.) — букв. мир.
 МИРОН (греч.) — окропляющий благовонным маслом — мир.
 МИРОСЛАВ (слав.) — мирный, прославленный миролюбием.
 МИТРОФАН (греч.) — рожденный матерью. Сокр.: Митроша, Митя.
 МИХАИЛ (др.-евр.) — подобный богу. Сокр.: Мик, Мика, Мики, Миня, Миха, Миша. МИХАЙЛА, МИХАЙЛО, МИХЕЙ.
 МЛАДЕН (болг.) — молодой, не стареющий.
 МОДЕСТ (лат.) — скромный. МЕДОСИЙ.
 МОИСЕЙ (егип.) — взятый из воды. Сокр.: Моля, Мося, Муля, Муня.
 МОКЕЙ (греч.) — насмешник. Церк. Мокий.
 МСТИСЛАВ (др.-русс.) — славный метатель, по имени древнерусского князя.
 МУРАД (арабск.) — желающий искать.
 МУСА (арабск.) — вариант имени МОИСЕЙ.
 МУСТАФА (арабск.) — избранный, чистый.
 МУХАММЕД (арабск.) — хвалимый. МАГОМАЙ, МАГОМЕТ, МАМАЙ, МАМЕД, МАМЕТ.
 МУХТАР (арабск.) — избранный.

С СИЛЬВА (лат.) — лесная. СИЛЬВЕТТА, СИЛЬВИНА, СИЛЬВИЯ.
 СИМОНА (франц.) — слышащая. Сокр.: Мона, Сима.
 СИНФОРОЗА (ит.) — полезная.
 СЛАВЕНА (болг.) — славная.
 СМАРАГДА (болг.) — драгоценная.
 СНЕЖАНА (слав.) — белая, как снег.
 СОЛОМОНИЯ — женский вариант имени СОЛОМОН. Сокр.: Мона, Соля, Соня.
 СОЛЬВЕЙГ (сканд.) — по имени героини драмы Г. Ибсена «Пер Гюнт».
 СОФРОНИЯ (греч.) — благоразумная.
 СОФЬЯ (греч.) — мудрая. Церк. СОФИЯ. Сокр.: Соня, Софа.
 СТАНА (болг.) — пожелательное имя: чтобы осталась.
 СТАНИМИРА (слав.) — устанавливающая мир. Сокр.: Станя, Стася.
 СТАНИСЛАВА (слав.) — ставшая славной. Сокр.: Слава, Стася, Тася.
 СТЕЛЛА (лат.) — звезда.
 СТЕПАНИДА (греч.) — увенчанная, венчанная. Церк.: СТЕФАНИДА. Сокр.: Паня, Стеша, Теня, Теша.
 СТЕФАНИЯ (зап.) — веночек. Сокр.: Стефа, Фанни, Фаня.
 СУСАННА (др.-евр.) — белая (водяная) лилия. Сокр.: Аня, Саня.
Т ТАИСИЯ (греч.) — как морская богиня. ТАИСА, ТАИСЬЯ. Сокр.: Ася, Тася, Тая, Туся.
 ТАЛИЯ (греч.) — жизнерадостная, веселая.
 ТАМАРА (др.-евр.) — букв. финиковая пальма. Сокр.: Мара, Тама, Тата, Таша, Тома, Туся.
 ТАМЗИНА (англ. из араб.) — близнец. ТОМАЗИНА.
 ТАТЬЯНА (лат.) — по имени Татия, легендарного царя древности. Церк. ТАТИАНА. Сокр.: Таня, Тата, Туся, Яна.
 ТЕОДОЛИНДА (др.-герм.) — народная защитница.
 ТЕРЕЗА (франц.) — охотница.
 ТЕЯ (греч.) — богиня.
 ТИНА (рус.) — сокр. к АЛЕВТИНА, ВАЛЕНТИНА и т. д.
 ТИХОМИРА (рус.) — тихая, мирная.
 ТРИФЕНА (греч.) — живущая в роскоши.
 ТРОЯНА (болг.) — третья из близнецов. ТРОЯ.
У УЛИТА — производное от ЮЛИЯ.
 УЛЬРИГА (др.-герм.) — обогатившая родину.
 УЛЬЯНА — от ЮЛИЯ (лат.) — кудрявая. Церк. ИУЛИАНИЯ. ЮЛИАНА. Сокр.: Уля, Юля.
 УНА (англ.) — единственная. ЮНА.
 УНДИНА (нем.) — волна, струя.



- Н** **НАБИ** (арабск.) — пророк.
НАЗАР (др.-евр.) — посвященный богу. Церк. **НАЗАРИЙ**. Сокр.: Заря, Назя.
НАРКИС (греч.) — производное от **НАРЦИСС** (цветок). Церк. **НАРКИСС**.
НАСРЕДДИН (арабск.) — тот, кто верой побеждает.
НАТАН (др.-евр.) — кого дал бог.
НАУМ (др.-евр.) — утешающий.
НАФАНАИЛ (др.-евр.) — данный богом. Сокр.: Фаня.
НЕОН (греч.) — молодой, юный, умеющий плавать.
НЕОФИТ (греч.) — вновь посвященный.
НЕСТОР (греч.) — возвратившийся домой. Сокр.: Неся.
НИКАНДР (греч.) — победитель. Сокр.: Ника, Нора.
НИКАНОР (греч.) — видящий победу.
НИКИТА (греч.) — победитель. Сокр.: Ника.
НИКИФОР (греч.) — победоносец. Сокр.: Ника, Никиша.
НИКОЛИМ (греч.) — одержавший победу над народом. Сокр.: Дима, Ника, Нода.
НИКОЛАЙ (греч.) — народный победитель. **МИКОЛА**, **МИКУЛА**, **НИКОЛА**. Сокр.: Коля, Ника.
НИКОН (греч.) — побеждающий.
НИЛ (греч.) — по названию реки Нил.
НИФОНТ (греч.) — трезвый, рассудительный. Сокр.: Нифа.
НОВОМИР (рус.) — букв. новый мир.
НОЙ (др.-евр.) — спокойный.
НОРБЕРТ (др.-герм.) — великолепие севера.
НОРМАН (др.-герм.) — северный человек.
- О** **ОБЕРОН** (др.-герм.) — благородный (медведь).
ОЛАФ (др.-сканд.) — справедливый, праведный.
ОЛЕГ (др.-сканд.) — святой. Сокр.: Алик.
ОЛИВЕР (лат.) — приносящий маслины.
ОЛИМП (греч.) — небесный. **ОЛИМПИАН**, **ОЛИМПИЙ**.
ОМАР (арабск.) — долгожитель.
ОНИСИМ (греч.) — полезный. Церк. **ОНИСИЙ**. Сокр.: Оня, Сима.
ОНИСИФОР (греч.) — приносящий пользу. Сокр.: Оня, Ося.
ОНОРЕ (франц.) — уважаемый, чтимый.
ОНУФРИЙ (греч.) — имеющий осла. Сокр.: Оня.
ОРИЕНТИЙ (греч.) — горный. Сокр.: Ора, Орест, Орик.
ОРИОН (греч.) — по имени мифического гиганта-зверолова.
ОСВАЛЬД (др.-герм.) — пришедший из восточного леса.
ОСИЯ (др.-евр.) — спаситель. Сокр.: Ося.
ОСКАР (др.-герм.) — божье копье.
ОСТАП — см. **ЕВСТАФИЙ**.

П **ПАВЕЛ** (лат.) — букв. маленький. Сокр.: Пава, Павка, Павлик, Паша.

П ПАИСИЙ (греч.) — дитя.
 ПАЛЛАДИЙ (греч.) — защитник.
 ПАНКРАТ (греч.) — всемогущий, всевластный. Церк. ПАНКРАТИЙ. Сокр.: Пана.
 ПАНТЕЛЕЙ (греч.) — всемогущий, милосердный. Церк. ПАНТЕЛЕЙМОН. Сокр.: Мона, Пана.
 ПАНФИЛ (греч.) — всеми любимый, всем любезный. Церк. ПАМФИЛ.
 ПАРАМОН (греч.) — верный, надежный, твердый в намерениях.
 ПАРМЕН (греч.) — стойкий, твердый. Церк. ПАРМЕНИЙ.
 ПАРФЕН (греч.) — святитель, целомудренный. Церк. ПАРФЕНИЙ, ПАРФЕНТИЙ, ПАНФЕР. Сокр.: Пана, Паша.
 ПАТРИКЕЙ (лат.) — принадлежащий к римской знати, патриций.
 ПАХОМИЙ (греч.) — полный, массивный, широкоплечий. ПАХОМ. Сокр.: Паша.
 ПЕТР (греч.) — крепкий, как камень; скала. Сокр.: Пека, Петруша, Петя.
 ПИМЕН (греч.) — пастух, проводник, наставник.
 ПИОНИЙ (греч.) — обильный. Сокр.: Оня.
 ПЛАТОН (греч.) — широкий, широкоплечий, крепыш. Сокр.: Платоша, Тоша.
 ПОЛИДОР (греч.) — щедрый подарок.
 ПОЛИКАРП (греч.) — плодovitый, многоплодный. Сокр.: Карик, Поля.
 ПОМПЕЙ (греч.) — вождь, проводник.
 ПОРФИРИЙ (греч.) — багряный, пурпурный. ПЕРФИЛ, ПЕРФИЛИЙ, ПОРФИР. Сокр.: Перша, Фира.
 ПОТАП (греч.) — букв. «из какой страны?» ПОТАПИЙ. Церк. ПАТАПИЙ. Сокр.: Патаня, Потя.
 ПРОВ (лат.) — честный, искренний.
 ПРОКОФИЙ (греч.) — преуспевающий. Церк. ПРОКОПИЙ, ПРОКОП. Сокр.: Проня, Проша.
 ПРОТАС (греч.) — в первом строю стоящий. Церк. ПРОТАСИЙ.
 ПРОХОР (греч.) — пляшущий впереди хора. Сокр.: Проня, Проша.

Р РАДИГОСТ (слав.) — радующий гость.
 РАДИЙ (совр. рус.) — от названия химического элемента.
 РАДИМИР (др.-рус.) — радеть о мире.
 РАДОСЛАВ (слав.) — радующийся славе.
 РАЗУМНИК (др.-рус.) — умный, умеющий дать совет.
 РАИС (арабск.) — возглавляющий.
 РАЙМОНД (др.-герм.) — защитник разума.
 РАМАДАН (арабск.) — от названия месяца мусульманского календаря. РАМАЗАН.

П ПРЕСЛАВА (болг.) — прославленная.
 ПУЛЬХЕРИЯ (лат.) — красивая, прекрасная.

Р РАДА (слав.) — радостная.
 РАДОСВЕТА (болг.) — несущая радость и свет.
 РАЙСА (греч.) — легкая. Сокр.: Рая.
 РАЙМОНДА (др.-герм.) — защитница разумного.
 РАХИЛЬ (др.-евр.) — овечка.
 РЕВЕККА (др.-евр.) — привязывающая. Сокр.: Рива, Рита.
 РЕГИНА (лат.) — царица, царственная. Сокр.: Гина, Рена, Реня, Рина.
 РЕНАТА (совр. рус.) — из начала слов: «Революция», «Наука», «Труд».
 РЕЯ (греч.) — по имени матери бога Зевса.
 РИММА (рус.) — ослабленная форма слова римлянка.
 РОГНЕДА (сканд.) — советница битв. Сокр.: Неда, Рена.
 РОЗА (рус. нов.) — цветок. РОЗАЛИНДА, РОЗАМУНДА, РОЗЕТТА, РОЗИНА, РУЖЕНА и т. д.
 РОЗАННА (зап.) — сложение имен: Роза, Анна.
 РОЗАУРА (лат.) — золотая роза.
 РОЗМАРИ — сложение имен: Роза, Мари.
 РОКСАНА (из лат.) — свет, светоносная. Сокр.: Ксана, Рона, Сана.
 РОЛАНДА (др.-герм.) — прославившая страну.
 РОМИЛЬДА (др.-герм.) — прославленная в сражении.
 РОСТИСЛАВА (слав.) — растущая в славе.
 РУСАНА (болг.) — русая.
 РУСЛАНА — женский вариант имени Руслан.
 РУФИНА (лат.) — рыжеватая. Сокр.: Руфа, Фима, Фина.
 РУФЬ (др.-евр.) — подруга (в пути). Сокр.: Руфа.

С САЛЬВИНА (лат.) — здоровая.
 САРРА (др.-евр.) — знатная. Сокр.: Ара, Сара.
 САФИЯ (арабск.) — чистая, искренняя.
 СВЕТЛАНА (рус.) — светлая, ясная.
 СВЕТЛОЗАРА (болг.) — озаряющая светом.
 СЕВЕРИНА (лат.) — строгая, серьезная. Сокр.: Рина, Сева.
 СЕДЕНА (греч.) — имя богини Луны.
 СЕЛЕСТИНА (лат.) — небесная. ЦЕЛЕСТИНА, СЕЛИНА.
 СЕЛЬВИЯ (болг.) — кипарис. СЕЛЬВИНА.
 СЕЛЬМА (кельт.) — прекрасная. ЗЕЛЬМА.
 СЕМИРАМИДА (ассир.) — любительница голубей.
 СЕПТИМА (лат.) — седьмая.
 СЕРАФИМА (др.-евр.) — пламенная. Сокр.: Сима, Фима, Фина.
 СИВИЛЛА (рус. из зап.) — пророчица, предсказательница.
 СИБИЛЛА.
 СИДОНИЯ (болг.) — букв. груша.

Н НИМФОДОРА (греч.) — невеста. Сокр.: Дора, Нимфа.
 НИНА (др.-евр.) — богом милуемая. Сокр. к ИОАННА.
 НИНЕЛЬ (совр. рус.) — обратное чтение фамилии «Ленин».
 Сокр.: Неля.
 НОВЕЛЛА (лат.) — новенькая, молоденькая. Сокр.: Вела,
 Нела.
 НОННА (егип.) — богу посвященная, чистая, святая;
 (лат.) — девятая.
 НОРА — сокращение к МИНОДОРА и т. д.
 НОРМА (ит.) — по имени героини оперы В. Беллини —
 галльской принцессы и жрицы.

О ОГНЯНА (болг.) — защитное имя от огня и молнии.
 ОДА (нем.) — сокращение от ОДИЛИЯ и др.
 ОКТАВИЯ (лат.) — восьмая.
 ОКТЯБРИНА (совр. рус.) — родившаяся в октябре; назван-
 ная в честь Октябрьской революции. Сокр.: Ина, Рина.
 ОЛИВИЯ (лат.) — олива (маслина), символ мира.
 ОЛИМПИАДА (греч.) — олимпийская, божественная. ОЛИМ-
 ПИЯ. Сокр.: Ада, Лиля, Липа.
 ОЛЬГА (сканд.) — святая. Сокр.: Леля, Оля.
 ОФЕЛИЯ (возм. греч.) — возвеличенная, возвышенная,
 другое значение — помощница.

П ПАВЛИНА (рус. из лат.) — из рода Павлова. Сокр.: Лина,
 Пава.
 ПАЛЛАДИЯ (греч.) — эпитет богини мудрости Афины.
 Сокр.: Палаша, Паша.
 ПАЛОМА (исп.) — голубка.
 ПАЛЬМИРА (ит.) — букв. вербное воскресенье.
 ПАМЕЛА (англ.) — мед, медовая.
 ПАНДОРА (греч.) — всем одаренная.
 ПАТРИЦИЯ (лат.) — знатная.
 ПАУЛА (нем.) — из семейства, из рода Павлова.
 ПЕРЛА (ит.) — жемчужина.
 ПЕТРОНИЯ (лат.) — букв. как камень.
 ПИАМА (греч.) — питательница, приумножающая.
 ПЛАТониДА (греч.) — широкая. Сокр.: Нида, Тоня.
 ПОЛЕТТА (франц. из лат.) — маленькая.
 ПОЛИКСЕНА (греч.) — очень гостеприимная. Сокр.: Киня,
 Поля, Сеня.
 ПОЛИНА (рус. из франц.) — из семейства, из рода Пав-
 лова.
 ПРАВДИНА (совр. рус.) — от слова правда.
 ПРАСКОВЬЯ (греч.) — предпраздничная, пятничная, подго-
 товленная к празднику. Церк. ПАРАСКЕВА, ПРАС-
 КОВЕЯ. Сокр.: Паня, Параня, Параша, Наша, Прося.



Р РАНДОЛЬФ (др.-герм.) — щит волка.
 РАСУЛ (арабск.) — посланник.
 РАТИБОР (слав.) — защитник.
 РАТМИР (слав.) — защитник мира.
 РАФАИЛ (др.-евр.) — целитель, исцеляющий. Сокр.: Рафа.
 РАХМАН (арабск.) — милостивый.
 РЕМ (лат.) — по имени одного из мифических основателей Рима.
 РЕНАТ (лат.) — вновь рожденный, вернувшийся к жизни.
 РИЧАРД (др.-герм.) — богатый, сильный. Сокр.: Дик, Ричи.
 РОБЕРТ (др.-герм.) — славный и великолепный.
 РОГДАЙ (др.-рус.) — богатый.
 РОДЕРИК (др.-герм.) — славный, богатый.
 РОДИОН (греч.) — букв. розовый, или житель Родоса. Сокр.: Родя.
 РОЛАНД (др.-герм.) — прославивший страну. РОЛАН.
 РОМАН (лат.) — от римский; (греч.) — крепкий. Сокр.: Рома.
 РОСТИСЛАВ (слав.) — увеличивающий славу.
 РУДОЛЬФ (др.-герм.) — волчья слава. РАЛЬФ. Сокр.: Рудик.
 РУСЛАН (арабск.) — лев. АРСЛАН.
 РУСТАМ (перс.) — богатырь.
 РЭМ (совр. рус.) — аббревиатура: «Революция, Электрификация, Механизация».
 РЮРИК (др.-герм.) — славный и богатый, производное от РОДЕРИК.

С САБИР (арабск.) — терпеливый.
 САВВА (арам.) — букв. корчмарь; (греч.) — родившийся в субботу. Церк. САВВАТИЙ. Сокр.: Ватя, Сава.
 САВЕЛИЙ (др.-евр.) — исполняющий нелегкий труд. Церк. САВЕЛ.
 САДЫК (арабск.) — искренний, правдивый.
 САЛАВАТ (арабск.) — молитвенный.
 САЛАДИН (арабск.) — благочестивый в вере.
 САЛИХ (арабск.) — добродетельный, благочестивый.
 САЛЬВАДОР (лат.) — невредимый.
 САМСОН (др.-евр.) — букв. солнце, солнечный.
 САМУИЛ (др.-евр.) — услышанный богом. САМОЙЛА, САМОЙЛО. Сокр. Самоша, Саня.
 СВЕТОЗАР (слав.) — озаряющий светом.
 СВЯТОПОЛК (др.-рус.) — предводитель освященного полка.
 СВЯТОСЛАВ (др.-рус.) — освященный славой.
 СЕВАСТЬЯН (греч.) — достойный поклонения, почитаемый. Сокр.: Сева.
 СЕВЕРИАН (лат.) — строгий, серьезный. Церк. СЕВЕРИН, СЕВЕРЬЯН.

М МАТИЛЬДА (др.-герм.) — обретающая силу в сражении. Сокр.: Метиль.
 МАТРЕНА (рус. из лат.) — знатная женщина, от церк. МАТРОНА. Сокр.: Матреша, Матуся, Матюша, Мотря, Мотя, Муся, Туся.
 МЕДЕЯ (греч.) — по имени легендарной дочери колхидского царя.
 МЕЛИССА (англ.) — пчела.
 МЕЛИТИНА (греч.) — сладкая, как мед.
 МЕРСЕДЕС (исп.) — имя составлено из фразы о милосердии и вознаграждении Девой Марией.
 МИКЕЛА (ит.) — богоподобная.
 МИЛАНА (слав.) — милая. МИЛЕНА. МИЛИЦА. Сокр.: Лана, Миля.
 МИЛЛИ — сокр. от АМАЛИЯ.
 МИННА (др.-герм.) — букв. любовь. Сокр. от ВИЛЬГЕЛЬМИНА.
 МИНОДОРА (греч.) — дар луны.
 МИРАБЕЛЛА (нем.) — чудесная.
 МИРАНДА (ит.) — удивительная. МИРАНДОЛИНА.
 МИРОПИЯ (греч.) — хранительница мира.
 МИРОСЛАВА (слав.) — прославленная на весь мир. Сокр.: Мира, Слава.
 МИРРА (греч.) — имя матери Адониса, превращенной согласно легенде в дерево мирру (мирт).
 МИРРИНА (греч.) — миртовая ветвь.
 МИТРОДОРА (греч.) — дар матери. Сокр.: Дора.
 МЛАДА (слав.) — юная, младшая.
 МОНИКА (англ.) — единственная.
 МУЗА (греч.) — вдохновительница, имя богини наук и искусства.
 МЮДА (совр. рус.) — сокр. от первых букв «Международный юношеский день».

Н НАДЕЖДА (рус.) — букв. надежда. НАДЕЖА, НАДИНА, НАДИЯ. Сокр.: Дина, Нада, Надя.
 НАТАЛИЯ (лат.) — рождественская, рождество, природная.
 НАТАЛЬЯ. Сокр.: Наля, Ната, Наташа, Таля, Тата, Таша, Туся.
 НЕОНИЛА (греч.) — молодая, младшая. НЕНИЛА, НЕОНИЛЛА. Сокр.: Неля, Нила.
 НЕРИНА (ит.) — nereida, по имени мифической дочери Нереев.
 НИДА (рус.) — сокр. к АНТОНИДА. Церк. ПЛАТОНИДА и т. д.
 НИКА (греч.) — имя богини победы.
 НИКОНИЯ (болг.) — победительница.
 НИЛА — сокращение к НЕОНИЛЛА. Церк. ФЕОНИЛЛА и т. д.

Л **ЛИДИЯ** (греч.) — из Лидии, области в Малой Азии. Сокр.: Лидя, Лиля.
ЛИЛИЯ (рус.) — по названию цветка. **ЛИЛИАНА**. Сокр.: Лиля.
ЛИНА (зап.) — сокращение от **АКУЛИНА**, **КАПИТОЛИНА**, **МАГДАЛИНА** и т. д.
ЛИНДА — сокращение от **БЕЛИНДА**, **ТЕОДОЛИНДА** и т. д.
ЛИНН (англ.) — букв. озеро.
ЛИЯ (др.-евр.) — быстрая, букв. антилопа.
ЛОЛА (исп.) — сокращение от **ДОЛОРЕС**.
ЛОЛИТА (исп.) — ласкательное к **ЛОЛА**.
ЛОРА (рус. совр.) — аббревиатура: «Ленин, Октябрьская Революция». Сокр. к **ЭЛЕОНОРА** и др.
ЛОТТА — сокр. к **ШАРЛОТТА** и т. д.
ЛУИЗА (зап.) — прославившаяся в сражении.
ЛУКРЕЦИЯ (лат.) — богатая.
ЛЮБАВА (слав.) — любящая, любимая.
ЛЮБОВЬ (рус.) — букв. любовь. Сокр.: Люба.
ЛЮБОМИЛА (слав.) — любимая, милая.
ЛЮДВИГА (нем.) — прославленная в битве.
ЛЮДМИЛА (рус.) — милая людям. Сокр.: Люда, Люся, Ляля, Мила.
ЛЮСИ (франц.) — светоносная.
ЛЯЛЯ (рус.) — сокр. от церковных **ЕЛЕНА**, **ЛИДИЯ**, **ЛЮДМИЛА** и т. д.

М **МАВРА** (греч.) — черная, темная. Сокр.: Мава, Мавруня, Мавруша.
МАГДАЛИНА (греч.) — по названию деревни в Палестине — Магдала. Сокр.: Лиана, Магда.
МАЙЯ (греч.) — имя богини; (рус. нов.) — в честь майских праздников и месяца мая.
МАЛАНЬЯ (греч.) — черная. **МЕЛАНЬЯ**. Сокр.: Ланя, Маня, Маняша, Мела, Меланя, Мелаша.
МАЛЬВИНА (др.-герм.) — друг справедливости.
МАРГАРИТА (лат.) — жемчуг, жемчужина. Сокр.: Мара, Марга, Рита.
МАРИАМНА (рус. из др.-евр.) — любимая, желанная. **МАРИАМ**, **МАРЬЯМА**, **МАРЬЯНА**. Сокр.: Мара, Яна.
МАРИАННА (зап.) — сложение двух имен: Мария, Анна.
МАРИНА (рус. из лат.) — морская, эпитет Афродиты.
МАРИЯ (рус. из др.-евр.) — любимая, желанная, госпожа. **МАНОН**, **МАРИ**, **МАРИЕТТА**, **МАРИКА**, **МАРИОН**, **МАРИТА**, **МАРИЦА**, **МАРЬЯМ**, **МЭРИ** и т. д. Сокр.: Маня, Мара, Маруся, Маша, Мура, Муся.
МАРКСЭНА (совр. рус.) — соединение «Маркс — Энгельс».
МАРТА (сир.) — хозяйка, госпожа. Церк. **МАРФА**.
МАТИНА (лат.) — производное от имени бога Марса.

С **СЕЛИНИЙ** (греч.) — лунный.
СЕМЕН (греч.) — слышащий бога. Сокр.: Сема, Сеня.
СЕРАПИОН (греч.) — посвященный египетскому богу **Се-рапису**.
СЕРАФИМ (др.-евр.) — огненный, пламенный, букв. от сжигать. Сокр.: Сима, Фима, Фина.
СЕРГЕЙ (лат.) — римское родовое имя. Церк. **СЕРГИЙ**. Сокр.: Сережа, Серегя, Серж.
СИГИЗМУНД (др.-герм.) — победитель и защитник.
СИГУРД (др.-сканд.) — охраняющий победу.
СИЛА (болг.) — сильный.
СИЛАН (лат.) — насмешник.
СИЛАНТИЙ (лат.) — приверженец Суллы. Сокр.: Сила.
СИЛУАН (лат.) — букв. лесной. **СИЛУАН**.
СИЛЬВЕСТР (лат.) — житель леса. Церк. **СИЛВЕСТР**.
СИМ (др.-евр.) — славный.
СИМФОРИАН (лат.) — полезный.
СИОНИЙ (греч.) — божественный.
СЛАВОМИР (слав.) — прославляющий мир.
СОЗОНТ (греч.) — спаситель. **САЗОНТИЙ**, **СОЗОН**.
СОКРАТ (греч.) — сохраняющий силу и власть.
СОЛОМОН (др.-евр.) — здравствующий, благополучный. Церк. **САЛАМАН**. Сокр.: Мона, Соля.
СОФОН (др.-евр.) — сохраненный богом. Церк. **СОФОНИЙ**.
СОФРОН (греч.) — благоразумный. Церк. **СОФРОНИЙ**. Сокр.: Роня, Софа.
СПАРТАК (фрак.) — по имени вождя восставших гладиаторов в Риме.
СПИРИДОН (греч.) — рожденный вне брака. Букв. корзинка для еды. Сокр.: Свирид, Спирид, Спиря.
СТАНИМИР (слав.) — устанавливающий мир.
СТАНИСЛАВ (слав.) — ставший славным. Сокр.: Слава, Стас.
СТАХИЙ (рус. из греч.) — колос. **СТАХЕЙ**.
СТЕПАН (греч.) — букв. венок. Церк. **СТЕФАН**. Сокр.: Сте-ня, Степа, Стива.
СТРАТОН (греч.) — воин.
СТРАТОНИК (греч.) — побеждающий в войне.
СУЛТАН (арабск.) — властитель.
СЫСОЙ (др.-евр.) — беломраморный. **СИСОЙ**. Сокр.: Соя.

Т **ТАРАС** (греч.) — беспокойный. Сокр.: Ася, Тасик, Тася.
ТЕОДОР — см. Федор.
ТЕРЕНТИЙ (лат.) — нежный, гладкий. Букв. мукомол. Сокр.: Тереха, Тереша, Теря.
ТИМОН (греч.) — почитаемый. Сокр.: Тима.
ТИМОФЕЙ (греч.) — почитающий бога. Сокр.: Тима, Тимоша.

Т ТИМУР (монг.) — железный. Сокр.: Тима.
 ТИТ (лат.) — защитник.
 ТИХОМИР (др.-рус.) — мирный, спокойный.
 ТИХОН (греч.) — букв. случай, судьба, счастье. Сокр.: Тша.
 ТОМ (англ.) — см. **ФОМА**.
 ТОРВАЛЬД (нем. из сканд.) — царствующий бог-громовержец.
 ТРАНКВИЛЛИН (лат.) — тихий, мирный. Церк. ТРАГКВИЛЛИН. Сокр.: Виля.
 ТРИФОН (греч.) — роскошный. Сокр.: Триша, Труша, Фона.
 ТРОФИМ (греч.) — воспитанник, вскормленный.
 ТУЛЛИЙ (лат.) — воспитатель.

У УБАЙДУЛЛА (арабск.) — маленький слуга Аллаха.
 УЛЬРИХ (др.-герм.) — богатый, могущественный.
 УРС (лат.) — медведь.
 ЮСТИН (лат.) — справедливый. ЮСТИН. Церк. ИУСТИН.

Ф ФАВИЙ (лат.) — букв. бобовый.
 ФАДЕЙ (др.-евр.) — достойный похвалы. Церк. ФАДДЕЙ.
 ФАЛАЛЕЙ (греч.) — букв. цветущая маслина.
 ФАРИД (арабск.) — единственный, не имеющий себе равных.
 ФАРХАД (перс.) — победоносный.
 ФЕДОР (греч.) — божий дар. ТЕОДОР. Церк. ФЕОДОР. Сокр.: Федя.
 ФЕДОСИЙ (греч.) — данный богом. ФЕДОСЕЙ. Церк. ФЕОДОСИЙ. Сокр.: Дося, Федос, Федя, Феша.
 ФЕДОТ (греч.) — данный богами. ФЕДОТИЙ. Церк. ФЕОДОТ. Сокр.: Дотя: Федя.
 ФЕДУЛ (греч.) — слуга божий. ФЕДУЛИЙ. Церк. ФЕОДУЛ.
 ФЕЛИКС (лат.) — счастливый, благополучный. Сокр.: Феля.
 ФЕМИСТОКЛ (греч.) — справедливый и славный. Церк. ФЕМИСТОКЛЕЙ. Сокр.: Толя, Феня.
 ФЕОКТИСТ (греч.) — созданный богом. ФЕКТИСТ, ФЕОКТИСТИЙ, ФЕТИС.
 ФЕОФАН (греч.) — бога являющий. ФОФАН. Сокр.: Фаня.
 ФЕОФИЛ (греч.) — друг божий. ФЕФЕЛ.
 ФЕОФИЛАТ (греч.) — богохранимый. ФИЛАТ.
 ФЕРАПОНТ (греч.) — спутник, товарищ, букв. слуга.
 ФЕРДИНАНД (др.-герм.) — смелый.
 ФИДЕЛЬ (лат.) — верный.
 ФИЛАДЕЛЬФ (греч.) — братолюбец.
 ФИЛАРЕТ (греч.) — любящий добродетель.
 ФИЛИМОН (греч.) — любимый. Букв. поцелуй. Сокр.: Мона, Филон, Филя.



К КАЛЛИСТА (греч.) — прекраснейшая. Сокр.: Алиса, Аля, Каля.
 КАМЕЛИЯ (болг.) — по названию цветка.
 КАМИЛЛА (лат.) — девушка безупречного происхождения, прислуживавшая при жертвоприношении.
 КАПИТОЛИНА (лат.) — от капитолий. Сокр.: Капа, Лина, Тоня.
 КАРИНА (рус. нов.) — от Карское море.
 КАРМЕЛА (др.-евр.) — букв. виноградник.
 КАРМЕН (исп. из лат.) — имя древнеримской богини пророчества.
 КАРОЛИНА (зап.) — мужественная.
 КИРА (греч.) — властная, госпожа.
 КЛАВДИЯ (лат.) — римское родовое имя. Сокр.: Клава, Кланя, Клаша.
 КЛАРА (лат.) — ясная, светлая.
 КЛЕОПАТРА (греч.) — слава отца, славная по отцу. Сокр.: Клепа, Клера, Лера.
 КЛИМЕНТИНА (болг.) — милостивая.
 КОЛОМБИНА (франц.) — голубка. КОЛОМБА. Сокр.: Бина.
 КОНГОРДИЯ (лат.) — имя древнеримской богини согласия. Сокр.: Дия, Кона, Кора.
 КОНСТАНЦИЯ (лат.) — постоянная.
 КОНСУЭЛО (исп.) — утешение божьей матери.
 КОРА (греч.) — дева.
 КОРДЕЛИЯ (лат.) — сердечная.
 КОРИННА (греч.) — девушка.
 КОРНЕЛИЯ (болг.) — римское родовое имя.
 КРИСТИНА (греч.) — христианка. ХРИСТИНА. Сокр.: Кристя, Христя.
 КСАНТИЯ (болг.) — золотоволосая, рыжая. КСАНТА.
 КСЕНИЯ (греч.) — гостеприимная. АКСИНЬЯ, КСЕНЬЯ, ОКСАНА. Сокр.: Ксана, Ксения.

Л ЛАДА (слав.) — богиня домашнего очага и любви, милая жена.
 ЛАЛА (инд.) — букв. жемчуг.
 ЛАРИСА (греч.) — чайка. Сокр.: Лара, Лора.
 ЛАУРА (зап.) — от лавр: увенчанная лавровым венком.
 ЛЕДА (возм. из ликийского) — женщина
 ЛЕЙЛА (арабск.) — букв. как ночь.
 ЛЕОКАДИЯ (греч.) — по названию острова, знаменитого храмом Аполлона.
 ЛЕОНИЛЛА (франц.) — львица. ЛЕЯ.
 ЛЕОНОРА (греч.) — сострадательная, милосердная. ЭЛЕОНОРА.
 ЛЕОНТИНА (греч.) — львиная. Сокр.: Лея, Лина, Тина.
 ЛИВИЯ (лат.) — иссиня-черная.

Ф ФИЛИПП (греч.) — любящий лошадей, наездник. Сокр.: Липа, Филя.
 ФИЛИТ (греч.) — возлюбленный.
 ФИЛЛ (греч.) — друг.
 ФИЛОГОНИЙ (греч.) — любящий потомков.
 ФИЛОН (греч.) — букв. предмет любви.
 ФИЛОФЕЙ (греч.) — благочестивый, боголюбивый.
 ФИЛУМЕН (греч.) — любимый.
 ФИРС (греч.) — увитый виноградными лозами, праздничный. Сокр.: Саня, Фира.
 ФЛАВИАН (лат.) — белокурый, золотистый.
 ФЛЕГОНТ (греч.) — горящий, озаряющий.
 ФЛОРЕНТИЙ (лат.) — цветущий. ФЛОР. Сокр.: Лора, Флора.
 ФОКА (греч.) — морской. ФОКАН, ФОКЕЙ.
 ФОМА (арамейск.) — близнец.
 ФОРТУНАТ (лат.) — счастливый. Сокр.: Фотя.
 ФОТИЙ (греч.) — просвещенный. Сокр.: Фотя, Фоша.
 ФОТИН (греч.) — солнечный. Сокр.: Фотя.
 ФРАНК (др.-герм.) — свободный, честный, открытый.
 ФРАНЦИСК (лат.) — относящийся к германскому племени франков. ФРАНЦ.
 ФРИДРИХ (др.-герм.) — могущественный, богатый. ФРЕД, ФРЕДЕРИК.
 ФРОЛ (лат.) — русская инверсия ФЛОРА: цветущий.

Х ХАКИМ (арабск.) — мудрец.
 ХАЛИМ (арабск.) — кроткий.
 ХАРИТОН (греч.) — благодатный. ХАРИТОНИЙ. Сокр.: Тоша.
 ХАРЛАМПИЙ (греч.) — радостью сияющий. Сокр.: Хоря.
 ХАСАН (арабск.) — красивый.
 ХИЕМЕТ (тур.) — мудрый.
 ХРИСАНФ (греч.) — золотоцветный. Сокр.: Саня, Хриса.
 ХРИСТИАН (греч.) — христианин.
 ХРИСТОФОР (греч.) — букв. золотой цветок; носящий Христа в себе. Сокр.: Тоня, Тоша, Фора, Христя. КРИСТОФ.

Ч ЧАСЛАВ (слав.) — ожидающий славы.

Ш ШАМИЛЬ (арабск.) — обнимающий.
 ШАРИФ (арабск.) — благородный.
 ШЕРЛОК (англ.) — со светлыми локонами.

Э ЭГМОНТ (др.-герм.) — защищающий мечом.
 ЭДВАРД (др.-герм.) — охраняющий собственность. ЭДУАРД. Сокр.: Эдик, Эдя.

Э ЭМИЛЬ (лат.) — римское родовое имя.
ЭРИК (др.-герм.) — честный и могущественный. Сокр.: Рик, Рикки, Эри.
ЭРНСТ (др.-герм.) — серьезный, строгий. ЭРНЕСТ.

Ю ЮВЕНАЛИЙ (лат.) — юношеский. Церк. ИУВЕНАЛИЙ.
Сокр.: Аля, Веля, Вена, Юля.
ЮЛДАШ (тюрк.) — товарищ, спутник.
ЮЛИАН (греч.) — родившийся в июле. Церк. ИУЛИАН.
УЛЬЯН. Сокр.: Уля, Юля.
ЮЛИЙ (лат.) — кудрявый, другое значение — дебелый.
Церк. ИУЛИЙ.
ЮНИЙ (лат.) — римское родовое имя.
ЮРИЙ — см. ГЕОРГИЙ.
ЮСТИНИАН (лат.) — справедливый. Церк. ИУСТИНИАН.

Я ЯКОВ (др.-евр.) — целитель. Церк. ИАКОВ. Сокр.: Яша.
ЯН (слав.) — см. ИВАН.
ЯРОМИР (слав.) — солнечный мир.
ЯРОПОЛК (слав.) — яростный боец.
ЯРОСЛАВ (слав.) — блистающий славой. Сокр.: Слава.

Составитель Юрий РЯЗАНОВ

СОКРАЩЕНИЯ

азерб. — азербайджанский язык
англ. — английский
арабск. — арабский
арам. — арамейский
ассир. — ассирийский
библ. — библейское
болг., др.-болг. — болгарский, древнеболгарский
венг. — венгерский
герм., др.-герм. — германский, древнегерманский
готск. — готский
греч. — греческий
др.-евр. — древнееврейский
егип. — египетский
зап. — западное
инд. — индийский
исп. — испанский
ит. — итальянский
кави. — кавказское
кельт. — кельтский
лат. — латинский

монг. — монгольский
нем. — немецкий
нов. — новое
перс. — персидский
польск. — польский
рус., др.-рус. — русский, древнерусский
сир. — сирийский
сканд., др.-сканд. — скандинавский, древнескандинавский
слав., др.-слав. — славянский, древнеславянский
совр. рус. — современный русский
тат. — татарский
тур. — турецкий
тюрк. — тюркский
фрак., др.-фрак. — фракийский, древнефракийский
франц. — французский
церк. — церковный вариант
цыг. — цыганский
чеш. — чешский
шотл. — шотландский

Ж ЖАННА (франц. из др.-евр.) — богом милованная. ЖАК-ЛИНА. ЖАННЕТТА.
ЖЕНЕВЬЕВА (франц.) — букв. белая волна.
ЖИЗЕЛЬ (др.-герм.) — стрела. ГИЗЕЛЛА.
ЖОЗЕФИНА (франц. из др.-евр.) — прибавление от бога.
ЖЮЛЬЕТТА (франц. из лат.) — кудрявая. ЖЮЛИ.

З ЗАИРА (кавк.) — гостья.
ЗАМИЛЯ (арабск.) — подруга.
ЗАМИРА (арабск.) — играющая на свирели.
ЗАМФИРА (болг.) — букв. сапфир.
ЗАРА (перс.) — букв. золото, золотая.
ЗАХРА (арабск.) — цветок.
ЗИНАИДА (греч.) — божественная, потомок Зевса. Сокр.: Зина, Ида, Ина.
ЗИНОВИЯ (греч.) — богоугодно живущая.
ЗИТА (ит. из перс.) — девушка.
ЗЛАТА (слав.) — золото.
ЗОЯ (греч.) — жизнь, жизнеспособная. Сокр.: Зайка, Зая.
ЗУХРА (арабск.) — букв. блеск, красота, другое значение — планета ВЕНЕРА.

И ИВЕТТА (франц. из др.-евр.) — богом милованная. ИВОННА.
ИДА (греч.) — плодородная.
ИЗАБЕЛЛА (др.-евр.) — букв. «бог мой — клятва». Сокр.: Бела, Белла, Иза.
ИЗОЛЬДА (зап.) — букв. господство льда. Сокр.: Золя, Иза.
ИЛАРИЯ (лат.) — веселая. Сокр.: Ила, Лара.
ИНГА (др.-сканд.) — от имени бога изобилия. ИНГРИД, ИНГЕ.
ИНДИРА (инд.) — Луна.
ИНЕС (исп.) — чистая, непорочная. ИНЕССА.
ИННА (рус. из болг.) — от КАТЕРИНА. Сокр.: Ина.
ИОЛАНТА (нем.) — фиалка.
ИШПОЛИТА (греч.) — имя царицы амазонок.
ИРИНА (греч.) — имя богини мирной жизни. АРИНА.
Сокр.: Ира, Рина.
ИРИС (нем.) — богиня радуги.
ИРМА (нем.) — посвященная Ирмину, древнегерманскому богу войны.
ИСКРА (рус. и болг.) — имя дано по названию газеты «Искра», искренняя.
ИСТЕР (др.-англ.) — имя языческой богини весны.
ИФИГЕНИЯ (греч.) — доблестного происхождения.
ИЯ (греч.) — фиалка.

К КАЗИМИРА (польск.) — миротворица.
КАЛЕРИЯ (болг.) — добрая, красивая.

Д ДАРЕНА (болг.) — подаренная богом. ДАРИНА. ДАРА.
 ДАРЛИНА (англ.) — дорогая.
 ДАРЬЯ (перс.) — сильная, побеждающая. Церк. ДАРИЯ.
 Сокр.: Дася, Даша.
 ДАФНИЯ (греч.) — лавровая. ДАФНА.
 ДЕИЗИ (англ.) — по названию цветка — маргаритка.
 ДЕЛИЯ (лат.) — эпитет богини ДИАНЫ.
 ДЕЛЬФИНА (болг.) — сестра.
 ДЕМИРА (болг.) — твердая.
 ДЖЕЙН (англ.) — вариант имени ДЖОАННА: милованная богом.
 ДЖЕМИЛА (тур.) — любезная.
 ДЖЕММА (ит.) — драгоценный камень, драгоценность.
 ДЖИНА (англ., ит.) — царица, царственная.
 ДЖОКОНДА (ит.) — веселая, радующаяся.
 ДИАНА (лат.) — по имени богини охоты, Луны, чистоты.
 ДИНА (арабск.) — верная.
 ДОЛОРЕС (исп.) — скорбящая богоматерь. Сокр.: Лола, Лолита.
 ДОМИНИКА (лат.) — воскресная.
 ДОМНА (лат.) — повелительница, госпожа. Церк. ДОМНИНА. Сокр.: Дома, Дона, Доня.
 ДОРА (греч.) — дар, подарок.
 ДОРОФЕЯ (греч.) — божий дар. Сокр.: Дора, Фея.
 ДРАГОМИРА (слав.) — дороже всего мира.
 ДУШАНА (болг.) — пожелательное имя: чтобы долго жила.

Е ЕВА (др.-евр.) — букв. жизнь. ЕВАНГЕЛИНА.
 ЕВГЕНИЯ (греч.) — благородная. Сокр.: Геня, Еня, Женя.
 ЕВДОКИЯ (греч.) — благоволение. АВДОТЪЯ. Сокр.: Дода, Дуня, Дуся.
 ЕВЛАМПИЯ (греч.) — благосветная, светящая.
 ЕВПРАКСИЯ (греч.) — благополучная, процветающая. АПРАКСЕЯ.
 ЕВСЕВИЯ (греч.) — благочестивая.
 ЕВФИМИЯ (греч.) — благопристойная, благодушная. Сокр.: Фима.
 ЕКАТЕРИНА (греч.) — чистая, благопристойная. Сокр.: Катерина, Катюша, Катя, Рина.
 ЕЛЕНА (греч.) — солнечная. АЛЕНА, ГЕЛЕНА, ИЛОНА, НЕЛЛИ, ОЛЕНА, ЭЛЕН. Сокр.: Аленка, Аленушка, Лала, Лея, Лена, Лина, Ляля, Ляна.
 ЕЛИЗАВЕТА (др.-евр.) — почитающая бога. Церк. ЕЛИСАВЕТА. ЛИЗАВЕТА. Сокр.: Вета, Лиза, Лика, Лиля.
 ЕРОТИДА (греч.) — любезная.
 ЕСЕНИЯ (арабск.) — красивая. ЕСЕНА.
 ЕФРОСИНЬЯ (греч.) — букв. радость. Церк. ЕВФРОСИНИЯ. АФРОСИНЬЯ. Сокр.: Прося, Фрося.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ

С именем Иван, без имени болван.
 Хоть звать не зови, только хлебом корми.
 Богатого по отчеству, убогого по прозвищу.
 Друг сердечный: а как зовут, не знаю.
 Такое прозвание, что с морозу не выговоришь.
 Рожден, а не крещен — так Богдашка.
 Иванов, как грибов поганых.
 Нет имен супротив Иван; нет икон супротив Никол.
 Один Иван — можно; два Иван — можно; три Иван — никак не возможно (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова).
 Иван Марье не товарищ. Иван Марье обычный друг.
 Фоку да Якова и сорока знает.
 Фофан с толокном, а Сидор с волоком.
 И по рылу знать, что Созонтом звать.
 Дядя Мосей любит рыбку без костей.
 Емеля дурачок. Иванушка дурачок. Мотря дура.
 Стало плохо: указчиком Аноха.
 Фомка вор: на долото рыбу удит.
 В людях Ананья, а дома каналья.
 Алёха не подвоха: сдуру прям.
 В трех братьях дураки — Иванушки, а одиночные — Емели да Афони.
 Ванька, встань-ка; Семка, пойдем-ка; да ступай и ты, Исай!
 Ты, Исай, наверх ступай; ты, Денис, иди на низ; а ты, Гаврило, поддержишься за молотило.
 Наш Демид не туда глядит.
 Фоку приставляй сбоку, а Демид прямо глядит.
 На бедного Макара и шишки валяются.
 Степанидушка все хвостом подметет.
 Катя-Катерина — ножка голубина.
 Петька-петух на яйцах протух.
 Марья-Марина — очи голубины.
 Сашки — канашки, Машки — букашки, Маринушки — разинюшки.
 Легко на помине. Помяни по имени, а он тут.
 Бородка Минина, а совесть глиняная.
 По бороде Авраам, а по делам Хам.
 Про горького Егорку поют и песню горьку.
 Приехала Фетинья, привезла щепетинья.
 Каков Савва, такова его и слава.
 У Сидора обычай, а у Карпа свой.
 Живет с собою, не спрашиваясь с Фокою.

Ищи, Фома, чтоб полна была сума; ищи, Еремей,
чтоб не растрясти своей!

Помер Адам: ни богу, ни нам.

Два подъячих водят Марью вертячу.

Видно, Арсенья ждать до воскресенья.

Улита едет — когда-то будет. Едет Емеля — ждать
неделю.

Наряжается, что Маланья на свадьбу.

Мели, Емеля, твоя неделя.

Матушка Прасковья, пошли жениха поскорее!

Каков Ананья, такова у него и Маланья.

И худой Ермил, да богомил; а хороший Влас — да
подалее от нас.

Радуйся, Кирюшка — будет у бабушки пирушка!

Пришел Мирошка на деревянной ножке.

В людях Илья, а дома свинья.

Худ Матвей, да умеет потчевать гостей.

Орефья в людях хают, да дома жалят.

Охнула Татьяна, напоив мужа пьяна.

Федот не пьет, а Нефед не прольет.

Рад Аникий, что закрома велики.

У Ипата к пирогам борода с лопату.

Хлеб да мякина — Самсона сила.

Рад Яков, что пирог с маком.

С Оленой съешь и огурец соленый.

Преподобный Амвросий сорок праздников отбросил.

Наш Тарас на перегудки горазд.

Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь.

Не отпятится Ульяна от Козьмы-Демьяна.

Неволя бьет Ермола: Ермол не виноват, да нельзя
миновать.

Оженился Тарас, не спросясь нас.

Малаха Парахи не лучше. Аринушка Маринушки
не хуже.

Федот, да не тот.

Горе, что муж Григорий; хоть бы болван, да Иван.

Наш Абросим просить не просит; а дадут — не
бросит.

Наш Гришка не просит лишка.

Проживет Фаддей и без затей.

Фетинья стара, да Федоту мила.

Федул, что губы надул?

Шутил Мартын, да свалился под тын.



В ВИКТОРИЯ (лат.) — имя богини победы. Сокр.: Вика, Вита,
Витуся, Тора, Тоша, Туся.

ВИЛА (совр. рус.) — аббревиатура: «Владимир Ильич Ле-
нин»; (болг.) — русалка.

ВИОЛА (ит.) — фиалка. ВИОЛАНТА, ВИОЛЕТТА.

ВИРГИНИЯ (лат.) — девушка. ВИРДЖИНИЯ.

ВИРИНЕЯ (лат.) — свежая, бодрая.

ВИРСАВИЯ (др.-евр.) — дочь клятвы.

ВИТАЛИНА (лат.) — жизненная. ВИТАЛИЯ.

ВЛАДА (слав.) — владеющая, имеющая. ВЛАДЕНА, ВЛАД-
ЛЕНА. Сокр.: Лада.

ВЛАДИСЛАВА (слав.) — обладающая славой. Сокр.: Владя,
Слава.

ВЛАСТА (чеш.) — родная.

ВСЕСЛАВА (слав.) — знаменитая.

Г ГАБРИЭЛЛА (зап.) — сильная. Сокр.: Габи.

ГАЛАТЕЯ (ит. из греч.) — молочная, беломраморная.

ГАЛИ (греч.) — куница, ласка.

ГАЛИНА (греч.) — тихая, спокойная. Сокр.: Галя.

ГАЯНИЯ (греч.) — земная. ГАЯНА.

ГЕБА (греч.) — имя богини юности.

ГЕЛЕНА (польск.) — от церк. ЕЛЕНА.

ГЕЛИЯ (совр. рус.) — солнечная.

ГЕНРИЕТТА (зап.) — могущественная, богатая.

ГЕОРГИНА (совр. рус.) — по названию цветка. Сокр.:
Гера.

ГЕРА (греч.) — имя богини, супруги Зевса.

ГЕРАЛЬДИНА (нем.) — управляющая. Сокр.: Гера.

ГЕРДА (сканд.) — защитница.

ГЕРТРУДА (др.-герм.) — сильная.

ГИЗЕЛА (болг.) — красивая.

ГИЗЕЛЛА (др.-герм.) — как стрела.

ГЛАФИРА (греч.) — изящная, утонченная. Сокр.: Гланя,
Глаша, Граня, Граша, Фира.

ГЛИКЕРИЯ (греч.) — сладкая. ЛУКЕРЬЯ. Сокр.: Кера,
Луна, Луша.

ГЛОРИЯ (лат.) — букв. слава, прославленная.

ГОЛУБА (др.-рус.) — голубка, кроткая, милая.

ГОРДЯНА (болг.) — пожелательное имя; чтобы ею горди-
лись.

ГОРИСЛАВА (др.-рус.) — яркая, славная.

ГОРТЕНЗИЯ (лат.) — цветущая в саду. ОРТЕНСИЯ.

ГРАЦИЯ (лат.) — совершенная, прелестная. ГРАЦИЕЛЛА.

Д ДАЛИЛА (др.-евр.) — библейская победительница Самсона.

ДАНА (чеш.) — данная, полученная.

ДАНИЕЛА (др.-евр.) — бог — мой судья.



Уральские именные чапушки

Где моё зелено платье,
Где моя тужурочка?
Где мои три ухажера —
Коля, Ваня; Шурочка?

Люблю Санечку и Ванечку
Из разных деревень.

Люблю Санечку
по праздничкам,
А Ваню каждый день.

У меня миленка два,
Два и полагается:
Петя в армию уйдет,
Серезенька останется.

У Никифорова Вани
Каменистая ладонь.
У Васильева Серези
Голосистая гармонь.

Я Ивана полюбила,
А Степан мне говорит:
«У меня ремень пошире,
Ярче звездочка горит».

То ли, то ли из-за Коли,
То ли, Вася, из-за вас,
Из-за Коли поругалась,
Из-за Васи подралась.

То ли, то ли из-за Толи,
То ли из-за Ванечки
Налетели на меня
Четыре грубияночки.

Ох, подружка Аннушка,
Полуби Иванушка.
А я люблю Максимушка,
Весёла будет зимушка!

Полюбил меня Максим
Горячо и жарко:
Вместо сердца у него —
Прямо коцегарка.

Черти с Семушкой связали,
Он монах, а я вдова.
Приходи ко мне почаще,
На краю живу одна.

Не ругай меня, маманя,
Что сметану пролила:
Мимо окон шел Алешка,
Я без памяти была.

Шла машина из Ишима,
Только пыль клубилась.
Я не знаю, почему
В Федора влюбилась.

Я стояла у реки,
Просила Фединой руки.
Широка наша река —
Рука у Феде коротка.

Милый Саша, я не ваша,
Милый Саша, не твоя.
У тебя товарищ Шура —
Он симпатия моя.

Шура, Шура, шуристый,
Какой ты подфигуристый!
Без лучинки, без огня
Поджог сердце у меня.

Дорогой мой Шурочка
Идет из переулочка.
Идет и улыбается,
Платочком утирается.

Е-хе-хе, е-ха-ха,
За Гаврилу вышла.
Ни дуги ему заправить,
Ни супони подтянуть,
Ни на рученку положить,
Ни к сердечку притянуть.

Ягодинка, ты мне дорог,
Ягодинка, ты мне мил.
В воротах Андрияша курит —
До меня доходит дым.

А АЛЕНА — от ЕЛЕНА (греч.) — солнечная.
 АЛИСА (рус. нов.) — от АДЕЛАИДА
 АЛЛА (греч.) — вторая. Сокр.: Аля.
 АЛЬБА (ит.) — утренняя заря.
 АЛЬБЕРТА (др.-герм.) — благородная, блестящая. АЛЬБЕРТИНА.
 АЛЬВИНА (лат.) — белая, белокурая.
 АЛЬВИНА (др.-герм.) — благородная. Сокр.: Аля, Вина.
 АЛЬДА (др.-герм.) — старинное имя.
 АЛЬМА (нем.) — благодетельная, благодатная.
 АЛЬМИРА (зап.) — имя, созвучное местности в Испании. Сокр.: Аля, Мира.
 АМАБЕЛЬ (англ.) — любезная, приятная.
 АМАЛИЯ (др.-герм.) — трудолюбивая. АМЕЛИЯ. Сокр.: Маля, Меля, Лиля, Лия.
 АНАСТАСИЯ (греч.) — возрожденная, воскресшая. НАСТАСЬЯ (рус.). Сокр.: Ася, Настя, Стася, Тася.
 АНГАРА (цыг.) — черная, как уголь; (рус. нов.) — по названию реки.
 АНГЕЛИНА (греч.) — возвещающая, извещающая. Сокр.: Гелина, Геля, Лина.
 АНЖЕЛА (болг.) — от англ. АНЖЕЛИКА, АНЖЕЛИНА.
 АНИСИЯ (греч.) — исполнительная, совершенная. АНИСЬЯ. Сокр.: Аня, Ниса.
 АННА (др.-евр.) — милостивая, благодатная, радость. АНЕТА, АНИТА, ГАННА, НИНОН. Сокр.: Аникуша, Анка, Аннушка, Анюра, Анюся, Анюша, Аня, Ася, Ганка, Нета, Нита, Нюра, Нюся, Нюта, Нюша.
 АНТОНИДА — от церк. АНТОНИНА.
 АНТОНИНА (рус. из греч.) — вступающая в бой, составляющаяся. Сокр.: Ина, Нина, Тоня, Тося.
 АНТОНИЯ (зап.) — женский вариант от АНТОНИЙ.
 АНТУАНЕТТА (франц.) — увеличивающая цену.
 АНФИСА (греч.) — цветущая. Сокр.: Аня, Фиса.
 АПОЛЛИНАРИЯ (греч.) — посвященная Аполлону. Сокр.: Лина, Поля.
 АПОЛЛОНИЯ (рус. из греч.) — женский вариант от АПОЛЛОН. Сокр.: Лона, Поля.
 АПРАКСИЯ (греч.) — от ЕВПРАКСИЯ. Сокр.: Прася, Прося.
 АРАБЕЛЛА — древнее шотландское имя.
 АРАМИНТА (лат.) — алтарь любви.
 АРИАДНА (греч.) — приятная. Сокр.: Ада, Адна, Адя, Ара.
 АРИНА (рус.) — от церк. ИРИНА (греч.).
 АСПАЗИЯ (греч.) — милая, желанная. АСПАСИЯ.
 АСТА (греч.) — горожанка.
 АСТРИД (сканд.) — страстная.
 АФАНАСИЯ (греч.) — бессмертная. Сокр.: Нася, Фася, Фося.
 АФРОДИТА (греч.) — имя богини любви и красоты.

*Развеселая деревня
 Горно-Щит, Курганово.
 Задумчивая подружка
 Машенька Иванова!*

*За ударную работу
 Тане дали петуха.
 — Мне не надо петуха,
 Лучше дайте жениха!..*

* * *
*Топится, топится
 В огороде баня.
 Женится, женится
 Мой миленок Ваня.*

*У меня миленок Ваня,
 Всё Ванюша да Иван.
 Не завидуйте, подружки,
 Не достанется он вам.*

*Снежки белые лежали
 В огороде глубоко.
 Перестал ходить Ванюша,
 Говорит, что далеко.*

*У меня духаня Ваня,
 Ваня — розовый цветок.
 Он не старый,
 не молоденький —
 Семнадцатый годок.*

*Балалайка, тень-потень,
 Мать ругает каждый день,
 Каждую минуточку
 Ругает за Ванюточку.*

*Девчонки, пойдемте
 Саранки копать.
 У моего-то у Ванюши
 Портянки видать!..*

*Ты зачем меня, Ванюша,
 Разлюбил до осени?
 Я ходила да редела,
 Полкраюшки хлеба съела!..*

*Меня мама за Ивана —
 Шабалой да шабалой:
 Всю я ночку простояла
 У Ивана под полой.*

*Меня мама за Ивана
 Хочет замуж выдавать.
 У Ивана шуба рвана,
 Я не стану починять.*

*Петя, Петя-петушок,
 Он присел на камушок,
 Просит болочка платочек —
 Изорву худой мешок.*

*Подарил букет мне Петя,
 Попросил моей руки.
 Посмотрела — в том букете
 Только с поля сорняки.*

*Эх, дорожка торная,
 Местами косогорная.
 Через тебя, Петруша мой,
 Кожу, как ночка темная.*

*Кабы знала: Петя бросит —
 Сроду б не родилась.
 Кабы я была хрустальна —
 Об пол бы разбилась.*

*На Урале есть гора,
 Под горой долина.
 Не настраивай, Петруша,
 Я — не мандолина.*

*Петя ходит, Петя ходит
 Всё кругами да кругом.
 У меня на коже туфли,
 А мне лучше босиком.*

*Боля спит, а створка пала,
 Занавеска беленька.
 Подошла, не разбудила,
 Спи, миленок Петенька.*

*Боля спит, а створка пала,
 Занавеска синенька.
 Подошла, не разбудила,
 Спи, пригожий Митенька.*

*Боля спит, а створка пала,
 Занавеска красненька.
 Подошла, не разбудила,
 Спи, хороший Васенька.*

Полюбила Васеньку
За рубашку красеньку.
Не рубашка красила,
А поговорка Васина.

Вася, Васечка, Васёк,
Мое сердечушко засек.
Он засек, он зарубил,
Сам другую полюбил.

Васечка-Васюточка,
Любить тебя не шуточка.
Легкое названьице,
Тяжело расставаньице.

Ягода по ягоде —
Корзиночка наполнится.
Если утром Вася бросит —
К вечеру опомнится.

Мой Василий по аллее
Ходит рядом и молчит.
Мне с коровой веселее —
Та хоть что-нибудь мычит.

Вася, Вася, я снялася
В белой кофте под ремень.
Не в которой я хотела,
А в которой ты велел.

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу.
Перебрось, Коляй, тесиночку,
К тебе перебегу.

Коля, Коля, Николай,
Коля, Николашка,
Ты меня не обмани,
Как Наташку Сашка.

Коля, Коля, выйди в полз,
Я тебе секрет скажу:
Ты ищи себе другую,
А я замуж выхожу.

Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй.
К тебе девки придут —
Не застанут да уйдут.

Коля, Коля, дрова колет —
Нечем баньку растопить.
Подошла к нему, спросила:
Может, спиночку помыть?

Мне милашка изменил,
Думал — буду брошена.
Вот, Сереженька, дорога —
И всего хорошего!

Хватит, хватит, походила
По тебе, дороженька.
Хватит, хватит, отлюбила
Я тебя, Сереженька.

Ой, девки, беда,
Потеряла брошку.
Всей душою я люблю
Милого Сережку.

Полюбил меня Сережа,
А сказать стесняется.
Он, как спутник,
вкруг меня
Целый год вращается.

У Володи в огороде
Расцветает красный мак.
Все ребята поженились,
А Володя ходит так.

Володенька, Володенька,
Ходи ко мне зимой.
Ходи, пока молоденька,
Хороший, милый мой!

* * *
Дорогой Володечка,
Сгубила тебя водочка.
— Дорогая ты моя,
Еще сгубила ты меня.

У Ефима ломит спину,
Взял в больнице бюллетень,
И настойку из рябины
Хлещет вот уж пятый день.

Федя смотрит в кошелек,
От ридости зажмурился:
Там лежит на пузырьке,
А в придачу курица.

Не работает Тимошка,
Только ездит на базар.
Говорит: «Зимой картошка —
Самый выгодный товар».



- А** АВГУСТА (лат.) — священная. Сокр.: Ава, Тина.
АВДОТЬЯ (рус.) — от церк. ЕВДОКИЯ; (греч.) — благоволение. Сокр.: Дода, Дуня, Дуняша, Дуся.
АВРОРА (лат.) — имя богини утренней зари. Сокр.: Ава, Раа.
АГАНИЯ (греч.) — добрая, любимая. Сокр.: Ага, Агаша, Гапа, Гаша.
АГАТА (греч.) — хорошая. Сокр.: Ага.
АГАФЬЯ (греч.) — благородная. Церк. АГАФИЯ. Сокр.: Агаша, Гаша.
АГЛАЯ (греч.) — имя одной из трех граций, блестящая, красивая.
АГНЕСА (греч.) — чистая, непорочная.
АГНИЯ (греч.) — непорочная, ягненок. Церк. АГНА. Сокр.: Ага, Ася.
АГРАФЕНА (рус.) — от АГРИППИНА (лат.) — римское родовое имя. Сокр.: Гаша, Глаша, Граня, Груша, Ина, Феня.
АДА (др.-евр.) — букв. украшение.
АДЕЛАЙДА (др.-герм.) — из благородного сословия. Сокр.: Ада, Алиса.
АДЕЛИНА (др.-герм.) — благородная. Сокр.: Аделия, Адель, Алин, Алина.
АЗА (тат.) — утешение.
АЙДА (возм. из арабск.) — вознаграждение, полевная.
АЙНА (арабск.) — глазастая.
АЙША (арабск.) — жизнь.
АКСИНЬЯ (рус.) — от церк. КСЕНИЯ; (греч.) — гостеприимная.
АКУЛИНА (рус.) — от церк. АКИЛИНА; (лат.) — орлиная. Сокр.: Акуля, Килина, Биля, Куля, Лина.
АЛЕВТИНА (лат.) — от ВАЛЕНТИНА — здоровая. Сокр.: Ала, Аля, Тина.
АЛЕКСАНДРА (греч.) — защитница. Сокр.: Аля, Ася, Леся, Саня, Саша, Шура.
АЛЕКСАНДРИНА (греч.) — мужественная, отгоняющая. Сокр.: Рина.

В перечень, который мы предлагаем читателю, вошло больше тысячи личных имен — мужских и женских, русских и заимствованных. Среди них найдутся и наиболее употребительные, и полузабытые, и незаслуженно отринутые, и доставшиеся нам с древних времен.

Нам интересны не только имена сегодняшние и что они обозначают. Интересны, завораживающие и полны тайного смысла имена дедов и прадедов наших, бабушек и прабабушек.

Когда мы читаем старых русских писателей, мы поражаемся обилию «экзотических», несуразных на первый взгляд имен. СЕВЕРЬЯН, ВАРНАВА, ЗАХАРИЯ, АХИЛЛ, ФОТЕЙ, ФРАПОША, ПАВЛИН — у Н. Лескова; ФЕРАПОНТ, АНФИСА, ФИРС — у Чехова; ПАХОМ, СОФРОН, ПАТАП, МАРКО, МАНЕФА — у П. Мельникова-Печерского; ФИЛАНИДУШКА, КЛЕОПАТРА, ХАРЛАМПИЙ, ФЕКЛИНЬЯ — у А. Салтыкова-Щедрина; НИКАНДРА, АНДРОНИК, АСКЛИПИДОТ, ЕВМЕНИЯ, КАЛИН КАЛИНЫЧ — у Д. Мамина-Сибиряка; ПАНЮШКА, ЕРВАСЕЙ, ЕВСЕФИЙ — у С. Максимова; АФИМЬЯ, АНТРОПКА, ВОТИЙ, ПУЛЬХЕРИЯ, НИКОДИМ, ПОРФИРИЙ — у Ф. Достоевского... А сами писатели?.. От «ранешних» до «нонешних» — какие имена! Антиох Кантемир, Аполлон Григорьев, Виссарион Белинский, Викентий Вересаев, Гаврила Державин, Арсений Тарковский, Агния Барто, Гавриил Троепольский... Мы удивляемся этому роскошному разнообразию звучаний, смешению разных языков, вольной интерпретации разночтений, непредсказуемым вариантам сокращений, уменьшительных и ласкательных форм.

Большинство имен в прежней Руси были заимствованы у болгар и греков, а через них — из древнееврейского языка. Теперь, когда происходит христианизация общества, снова будут пользоваться спросом и христианские имена, и их церковные варианты.

Пусть не удивляют читателя и редкие, но достаточно распространенные имена «из-за кордона»: в наше время, когда браки смешиваются не только внутри страны, но и заключаются с зарубежными женихами и невестами, не исключено, что и дети от этих браков будут носить имена не исконные, а заимствованные. Было время для Любав и Снегурочек, было время и Анжелик; может быть, оно уже наступит для Луиз и Фридрихов — кто знает...

Каждому имени предпослано пояснение: из какого языка оно происходит, что обозначает, какова его вариантность.

При составлении каталога использованы: рукописный «Азбуковник» второй половины XVII века, «Указатель имен православных святых» 1913 года, «Справочник личных имен народов РСФСР» 1979 года и другие источники.

...ИМЯ — творение человека, а его фантазия и творчество безграничны. Жизнь дает гораздо больше именных вариаций и открытий, нежели любой справочник. Мы рады будем узнать от читателей редкие имена бабушек и дедушек, а также новообразованные. Напишите нам: КАКОГО ИМЕНИ ЗДЕСЬ НЕТ? Может быть, нам всем вместе удастся создать поистине уникальный и полный перечень.

Из истории имен

У исторических народов Европы имя издревле составляет принадлежность отдельной личности, но принятие того или другого имени и перемена его сделались предметом законодательной регламентации только в новое время.

В Риме закон признавал полную свободу как в выборе, так и в перемене индивидуальных имен (например, Марс), родовых имен (например, Туллий) и фамилий (например, Цицеро), не говоря уже о прозвищах, лишь бы только цель перемены не была преступная.

Переделка фамилий и имен на латинский или греческий лад составляла обычное явление в эпохи гуманизма и реформации. Наиболее ранняя и полная законодательная регламентация имен принадлежит Франции, где ординанс 1555 года выступил против обычая дворянства менять свои родовые фамилии на названия своих поместий (сеньерий), откуда происходила большая путаница, так как по сеньериям продолжали называться и настоящие, и все бывшие их владельцы. Кроме того, недворяне получали благодаря привилегии «де» возможность выдавать себя за дворян. Против этого обычая продолжали, но безуспешно, бороться и в XVII веке. В начале революции вместе с уничтожением дворянских титулов предписано гражданам было носить только свои фамилии (27 сентября 1791 года). Еще через год, в 1792-м, регистрация актов гражданского состояния была отнята у духовенства, и это оказало большое влияние на ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ имена, потому что на место имен из святцев выступили самые фантастические названия отвлеченных существ, растений и животных; временно установилась анархия и относительно фамилий, когда в 1793 году дозволено было всякому менять свою фамилию путем простого заявления перед муниципалитетом. Но еще через год начинается реакция против этих крайностей. В 1803 году издан специальный закон (11—21 жерминаля), в силу которого для индивидуальных имен допускаются только имена, встречающиеся в разных календарях и в древней истории.

Каждое лицо в современных государствах христианской культуры носит определенное имя, которое оно получает при рождении, крещении или внесении в метрические списки. Там, где, как в дореволюционной России, регистрация рождений принадлежала духовенству, имя это бралось из святцев, в других странах — также из Ветхого Завета, из отечественной истории и так далее, без ограничения круга имен законодательством (как во Франции).

Кроме индивидуального имени каждое лицо могло носить еще родовое имя или фамилию, которое законные дети в силу своего рождения приобретали от отца, а незаконные — от матери. На Западе, например в Германии, фамильные имена составляют прочную принадлежность личности уже в XV веке.

В России фамильное имя составляло принадлежность

только дворянства и высшего купечества. В огромной массе мелкого купеческого, мещанского и крестьянского населения фамилий часто вовсе не было, или им соответствовали случайные прозвища, или роль их играли патронимические имена или отчества. В этих слоях населения фамилия приобретает продолжительным пользованием или с разрешения сословных (мещанской, ремесленной управы) или административных (казенная палата) учреждений. В среде русского духовенства существовал обычай давать новую фамилию каждому воспитаннику семинарии, вследствие чего родные братья часто носили разные фамилии.

Имя не есть предмет собственности — ни материальной (имя нельзя продать или заложить, или от него отречься), ни интеллектуальной, потому что носитель имени не может воспретить другому лицу носить то же имя. Не только носители обыденных имен, но даже наследники громких исторических имен не могут предъявить гражданского иска об отнятии тождественного имени у темного и безвестного носителя его. Наследники, например Шекспира или Пушкина, не могут путем гражданского иска защищать свое право на имя против лица, избравшего то же имя. Но каждый вправе требовать, чтобы не пользовались его именем, чтобы выдавать себя за него.

